

**ИЗВЕСТИЯ
ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ**

**Северо-Кавказский
регион**

**ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
2021**

1

Редакционная коллегия:

В.С. Золотарёв – председатель редколлегии, доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
И.М. Узародов – заместитель председателя, доктор исторических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Х. Акаев – доктор философских наук, профессор, Академия наук Чеченской Республики, Россия
О.А. Алимуратов – доктор филологических наук, профессор, Пятигорский государственный университет, Россия
А.У. Альбеков – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Ю. Апрыщенко – доктор исторических наук, доцент, Южный федеральный университет, Россия
С.Н. Астапов – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
В.Д. Бакулов – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
В.М. Белоусов – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
М.А. Боровская – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Б.Б. Булатов – доктор исторических наук, профессор, Дагестанский государственный университет, Россия
Ю.Г. Волков – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Г.В. Драч – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Н.Н. Евченко – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
А.Г. Иванов – доктор исторических наук, Кубанский государственный университет, Россия
Н.В. Изотова – доктор филологических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Г.Ф. Карпова – доктор педагогических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Ю.С. Колесников – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
С.И. Лукьяшко – доктор исторических наук, профессор, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, Россия
А.А. Магомедов – доктор исторических наук, профессор, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Россия
А.В. Матецкая – доктор философских наук, доцент, Южный федеральный университет, Россия
Н.А. Мининков – доктор исторических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.М. Ниворожкин – доктор экономических наук, PhD (доктор экономики), UCL School of Slavonic and East European Studies, Лондон, Англия
Л.И. Ниворожкина – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Н. Овчинников – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.А. Паламарчук – доктор исторических наук, профессор, Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции, Россия
И.А. Полякова – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.И. Пржиленский – доктор философских наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, Россия
М.Д. Розин – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Д.В. Сень – доктор исторических наук, Южный федеральный университет, Россия
Р.Д. Хунагов – доктор социологических наук, профессор, Адыгейский государственный университет, Россия
И.К. Шевченко – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Э.А. Шеуджен – доктор исторических наук, профессор, Адыгейский государственный университет, Россия
Е.А. Шинкаренко – ответственный секретарь журнала, Южный федеральный университет, Россия
О.М. Штомпель – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия

Учредители:

Дагестанский государственный технический университет,
Дагестанский государственный университет,
Донской государственный технический университет,
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Кубанский государственный технологический университет,
Ростовский государственный университет путей сообщения,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Южно-Российский государственный политехнический университет им. М.И. Платова,
Южный федеральный университет

Над номером работали: В.В. Дашевская, Т.М. Климчук, В.И. Литвиненко, М.С. Шипитко.

Подписано в печать 26.03.2021. Выход в свет 30.03.2021.

Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная. Шрифт Times.

Усл. печ. л. 13,05. Уч.-изд. л. 13,24. Тираж 250 экз. Заказ № 7998

Адрес редакции и издателя (для переписки):

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, Южный федеральный университет.

E-mail: izvestiya@sfedu.ru. Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfedu.ru

Адрес редколлегии: 344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 2, к. 110,
тел.: (863) 218-40-00, доб. 11-093, доб. 11-094

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ,
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 1, к. 104, тел. (863) 247-80-51

Journal was founded in 1972 by Yu.A. Zhdanov

Editorial Committee:

V.S. Zolotarev - Chairman of the Editorial Board, Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
I.M. Uznarodov - Deputy Chairman, Doctor of History, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.H. Akayev - Doctor of Philosophy, Professor, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Russia
O.A. Alimuradov - Doctor of Philology, Professor, Pyatigorsk State University, Russia
A.U. Albekov - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.Yu. Apryschenko - Doctor of History, Associate Professor, Southern Federal University, Russia
S.N. Astapov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
V.D. Bakulov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
V.M. Belousov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
M.A. Borovskaya - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
B.B. Bulatov - Doctor of History, Professor, Dagestan State University, Russia
Yu.G. Volkov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
G.V. Drach - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
N.N. Evchenko - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
A.G. Ivanov - Doctor of History, Kuban State University, Russia
N.V. Izotova - Doctor of Philology, Professor, Southern Federal University, Russia
G.F. Karpova - Doctor of Pedagogy, Professor, Southern Federal University, Russia
Yu.S. Kolesnikov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
S.I. Lukyashko - Doctor of History, Professor, Federal Research Centre The Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russia
A.A. Magometov - Doctor of History, Professor, Khetagurov North Ossetian State University, Russia
A.V. Matetskaya - Doctor of Philosophy, Associate Professor, Southern Federal University, Russia
N.A. Mininkov - Doctor of History, Professor, Southern Federal University, Russia
E.M. Nivorozhkin - Doctor of Economics, PhD, UCL School of Slavonic and East European Studies, London, England
L.I. Nivorozhkina - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.N. Ovchinnikov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.A. Palamarchuk - Doctor of History, Professor, Rostov Institute (Branch), All-Russian State University of Justice, Russia
I.A. Polyakova - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.I. Przhilensky - Doctor of Philosophy, Professor, Kutafin Moscow State University of Law, Russia
M.D. Rosin - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
D.V. Sen' - Doctor of History, Southern Federal University, Russia
R.D. Hunagov - Doctor of Social Sciences, Professor, Adyghe State University, Russia
I.K. Shevchenko - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.A. Sheudzen - Doctor of History, Professor, Adyghe State University, Russia
E.A. Shinkarenko - Executive Secretary of the Journal, Southern Federal University, Russia
O.M. Shtompel - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia

The Founders:

Dagestan State Technical University,
Dagestan State University,
Don State Technical University,
Berbekov Kabardino-Balkarian State University,
Kuban State Technological University,
Rostov State Transport University,
Rostov State University of Economics,
Platov South Russian State Technical University,
Southern Federal University

Magazine released V.V. Dashevskaya, T.M. Klimchuk, V.I. Litvinenko, M.S. Shipitko

Signed print March 26, 2021. Publication March 30, 2021.

Format 60×84 1/8. Offset paper.

Conv. print. sheets 13.05. Publ. sign. 13.24. Edition 250 copies. Order number 7998

Address of Editorial Board and the publisher (for correspondence):

344006, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya St., 105/42, Southern Federal University.

E-mail: izvestiya@sfnu.ru. Web Address: www.izvestiya.sfnu.ru

Address of Editorial Board: 344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, Bildg. 2, room 110,
phone: (863) 218-40-00, ext. 11-093, ext. 11-094

Printed in the printing department, and corporate souvenirs,
Publishing and printing complex KIBI MEDIA CENTER, SFU,
344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, build. 1, of. 104, phone (863) 247-80-51

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ. СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН

BULLETIN OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS. NORTH CAUCASUS REGION

doi 10.18522/2687-0770-2021-1

*Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77 – 76978 от 28.10.2019,
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций
Научный журнал
Издаётся с 1973 г.
Периодичность серии 4 номера в год
№ 1 (209) 2021 г.*

*Registration certificate
PI No. FS 77 - 76978 dated 10/28/2019,
issued Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media
Science magazine
Published since 1973.
4 issues per a year
No. 1 (209) 2021*

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

SOCIAL SCIENCE

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

PHILOSOPHICAL SCIENCES

- Зыкова Ю.А.** Христианское сознание в философии французского неогегельянства 4
Локова М.Ю., Ханова М.Н., Захохова М.Р. Феномен одиночества в молодежной среде..... 8
Перекрестова А.В. О понятии «точка» как онтологической категории, фундирующей идею трансцендентности..... 13
Ходикова Н.А. Проблема индукции в контексте антитезы «психологизм – антипсихологизм»..... 21
Шавардова Е.Ю., Ярмек О.В. Социальная специфика имиджа: формат методологии и аудирования..... 26

- Zykova I.A.** Christian Consciousness in the Philosophy of French Neo-Hegelianism..... 4
Lokova M.Yu., Khanova M.N., Zakhokhova M.R. The Phenomenon of Loneliness Among Young People..... 8
Perekrestova A.V. On the Concept of “Point” As an Ontological Category That Underpins the Idea of Transcendence..... 13
Khodikova N.A. The Problem of Induction in the Context of Antithesis “Psychologism - Anti-psychologism”..... 21
Shavardova E.Yu., Yarmak O.V. Social Specific Image: Format of Methodology and Auditing..... 26

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCES

- Апрыщенко В.Ю., Мухин М.А.** Особенности управления Шотландией во второй половине XVIII века..... 35
Афаунова Д.Ф. Роль сословно-поземельных комиссий и комитетов в решении аграрного вопроса на Центральном Кавказе в 40–70-х годах XIX века..... 42
Баранова И.В. Благотворительность немцев в Санкт-Петербурге: вклад пастора А. Мазинга в создание и организацию деятельности «Евангелического дома трудолюбия»..... 48
Забелин А.В. Начало формирования сети железнодорожного сообщения на Северном Кавказе..... 54

- Apryshchenko V.Yu., Mukhin M.A.** Features of the Scottish Governance System in the Second Half of the 18th Century..... 35
Afaunova D.F. The Role of Estate and Land Commissions and Committees in Solving the Agrarian Question in the Central Caucasus in the 40-70s of 19th Century..... 42
Baranova I.V. German Charity in St. Petersburg: The Contribution of the Pastor A. Mazing to the Establishment and Organization of “The Evangelical House of Diligence”..... 48
Zabelin A.V. The Beginning of the Formation of the Railway Network in the North Caucasus..... 54

Загазежева М.Х. Адыгско-российское историческое взаимодействие в отражении работ адыгских просветителей	59
Кислицын С.А., Кислицына И.Г. Ф.Д. Крюков – педагог, общественный деятель, писатель. Эволюция политических взглядов	65
Максименко М.А. Подготовка закона о представительстве шотландского народа в 20–30-х годах XIX века и его влияние на формирование политических потребностей среднего класса.....	72
Сидорова Т.А. Женщины-историки в научной школе Ф.У. Мейтленда: Мэри Бейтсон.....	78

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Паршина А.А., Королев В.К. Формирование профессиональной культуры в вузовском обучении: опыт и проблемы	89
Huang Zhidong. From Priority to Diversity: Prospect of Educational Cooperation for Chinese and Russian Regional Universities.....	95

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Трусова Е.М. Фронтальная закалка, стремление к знаниям и труд – залог жизненного успеха (к 100-летию со дня рождения Веры Сергеевны Панченко).....	101
---	-----

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Мининков Н.А. – <i>Сень Д.В.</i> Русско-крымско-османское пограничье: пространство, явления, люди (конец XVII – XVIII в.) : избранные труды / отв. ред. В.В. Трепавлов. Ростов н/Д. : Алтаир, 2020. 420 с.	105
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Драч Г.В., Тихонов А.В., Франсузов Р.И. Всероссийская (с международным участием) научная конференция «Европейский способ мысли и русская философия: к 250-летию со дня рождения Г.В.Ф. Гегеля и 150-летию со дня рождения Н.О. Лосского» (г. Ростов-на-Дону, 13–14 ноября 2020 г.).....	108
--	-----

Рекомендации по оформлению транслитерации (References).....	112
--	-----

Zagazezheva M.H. The Adyghe-Russian Historical Interaction in the Reflection of the Works of the Adyghean Enlighteners.....	59
Kislitsyn S.A., Kislitsyna I.G. F. D. Kryukov - Teacher, Public Figure, Writer. Evolution of Political Views.....	65
Maximenko M.A. Preparation of the Law on the Representation of the Scottish People in the 20-30 Years of the 19th Century and Its Influence on the Formation of the Political Needs of the Middle Class	72
Sidorova T.A. The Women-Historians in F.W. Maitland’s Scientific School: Mary Bateson...	78

ECONOMIC SCIENCES

Parshina A.A., Korolev V.K. Formation of Professional Culture in Higher Education: Experience and Problems	89
Huang Zhidong. From Priority to Diversity: Prospect of Educational Cooperation for Chinese and Russian Regional Universities.....	95

TOUCHES TO THE PORTRAIT

Trusova E.M. Front-Line Training, the Pursuit of Knowledge and Work - the Key to Success in Life (to the 100th Anniversary of the Birth of Vera Sergeevna Panchenko).....	101
--	-----

BOOK REVIEWS

Mininkov N.A. - <i>Sen’ D.V.</i> Russian-Crimean-Ottoman Borderland: Areas, Phenomena, People (Ending of the 17th - 18th Centuries). Selected works / Ed. by V.V. Trepavlov. Rostov-on-Don: Altair, 2020. 420 p.	105
--	-----

SCIENTIFIC LIFE

Drach G.V., Tikhonov A.V., Frantsuzov R.I. All-Russian (with International Participation) Scientific Conference “The European Way of Thinking and Russian Philosophy: on the 250th Anniversary of the Birth of G.V.F. Hegel and the 150th Anniversary of the Birth of N.O. Lossky” (Rostov-on-Don, November 13-14, 2020).....	108
--	-----

Recommendations for the Design of Transliteration (References).....	112
--	-----

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ PHILOSOPHICAL SCIENCES

УДК 1(091)
doi 10.18522/2687-0770-2021-1-4-7

ХРИСТИАНСКОЕ СОЗНАНИЕ В ФИЛОСОФИИ ФРАНЦУЗСКОГО НЕОГЕГЕЛЬЯНСТВА

© 2021 г. Ю.А. Зыкова ^а

^а Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

CHRISTIAN CONSCIOUSNESS IN THE PHILOSOPHY OF FRENCH NEO-HEGELIANISM

I.A. Zykova ^а

^а Kuban State University, Krasnodar, Russia

Зыкова Юлия Александровна –
аспирант,
Кубанский государственный университет,
ул. Ставропольская, 232, г. Краснодар, 350040, Россия.
E-mail: z.julie@list.ru

Iuliia A. Zykova -
Postgraduate,
Kuban State University,
Stavropolskaya Str., 232, Krasnodar, 350040, Russia.
E-mail: z.julie@list.ru

Исследуется вопрос о том, как французская мысль интерпретирует понятие христианского сознания, представленное в работах Г.В.Ф. Гегеля по философии религии. Анализируется подход Г.В.Ф. Гегеля к изучению христианского сознания в интерпретации его философией французского неогегельянства. Используется междисциплинарный подход в связи с тем, что оценка метода, применяемого к исследованию христианского сознания, невозможна без обращения к христианской теологии. Подтверждается, что метод гегелевской философии, используемый французскими философами-неогегельянами, имеет важное значение для исследований в области философии религии, но не является универсальным для анализа изменений христианского сознания. Проблема требует проведения дополнительного изучения, в том числе и суждений современных мыслителей Франции.

Ключевые слова: христианское сознание, религиозное сознание, неогегельянство, атеизм, несчастное сознание, диалектика, объект, культ.

The French neo-Hegelianism of the 20th century is one of the essential moments of the diverse philosophical life of France. In contrast to earlier studies on the philosophy of French neo-Hegelianism, this article answers the question how French thought interprets the concept of Christian consciousness presented in the works of G. V. F. Hegel on the philosophy of religion. The purpose of this study is to analyze G. V. F. Hegel's approach to the study of Christian consciousness in its interpretation by the philosophy of French neo-Hegelianism. Achieving this goal involves the use of an interdisciplinary approach due to the fact that the evaluation of the method applied to the study of Christian consciousness is impossible without reference to Christian theology. The study allows us to conclude that the method of Hegelian philosophy used by French neo-Hegelian philosophers is important for research in the field of philosophy of religion, but is not universal for the analysis of changes in Christian consciousness. The problem presented in the article requires additional research, including, among other things, the judgments of modern thinkers in France.

Keywords: Christian consciousness, religious consciousness, neo-Hegelianism, atheism, unhappy consciousness, dialectic, object, cult.

За последние два столетия учение Гегеля, классической философской системы, но и благодаря универсальному диалектическому методу, не только стало неотъемлемой частью дило множество трактовок со стороны его последователей, в том числе у французских мыс-

лителей XX в. Впрочем, если об интерпретации основных положений гегелевского учения сказано достаточно, то отдельные его аспекты все еще нуждаются в пояснении и актуальны для исследования, в особенности учение о христианском сознании и попытка интерпретации его философией французского неогегельянства.

Обусловлено это тем, что на фоне огромного количества работ [1], посвященных анализу философии французского неогегельянства, в том числе современных исследований И.С. Куриловича [2], рассматривающих данное направление в его целостности, тема религиозного сознания встречается достаточно редко. Притом что для самого Гегеля религиозная проблематика имеет важное значение в его основных работах и требует соответствующего изучения.

Новизна темы данной статьи заключается в том, что в ней анализируется христианское сознание в философии Гегеля и французских неогегельянцев в отличие от более ранних системных исследований в этой области.

Цель работы – анализ подхода Гегеля к изучению христианского сознания в интерпретации его философией французского неогегельянства. В связи с этим предполагается использование междисциплинарного подхода с тем, что оценка метода христианского сознания невозможна без обращения к христианской теологии.

Исследование осуществлено на основе общепhilosophических и общенаучных методов диалектики, индукции и дедукции, анализа и синтеза, обобщения и гипотезы. Подробный анализ источников потребовал также применения герменевтического метода.

Рассматривая христианское сознание в философии французского неогегельянства, необходимо отметить, что основу представления о христианстве как таковом следует искать в «Философии религии» Гегеля, где он подробно описывает религию как одну из форм самосознания абсолютного духа, содержание которой внутренне тождественно философии, но отличается от нее по форме. В контексте исследования у Гегеля практически не встречается термин «христианское сознание», зато довольно часто упоминается более обобщенный термин – «религиозное сознание». Его главным элементом является представление, в котором один образ существует отдельно от другого, и для христианского сознания остается скрыто внутреннее значение христианской религии. Следовательно, религиозное сознание как таковое не дает, та-

ким образом, подлинного знания о боге (да и всех вещах) [3]. То есть с точки зрения учения Гегеля христианская религия не может раскрыть тот подлинный смысл, которым обладает, так как она только транслирует его в несовершенной форме представления. Чтобы раскрыть внутреннее значение христианской религии, необходимо перевести ее смыслы из формы представления в форму понятия.

Прослеживая подобную логику гегелевского учения о религии, представитель французской философской мысли А. Койре пишет о глубокой арелигиозности Гегеля. Впрочем, несмотря на это замечание, учение Гегеля показывает достаточно ясную структуру религиозного сознания, к которой далее будут обращаться в том числе и неогегельянцы Франции, в особенности Жан Валь [2].

Итак, «структура данной формы сознания состоит из трех элементов: а) Бог – объект; б) человек и на бога направленное познание – субъект; в) объединение их – культ, т.е. бог, сознание бога и культ. По Гегелю, бог есть “все во всем”, “Всеединое”. Если под всем понимать сумму всего существующего, то получается представление “все есть бог”. Это Гегель называет пантеизмом и всячески отрекшивается от него, ибо в таком случае и все плохое будет богом» [3].

Как было отмечено ранее, данная структура сознания очень близка той, которую в своих исследованиях выстраивает представитель французского неогегельянства Жан Валь. Практически вся его работа посвящена более подробному изучению христианского сознания, которое, следуя примеру из работы «Феноменология Духа» Гегеля, Жан Валь называет несчастным.

Отвечая на вопрос о причине использования термина «несчастное сознание» применительно к христианскому, следует обратиться к определению, которое дает сам Жан Валь: «Несчастное сознание, следовательно, – это видение одного сознания в другом и единство этих двух сознаний; но оно еще не осознает, что является этим единством» [4, с. 196]. То есть, обращаясь к структуре христианского сознания и рассматривая ее в философии Жана Валья, необходимо говорить о ней с позиции диалектики внутреннего движения этой структуры. Сознание как субъект, обращенный к своему объекту, т. е. Богу, еще не знает того, что они объединены через культ. Более того, в философии Жана Валья несчастье сознания обуславливается не только причиной неосознания этого факта

объединения. Нечто подобное можно найти и в иудаизме, когда есть неизменное и изменчивое как противоположности. Христианское сознание оказывается несчастным, согласно учению Жана Валя, еще и потому что «единичное становится “формой неизменного”» [4, с. 208].

Итак, неизменное становится единичным, единичное же в себе связано с неизменным, но связи этой оно еще не осознает. Здесь мы имеем противоречие, разрешение которого, согласно Жану Валью, обнаруживаем в разуме. Кроме Жана Валя вопрос несчастного сознания интересуется также французского философа Жана Ипполита. В своей работе «Генезис и структура “Феноменологии духа” Гегеля» он поднимает вопрос о религиозной философии Гегеля и интерпретации в ее контексте понятия «несчастное сознание». Жан Ипполит также приходит к выводу о неадекватности использования формы представления для выражения всей полноты религиозного опыта сознания. Кроме того, он замечает, что «несовершенство» религии заключается еще и в том, что она является только частью индивидуальной жизни и не охватывает все человеческое эпохи.

Похожий вывод находим ещё у одного представителя французского неогегельянства Александра Кожева. Комментируя учение Гегеля о несчастном сознании, он наблюдает постепенную смену христианского сознания тем, которое опирается лишь на законы разума, и считает такой переход неизбежностью, которая произошла после зарождения революционных идей, даровавших индивиду свободу своих действий.

В целом трактовка гегелевского учения о роли религии весьма отличается в работах Кожева, который не только по-своему объясняет сложные части «Феноменологии духа», но и пытается соединить это понимание со своим принципиально иным видением.

Таким образом, если Гегеля обвиняли в пантеизме, то А.Кожева будут обвинять в атеизме на основе того, что христианское сознание в его концепции является неким промежуточным звеном, которое уже утратило свою необходимость, заключающуюся в развитии европейской науки.

Итак, рассматривая христианское сознание в философии французского неогегельянства, можно сделать вывод, что, несмотря на представленное многообразие интерпретаций, существует ряд положений, которые встречаются в работах самого Гегеля и сохраняются во всем представленном множестве пояснений его учения.

К таким положениям можно отнести и отношение к христианскому сознанию как максимально приближенному к философскому, как одной из форм самосознания абсолютного духа, по содержанию внутренне тождественную философии. Исходя из данного положения, учение Гегеля, в том числе в интерпретации его французскими неогегельянами, должно представлять интерес не только для философии, но и для теологии как науки. Однако при более детальном изучении анализируемых ранее интерпретаций можно заметить ряд противоречий между содержанием христианского сознания и анализом этого же понятия в философии французского неогегельянства.

Например, в философии Жана Валя существует суждение о том, что «Бог – это движение в себе самом, и именно для этого он является живым Богом» [4, с. 212]. В философии религии Гегеля также часто упоминается термин «движение» применительно к понятию «бог». Например, «так, бог есть движение в самом себе» или «бог есть движение к конечному и тем самым посредством снятия этого конечного – движение к самому себе» [5, с. 362].

В контексте содержания гегелевской философской мысли, казалось бы, нет ничего удивительного в том, чтобы рассматривать исследуемое понятие в его движении, так как движение понятия является тем уникальным звеном гегелевской философской системы, которое позволило философии проводить более глубокое исследование своего предмета, не опасаясь всех его противоречий. Однако с точки зрения самой христианской теологии термин «движение» не может быть применен к понятию Бога, поскольку его неизменность является одним из основных атрибутов божества.

Следующее существенное расхождение с классической христианской теологией находим в суждении Гегеля о том, что «без мира бог не есть бог» [5, с. 362]. Жан Валь интерпретирует это высказывание в форме особой концепции, «где Бог и мы создаем друг друга» [4, с. 212]. Подобное утверждение также не выдерживает представления классической христианской мысли о самодостаточности Бога.

Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что между внутренним содержанием христианской религии и классической философской мыслью невозможно однозначно поставить знак тождества, который находим в философии французского неогегельянства.

Наш вывод в целом не противоречит результатам, полученным другими исследователями в ходе изучения содержания христианской мысли и философии религии Гегеля в интерпретации французских неогегельянцев. Так, например, один из известных мыслителей XX в. Дьёрдь Лукач высказывает предположение «о преодолении Гегелем христианства, о возникновении новой, третьей, религии» [6, с. 217].

Настоящее исследование ограничено доступом к зарубежным источникам. Проблему следует также рассмотреть и с точки зрения современных мыслителей Франции.

Тем не менее нам удалось обнаружить основные проблемы философии французского неогегельянства, возникающие при междисциплинарном исследовании вопроса интерпретации христианского сознания в контексте представленной философии.

Во-первых, приведенный в философии французского неогегельянства тезис о тождестве содержания христианской религии и философии имеет ряд вопросов при исследовании его методом междисциплинарного подхода, с привлечением науки-теологии.

Во-вторых, для подтверждения или опровержения предположений, представленных в статье по данному ряду вопросов, необходимо проведение дополнительных исследований, включающих современных зарубежных (французских) философов и теологов, работы которых позволили бы более детально понять тот смысл, который был вложен философами-неогегельянами при интерпретации философии религии Гегеля.

Литература

1. Кузнецов В. Н. Французское неогегельянство. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. С. 200.

2. Курилович И.С. Французское неогегельянство: интерпретации и трансформации феноменологии: дис. ... канд. филос. наук. М., 2016. С. 221.

3. Омаров Б.М. Структура религиозного сознания в философском учении г. Гегеля // Общество и право. 2011. № 3 (35). С. 307. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-religioznogo-soznaniya-v-filosofskom-uchenii-g-gegelya> (дата обращения: 14.07.2020).

4. Валь Ж. Несчастное сознание в философии Гегеля / пер. с франц. В.Ю. Быстрова. СПб.: Владимир Даль, 2006. 334 с.

5. Гегель Г.В.Ф. Философия религии: в 2 т. М.: Мысль, 1975. Т. 1. С. 532.

6. Лукач Д. Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества. М.: Наука, 1987. 616 с.

References

1. Kuznetsov V. N. (1982). *French neo-Hegelianism*. Moscow, Moscow University Press, 200 p. (in Russian).

2. Kurilovich I. S. (2016). *French Neo-Hegelianism: interpretations and transformations of phenomenology*. Dissertation Thesis. Moscow, 221 p. (in Russian).

3. Omarov B.M. (2011). The structure of religious consciousness in the philosophical teaching of G. Hegel. *Obshchestvo i parvo*, No. 3 (35), p. 307. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-religioznogo-soznaniya-v-filosofskom-uchenii-g-gegelya> (accessed July 14, 2020). (in Russian).

4. Val' Zh. (2006). *Unhappy consciousness in the philosophy of Hegel*. Tr. from Fr. by V. Yu. Bystrov. Saint Petersburg, Vladimir Dal Publ., 334 p. (in Russian).

5. Hegel G. V. F. (1975). *Philosophy of Religion: in 2 vols*. Moscow, Mysl Publ., vol. 1, p. 532. (in Russian).

6. Lukach D. (1987). *Young Hegel and the problems of capitalist society*. Moscow, Nauka Publ., 616 p. (in Russian).

УДК 316.33
doi 10.18522/2687-0770-2021-1-8-12

ФЕНОМЕН ОДИНОЧЕСТВА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

© 2021 г. М.Ю. Локова^а, М.Н. Ханова^а, М.Р. Захохова^а

^а Кабардино-Балкарский государственный университет, Нальчик, Россия

THE PHENOMENON OF LONELINESS AMONG YOUNG PEOPLE

M.Yu. Lokova^а, M.N. Khanova^а, M.R. Zakhokhova^а

^а Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia

Локова Мариана Юрьевна –
кандидат философских наук, доцент,
кафедра организации работы с молодежью,
Кабардино-Балкарский государственный университет,
ул. Чернышевского, 173, г. Нальчик,
Кабардино-Балкарская Республика, 360004, Россия.
E-mail: lokova@mail.ru

Mariana Yu. Lokova -
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Department of Organization of Work with Youth,
Kabardino-Balkarian State University,
Chernyshevskogo Str., 173, Nalchik,
Kabardino-Balkar Republic, 360004, Russia.
E-mail: lokova@mail.ru

Ханова Марина Нурадтиновна –
кандидат философских наук, доцент,
кафедра организации работы с молодежью,
Кабардино-Балкарский государственный университет,
ул. Чернышевского, 173, г. Нальчик,
Кабардино-Балкарская Республика, 360004, Россия.
E-mail: khanova.marina07@mail.ru

Marina N. Khanova -
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Department of Organization of Work with Youth,
Kabardino-Balkarian State University,
Chernyshevskogo Str., 173, Nalchik,
Kabardino-Balkar Republic, 360004, Russia.
E-mail: khanova.marina07@mail.ru

Захохова Мадина Руслановна –
кандидат экономических наук, доцент,
кафедра организации работы с молодежью,
Кабардино-Балкарский государственный университет,
ул. Чернышевского, 173, г. Нальчик,
Кабардино-Балкарская Республика, 360004, Россия.
E-mail: madia_rz@mail.ru

Madina R. Zakhokhova -
Candidate of Economics, Associate Professor,
Department of Organization of Work with Youth,
Kabardino-Balkarian State University,
Chernyshevskogo Str., 173, Nalchik,
Kabardino-Balkar Republic, 360004, Russia.
E-mail: madia_rz@mail.ru

В условиях глобализации и информатизации наблюдается замещение реального общения виртуальным, потеря ценности живого общения, социальное отчуждение и одиночество. Скорость обмена сообщениями и информацией настолько высока, что люди не успевают развивать свою личную точку зрения, индивидуализироваться. В связи с этим все больше актуализируются вопросы: что такое одиночество и можно ли воспринимать одиночество только как негативное явление, или это, напротив, ресурс, т.е. возможность развития личности.

Рассматриваются вопросы понимания феномена одиночества, его трансформации в современном мире и прогнозирование воздействия на мир будущего, а также есть ли связь между одиночеством и интернет-зависимостью. Анализируется социально-философский аспект одиночества молодежи и всей совокупности их общественных и личностных детерминаций.

Ключевые слова: ценности, одиночество, отчуждение, уединение, молодежь, студенческая молодежь, интернет, изоляция.

In the context of globalization and informatization, there is a replacement of real communication with virtual, a loss of the value of live communication, respectively, there is social alienation and loneliness. The speed of exchange of messages and information is so high that people do not have time to develop their personal point of view, to individualize. In this regard, the questions are becoming more and more relevant: what is loneliness and whether it is possible to consider loneliness only as a negative phenomenon, or, loneliness is, on the contrary, a resource, i.e., an opportunity for personal development.

The article discusses the issues of understanding the phenomenon of loneliness, its transformation in the modern world and predicting the impact on the world of the future, as well as whether there is a connection between loneliness and Internet addiction. The article analyzes the socio-philosophical aspect of youth loneliness and the totality of their social and personal determinations.

Keywords: values, loneliness, alienation, solitude, youth, student youth, Internet, isolation.

В настоящее время достаточно интенсивно и противоречиво обсуждаются процессы глобализации и информатизации. С одной стороны, это сближение культур, мировой экономической рост. Открываются широкие возможности для новых видов деятельности молодежи. С другой – «информационно-технологическая среда как таковая содержит также и потенциальную опасность деформаций в структуре личности и пути ее социальной адаптации» [1, с. 177]. Глобализация привела в движение процесс смешения и вытеснения, сделав человека более изолированным в жизни. Наблюдается социальное отчуждение и одиночество. Актуализируются вопросы философского осмысления человеческого бытия.

Что же такое одиночество? Можно ли рассматривать одиночество только как негативное явление, которое сопровождается депрессивным состоянием личности? Или одиночество это, напротив, ресурс, т.е. возможность развития личности?

Познание феномена одиночества, его понимание в современном мире и прогнозирование будущего воздействия на мир возможно только при наличии широкого междисциплинарного подхода. Теоретико-методологическую основу нашей статьи составили положения и выводы философской, социологической и социально-психологической мысли. Исследование предмета обусловили системный, логический и диалектический подходы. Феномен одиночества рассматривается не только как индивидуальный выбор, но и во взаимосвязи социальных детерминаций.

Из истории философской мысли известно, насколько многообразны были взгляды в данной области. На Древнем Востоке одиночество считалось неотъемлемым условием самопознания, саморазвития человека, тогда как в Древней Греции – «проклятием человечества» [2]. Средневековая интерпретация одиночества как способа самопознания основана на принципе веры в Бога, который определяет путь спасения. В эпоху Возрождения отмечается развитие индивидуализма и интеллектуального обновления. Позже представление феномена одиночества разделилось на независимые категории: уединение, изоляция и отчуждение.

Исследовательский интерес представляет категория «отчуждение», впервые выдвинутая Гегелем, «как результат растождествления бытия духа и сознания постигающего это бытие субъекта. Отчуждение выступает как центральная категория успешной реализации или же крушения личностных надежд» [3]. В философии Г.В.Ф. Гегеля самопознание духа возможно путем самоотчуждения и лишения себя свободы. Познав себя в этом инобытии, абсолютный дух преодолевает самоотчуждение, и тогда он возвращается к себе и обретает абсолютную свободу.

В работах Ж.-Ж. Руссо философское осмысление отчуждения отмечается как «диагноз». Это «воспаленные» формы самооценки, проявляющиеся в отчужденных формах, когда действия людей разделились с их собственной позицией [4].

В философском учении Л. Фейербаха отчуждение рассматривается через призму религии, где индивид отчуждает от себя свою родовую сущность, данную ей природой, и переносит ее качество на высшее существо – Бога [5].

К. Маркс, сформировав концепцию отчужденного труда, раскрыл социально-экономическую сущность отчуждения. Человеку в условиях господства частной собственности не принадлежит ни сам процесс, ни результат труда, так как происходит самоотрицание и отчуждение человека от человека [6].

Несмотря на многообразие взглядов, изучение концепции отчуждения, ее теоретических форм подтверждает наличие нерешенных вопросов в осмыслении данного явления. Эти проблемы включают также и некоторые эмпирические аспекты темы исследования.

Исследование феномена отчуждения актуализирует ряд социальных и психологических проблем молодежи, их отношения к себе и к другим. Дифференциация увеличивает протестные ценностные выборы молодых людей [7, с. 87]. Они рассматривают это как источник «неуверенности в завтрашнем дне». Поэтому важной задачей социально-философского анализа является своевременное обнаружение направленности векторов его развития.

Для того чтобы выявить проблемы одиночества современной молодежи Кабардино-Балкарского государственного университета, в феврале 2020 г. проведено социологическое исследование. В анкетировании приняли участие 300 студентов в возрасте 16–20 лет.

Определить значимость проблемы одиночества для молодежи позволили их ответы на следующие утверждения:

«Я чувствую себя покинутым, одиноким, мне не с кем поговорить» ответили: «часто» – 4 %, «иногда» – 12 %, «редко» – 22 %, «никогда» – 62 % респондентов.

«Я несчастлив, никто не понимает меня, мне не к кому обратиться» ответили: «часто» – 6 %, «иногда» – 29 %, «редко» – 37 % и «никогда» – 28 % респондентов.

«Те, кто меня окружает, не разделяют мои интересы и идеи» – «часто» – 12 %, «иногда» – 22 %, «редко» – 34 %, «никогда» – 32 %.

«Для меня невыносимо быть таким одиноким, мне не хватает общения, трудно заводить друзей» – «часто» – 7 %, «иногда» – 15 %, «редко» – 35 %, «никогда» – 43 %.

«Мои социальные отношения и связи поверхностны, я чувствую себя изолированным от других» – «часто» – 10 %, «иногда» – 20 %, «редко» – 38 %, «никогда» – 32 %.

«Я несчастен, будучи таким отверженным» – «часто» – 2 %, «иногда» – 1 %, «редко» – 16 %, «никогда» – 81 %.

В целом было выявлено, что проблема одиночества не является актуальной среди опрошенных студентов. Большинство респондентов не ощущают себя исключенными и изолированными; современная молодежь достаточно общительна и раскрепощена.

Однако сегодня настолько высока скорость обмена сообщениями и информацией, что люди не успевают развивать свою личную точку зрения, индивидуализироваться. Информационное влияние может мотивировать молодого человека вести себя вопреки собственным интересам, блокировать наличие продуктивной деятельности, в крайних случаях приводить к социальной деформации. Родители и эксперты критически относятся к продолжительному использованию медиа и стремлению быть постоянно в сети. Вызывает беспокойство тот факт, что молодые люди обычно имеют неограниченный и неконтролируемый доступ ко всему сетевому контенту.

По результатам нашего исследования, 87 % респондентов отметили, что их эмоциональное

состояние и отношения с людьми не зависят от того, сколько времени они проводят в Интернете. 56 % не скрывают количество времени, которое они проводят в Интернете, так как не видят в этом проблемы. 75 % редко думают об Интернете, когда заняты другими делами. Остальные 25 % думают о том, что там происходит в их отсутствие. 42 % предпочитают общаться с людьми или искать информацию через Интернет, а не в реальной жизни, в то время как 58 % респондентов «далеко не всегда прибегают к помощи Интернета, когда им нужно найти информацию или пообщаться».

Доступ к Интернету открывает неограниченные возможности, но также создает новые проблемы. Есть риск, что для реальной жизни, кроме виртуальной, больше не останется места. Главная проблема, на наш взгляд, состоит в том, что, несмотря на то что молодые люди в виртуальном пространстве не одни, по-настоящему они не вместе, и это может стать причиной увеличения числа одиноких молодых людей.

Если человек не контактирует или мало контактирует с другими, говорят о социальной изоляции. Если человек контактирует с окружающими достаточно, но все равно ощущает себя всеми покинутым – это отчуждение. А если он просто живет один и чувствует себя превосходно независимо от количества контактов – это уединенность [8].

Г. Торо и Ж.П. Сартр отмечали, что любому человеку необходимо иногда уединиться. Люди всегда оценивают нас, тем самым они вмешиваются и разрушают нашу индивидуальность, мешают нам в самовыражении. «Лучше жить на острове, в добровольной изоляции, чем испытывать постоянное царапание чужих взглядов, мнений, оценок моей собственной личной индивидуальности – это болезненный процесс» [9].

Уединенность – это не внешнее проявление и оно не имеет ничего общего с одиночеством. Оно является чем-то происходящим глубоко внутри. Уединение вызывает ощущение удовлетворения и покоя в любой ситуации, помогает человеку расслабиться. Человек, развивший это внутреннее уединение, приобретает способность управлять эмоциями. Он никогда не будет ощущать грусть и опустошенность. И тогда, возможно, в условиях современности глобальную сеть Интернет можно использовать молодым людям как возможность для уединения, самовыражения и саморазвития [10].

В настоящее время Интернет – это не просто среда личностного и делового общения, но и среда для образования. В марте 2020 г. в связи с пандемией не только учебный процесс, но и все сферы жизнедеятельности были переведены в онлайн-пространство. В это сложное время именно Интернет и цифровые технологии пришли на помощь. Однако не следует забывать, что интернет не заменит живого общения. Философская мысль гласит, что только в соотношении с миром возможно быть человеком. Именно таким образом давал определение «бытию здесь» Хайдеггер. Понятие Person он заменил на слово Dasein, чтобы показать, что «Я» не могу быть, если «Я» не связан с «Ты» или с «Это» [11]. Быть в мире, значит быть в связи с чем-то или кем-то другим. Мы можем чувствовать недостаток чего-то и испытывать одиночество, если в данной соотношенности что-то не функционирует. Человек познает себя, развивается, благодаря встрече с другим. И если он живет в этой согласованности, тогда он действительно существует, и тогда он уже не одинок.

Литература

1. Локова М.Ю., Ханова М.Н., Азаматова Г.К., Виндижева А. О., Решетникова Н.Н. Социальные последствия влияния информационных технологий на ценностные установки современной молодежи в условиях финансового кризиса // Будущее глобальной финансовой системы: Падение или гармония : конспект лекций по сетям и системам – LNNS. Springer Nature Switzerland AG, 2019. Т. 57. С. 176–182.
2. Гасанова П.Г., Омарова М.К. Психология одиночества : учеб.-метод. пособие. Киев : Финансовая рада Украины, 2017. 76 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа // Соч. М. : АН СССР, 1959. Т. IV. 440 с.
4. Rousseau J.-J. Discourse on the Origin and Foundations of Inequality Among Men or Second Discourse // The Discourses and Other Early Political Writings. V. Gourevitch (Ed. and tr.). Cambridge : Cambridge University Press, 1997. P. 111–232.
5. Фейербах Л. Сущность христианства // Избр. филос. произв. М., 1955. Т. 2. С. 942.
6. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1974. Т. 42.
7. Локова М.Ю. Структурная трансформация ценностных ориентаций молодежи в модернизирующемся российском социуме : дис. ... канд. филос. наук. М., 2007.

8. Рогова Е.Е. Интернет-зависимость – проблема современной молодежи. URL: [https:// cyberleninka.ru/ article/n/internet-zavisimost-problema-sovremennoy-molodezhi/viewer](https://cyberleninka.ru/article/n/internet-zavisimost-problema-sovremennoy-molodezhi/viewer) (дата обращения: 21.11.2020).
9. Не одинок в такой точке зрения // Любите свои глаза. URL: <https://notimpotent.com/ne-odinok-v-takoj-tochki-zreniya/> (дата обращения: 21.11.2020).
10. Ткачев И. «Умные не столько ищут одиночества, сколько избегают создаваемой дураками суеты» (А. Шопенгауэр). URL: [https:// shkolazhizni.ru/psychology/articles/92437/](https://shkolazhizni.ru/psychology/articles/92437/) (дата обращения: 21.11.2020).
11. Победить одиночество // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2016/06/01/psihoterapevt-obiasnil-kak-preodolet-odinochestvo.html> (дата обращения: 13.12.2020).

References

1. Lokova M.Yu., Khanova M.N., Azamatova G.K., Vindizheva A.O., Reshetnikova N.N. (2019). Social consequences of the influence of information technologies on the value attitudes of modern youth in the conditions of the financial crisis. *The Future of the global financial system: Fall or harmony: Lecture Notes on Networks and Systems - LNNS*. Springer Nature Switzerland AG, vol. 57, pp. 176-182. (in Russian).
2. Hasanova P.G., Omarova M.K. (2017). *Psychology of loneliness*. Study guide. Kiev, Financial Council of Ukraine Press, 76 p. (in Russian).
3. Hegel G.V.F. (1959). *Phenomenology of spirit. Works*. Moscow, USSR Academy of Sciences Press, vol. 4, 440 p. (in Russian).
4. Rousseau J.-J. (1997). *Discourse on the Origin and Foundations of Inequality Among Men or Second Discourse. The Discourses and Other Early Political Writings*. V. Gourevitch (Ed. And tr.). Cambridge, Cambridge University Press, pp. 111-232.
5. Feuerbach L. (1955). *The essence of christianity. Selected philosophical works*. Moscow, vol. 2, p. 942. (in Russian).
6. Marx K. (1974). *Economic and philosophical manuscripts of 1844*. K. Marx, F. Engels. *Works*. Moscow, vol. 42. (in Russian).
7. Lokova M.Yu. (2007). *Structural transformation of value orientations of youth in the modernizing Russian society*. Dissertation Thesis. Moscow, 87 p. (in Russian).
8. Rogova E.E. *Internet addiction is a problem for today's youth*. Available at: [https:// cyberleninka.ru/article/n/internet-zavisimost-problema-sovremennoy-molodezhi/viewer](https://cyberleninka.ru/article/n/internet-zavisimost-problema-sovremennoy-molodezhi/viewer) (accessed November 21, 2020). (in Russian).

9. Not alone in this point view. *Love your eyes*. Available at: <https://notimpotent.com/ne-odinok-v-takoj-tochki-zreniya/> (accessed November 21, 2020). (in Russian).

10. Tkachev I. *"The clever are not so much looking for loneliness as they avoid the fuss created by fools"* (A. Schopenhauer). Available at: <https://shkolazhizni.ru/psychology/articles/92437/> (accessed November 21, 2020). (in Russian).

gy/articles/92437/ (accessed November 21, 2020). (in Russian).

11. To Conquer Loneliness. *Rossiiskaya gazeta*. Available at: <https://rg.ru/2016/06/01/psihoterapevt-obiasnil-kak-preodolet-odinochestvo.html> (accessed December 13, 2020). (in Russian).

Поступила в редакцию / Received

5 февраля 2021 г. / February 5, 2021

УДК 111.1
doi 10.18522/2687-0770-2021-1-13-20

О ПОНЯТИИ «ТОЧКА» КАК ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ, ФУНДИРУЮЩЕЙ ИДЕЮ ТРАНСЦЕНДЕНТНОСТИ

© 2021 г. А.В. Перекрестова ^а

^а Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

ON THE CONCEPT OF “POINT” AS AN ONTOLOGICAL CATEGORY THAT UNDERPINS THE IDEA OF TRANSCENDENCE

A.V. Perekrestova ^а

^а Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

Перекрестова Анастасия Валерьевна –
аспирант, кафедра философии и мировых религий,
Донской государственный
технический университет,
пл. Гагарина, 1, г. Ростов-на-Дону, 344000, Россия.
E-mail: pereckrestova@mail.ru

Anastasia V. Perekrestova -
Postgraduate, Department of Philosophy
and World Religions,
Don State Technical University,
Gagarina Sq., 1, Rostov-on-Don, 344000, Russia.
E-mail: pereckrestova@mail.ru

В свете активного развития науки, в частности физики, имеющей дело с невизуализируемыми и необъяснимыми феноменами, в современном мире особенно важным становится понимание явлений, находящихся на грани возможностей человеческого восприятия. В этом смысле исследование понятия «точка» не только как математического объекта, но как универсалии, предваряющей собой идеи онтологического порядка, способно внести вклад в методологию мышления для новых трактовок научных открытий и их адекватного описания. Рассмотрение понятия «точка» производится автором в русле метафизического осмысления, а включение в контекст анализа идеи трансцендентности, к которой выводит данное понятие, формирует концептуальную схему для интерпретаций того, что не поддается всестороннему осмыслению и объяснению. Поиск альтернативных трактовок и дополнительных смысловых коннотаций привычных понятий, которые характеризуются интегративностью и синкретизмом, особенно важен в современных научных изысканиях, так как позволяет обогатить гносеологический арсенал и открыть новые аспекты тематического поля философии и науки. Целью статьи является обоснование онтологического статуса понятия «точка» в проблемно-теоретическом контексте современной культуры. Точка представлена как первоначало и конец бытия, что иллюстрируется общепризнанной космологической моделью. Демонстрируется особая природа данного понятия, выступающего связующим звеном между сферами имманентного и трансцендентного.

Ключевые слова: точка, трансцендентность, границы познания, агностицизм, Николай Кузанский, бытие, первоначало, сущее, Вселенная, ноль и единица.

The article shows that the active development of science, in particular, physics, which deals with unvisualizable and inexplicable phenomena, in the modern world it is especially important to understand the phenomena that are on the verge of human perception. In this sense, the study of the concept of “point” not only as a mathematical object, but as a universal, anticipating the idea of an ontological order, can contribute to the methodology of thinking for new interpretations of scientific discoveries and their adequate description. The author considers the concept of “point” in the mainstream of metaphysical comprehension, and the inclusion in the context of the analysis of the idea of transcendence, to which this concept leads, forms a conceptual scheme for interpreting what does not lend itself to multi-faceted comprehension and explanation. The search for alternative interpretations and additional semantic connotations of familiar concepts, which are characterized by integrativity and syncretism, is especially important in modern scientific research, because allows to enrich the epistemological arsenal and open new aspects of the thematic field of philosophy and science. The purpose of the article is to substantiate the ontological status of the concept of “point” in the problem-theoretical context of modern culture. The point is presented as the beginning and end of being, which is illustrated by the generally accepted cosmological model. The special nature of this concept is demonstrated, acting as a link between the spheres of the immanent and the transcendent.

Keywords: point, transcendence, boundaries of cognition, agnosticism, Nicolas of Cusa, being, origin, existence, universe, zero and one.

В XXI в. нестандартные эпистемологические парадигмы и расширение границ познания порождают совершенно новые факторы, которые начинают оказывать существенное влияние на культуру. В культурном пространстве именно философия всегда, с момента своего возникновения, являлась не только начальной точкой размышлений о таких фундаментальных вопросах, как бытие, первопричина, структура мироздания, но и помогала создать метакультурный субстрат, который породил и продолжает генерировать все духовные богатства цивилизации.

Философия задает вектор научным исследованиям и формирует интеллектуальную атмосферу. Будучи самосознанием всех форм теоретической деятельности, она синтезирует в себе и те виды, которые лежат за пределами рационального постижения бытия. А когда разум подводит нас к границам, в той или иной форме возникает идея трансцендентного. Современные дефиниции данного понятия в многочисленных словарях и энциклопедиях, презентующих его как нечто, «выходящее за пределы возможного», не дают детализации и экспозиции его формирования. Имплицитно трансцендентное присутствовало уже в античной философии, достигнув некоторой оформленности у неоплатоников. Вся религиозная философия Средневековья органически пронизана этой идеей, поскольку Бог выступает апофеозом трансцендентности. Но по-настоящему это понятие приобрело полноценное бытование благодаря Иммануилу Канту.

В XVIII в. кенигсбергский гений ввел ограничение познания в связи с оперированием пространственно-временными понятиями, которые являются структурными принципами человеческого мышления. Кантовское разделение действительности на мир познаваемых «явлений» и мир непознаваемых «вещей в себе» давно стало хрестоматийным. Непознаваемость «вещей в себе», или ноуменов, принципиальна и неизменна во все эпохи и для всех народов. Причем предельная абстрактность, а в некоторых случаях и немыслимость выступают неотъемлемым признаком этих универсалий. «Подобные трансцендентные идеи имеют чисто умопостигаемый предмет, и допускать его как совершенно неизвестный трансцендентальный объект, конечно, позволительно; но, для того чтобы мыслить его как вещь, определимую ее отличительными и внутренними предикатами, мы не имеем никаких оснований его возможности (так

как он не зависит ни от каких эмпирических понятий) и никакого оправдания для такого допущения» [1, с. 309], – резюмирует Кант в «Критике чистого разума».

В культурном наследии человечества существует огромное количество примеров, поддерживающих кантовское разделение на феномены и ноумены и постулирующих идею принципиально непознаваемого: «Знание конечно, незнание бесконечно; в интеллектуальном отношении мы стоим на островке посреди бесконечного океана необъяснимого» [цит. по: 2, с. 434], – писал Томас Гексли, ревностный популяризатор науки. «За этим миром скрывается реальность, вне пространства и времени, вне умственной Вселенной человека, вне какой бы то ни было доступной человеческому познанию сферы» [цит. по: 3, с. 364], – вариации той же мысли озвучивала французская мыслительница Симона Вейль. И, наконец, об этом постоянно размышлял великий гений Альберт Эйнштейн: «Попробуйте, используя наши ограниченные возможности, понять секреты природы, и обнаружите, что за всеми различными законами и связями остается что-то неуловимое, нематериальное, непостижимое» [4, с. 481].

Таким образом, ограничение возможностей познания, предложенное Кантом, – это не агностический удар, который лишает мотивации исследовать и провоцирует погрязнуть в мирской суете, это истина, которая вдохновляет, окрыляет и заставляет жаждать невозможного. Сам Кант в итоге аккуратно обошел этот вопрос, постулировав примат практического разума над теоретическим, с чем, однако, согласились впоследствии не все философы, в частности Шопенгауэр. Он отстаивал права метафизики как собственно философии в ее исконной задаче, ведь мыслители всегда стремились ответить на вопрос «что это такое и каковы его истоки?» в применении к миру и бытию, найти онтологическое и онтическое, как сказал бы Хайдеггер, первоначало. Но в конечном счете это направление мысли тянет за собой целую вереницу других неразрешимых вопросов, среди которых пресловутый антропный принцип и понимание того, что трансцендентность по отношению к микрокосму и макрокосму отождествлять неправильно.

Познавательный лимит, установленный Кантом, – это то, из чего возникло умозрительное восхождение к трансцендентному во всей немецкой философии, отличающейся глубоко-

мыслием, универсализмом и всеохватностью. «Но почему умопостигаемый характер приводит именно к таким-то явлениям и к такому-то эмпирическому характеру при данной обстановке – этот вопрос выходит за пределы всякой способности нашего разума» [1, с. 305], – мыслитель неоднократно делает акцент на этом тезисе. Тем не менее Кант не фиксируется на непознаваемом, не возносится мыслью в царство абстракций, но задает такой курс теоретического исследования, который пролегает на границе с бескрайними пространствами постижимого.

Творчество авторов XX в. показало, что в современной культуре идея трансцендентности нуждается в особом осмыслении, приправленном максимально корректным философствованием, а не в сухой, грубой аналитике, лишаящей ее значительной доли очарования и самих стимулов погружения в тему. Кроме того, сугубо научный подход, подобно психологическому или прагматическому, выносит за свои рамки «эстетику жизни», поэтому, когда речь идет о запредельном, весьма ценным оказывается обращение к опыту художественного и музыкального искусства, религии и литературы.

Многие писатели-фантасты, засверкавшие на литературном небосклоне в XX в., тяготели к философской рефлексии, их воображение генерировало идеи, актуальные не только в контексте развития науки, но и философии. Они обеспечивали художественные инспирации в еще неизведанных вопросах и областях жизни. В целом философская фантастика – это не нечто само собой разумеющееся, ибо аутентичную философию и чистую фантастику разделяет пропасть. Произведения ярчайших фантастов-мыслителей, таких как С. Лем, Р. Брэдбери, К. Саймак, А. Азимов и др., – это особый вид интеллектуального творчества. С невероятным мастерством набрасываются они на все ограничения современной цивилизации и на обыденность человеческого мировосприятия, дабы преодолеть рубежи и преграды, непроницаемые в сфере повседневных представлений. Они осуществляют трансгрессию в ее облегченном формате, ведь как завещал А. Кларк: «Единственный способ изведать границы возможного – это осмелиться шагнуть чуточку дальше за его пределы, в область невозможного» [5, с. 45].

В современном мире восхождение к трансцендентному способно провоцировать озарения философствующего сознания, нести в себе свет лучших завоеваний интеллекта, но при этом оно

уже не может оставаться философским в классическом понимании этого слова. Ему надлежит быть скорее неким новаторским метафизическим действом по разгадыванию неизведанного, ухватыванию немислимого и прикосновению к потустороннему. Трансценденция как высший вид интеллигибельных объектов, недоступных опыту, не поддается исследованию, человеческий разум просто не способен осмыслить и эксплицировать такие понятия, как Бог, вечность, ничто. Однако существуют и другие, которые максимально близко подводят к сфере трансцендентного, – таковым, по нашему мнению, является понятие точки, уникальное ещё и тем, что, будучи имманентным этому миру, оно прокладывает ментальные маршруты к чему-то большему.

Вот в таком контексте устремленности к трансцендентному движению мысли подводит к понятию, ставшему таким привычным и обиходным для целого ряда наук и идиоматических повседневных фраз, понятию, обнаруживающему себя как графический символ в бесчисленном множестве печатных источников – и имя ему «точка». В разных энциклопедических словарях точка определяется как геометрический объект, у которого отсутствуют любые измеримые параметры, кроме координат. При этом у точки совершенно уникальный онтологический статус: она есть и её нет в то же самое время. На метафизическом уровне в точке заключено начало и конец всего, ведь с точки всё начинается и в ней впоследствии завершает свое существование. Математически точка символизирует собой ноль, имеющий всеобъемлющий характер, поскольку потенциально концентрирует в себе информацию обо всём одновременно. Однако точка, на наш взгляд, выступает как преддверие ничто, ибо в точке всё аннулируется и аннигилируется.

В классической геометрии точка является фундаментальным абстрактным объектом, не имеющим величины, размера и массы, а наименование его как нульмерного объекта можно рассматривать в качестве повода говорить о том, что точка весьма специфически соотносится с понятиями пространства-времени. Точка может репрезентироваться как нечто бесконечно малое, – если прибегнуть к образному выражению, это своеобразная «бесконечность, вывернутая наизнанку». В системе координат континуума точку можно обозначить как абсолютный минимум пространства. Евклид в своих

«Началах» конституирует особый статус точки как первоэлемента и основополагающего понятия. Первое же определение сочинения древнегреческого математика посвящено этому объекту: «Точка есть то, что не имеет частей» [6, с. 11]. Вслед за этим следует дефиниция, которая актуализирует ипостась точки как границы: «Концы же линии – точки» [6, с. 11], – что уже в имплицитном виде подразумевает возможность выхода за этот предел.

Точка воплощает всё и ничто. Она может быть развернута в бесконечность, экстраполирована к Абсолюту. Н. Кузанский, среди всех философов наиболее близко подошедший к этой теме и затрагивающий ее в нескольких своих сочинениях, писал: «Точка только одна, и она есть не что иное, как всё то же бесконечное единство» [7, с. 64]. Также точка напрямую соотносится с ничто: нам представляется примечательным, что как объект незримый и неизмеримый, в случае своего исчезновения он не даст оснований обнаружить какие-либо внешние изменения, соответственно установить, что оказывается в фокусе рассмотрения – точка или ничто, невозможно. На этот нюанс обратил внимание и Кузанский, утверждавший, что «прибавлять точку к точке – это будет все равно что присоединять ничто к ничему» [8, с. 254].

Весь мир, Вселенная, вообще всё сущее состоит из точек, но и само мироздание можно рассматривать как точку, что и делает, в частности Н. Кузанский. В соответствии с теорией Большого взрыва, Вселенная возникает фактически из ничего – из так называемой точки сингулярности, проникнуть за пределы существования которой, к первоистокам её появления наука не способна и, более того, не сможет никогда. Но для нас значимо то, что сингулярность является некой нулевой точкой, в которой мир обретает свое начало. Таким образом, в точке заключается всё, что существовало, есть сейчас или только появится в будущем, а также то, что может быть причастным бытию потенциально, и то, что не будет существовать никогда. Полагая, креативный потенциал точки беспредель, поскольку она способна инициировать возникновение любых, даже самых невероятных и непостижимых миров.

В современной космологии довольно популярна гипотеза эволюции Вселенной, которая прогнозирует наступление момента, когда расширение пространства под воздействием гравитационных сил прекратится и автоматически

запустится необратимый процесс сжатия материи. Конечным результатом этого рекурсивного движения станет масштабный коллапс вещества, трансформирующегося в черные дыры, а затем – в финальную сингулярность. Эволюционные сценарии нестационарной Вселенной, как и большинство других, опираясь на теорию Большого взрыва, соприкасаются с неразрешимой проблемой космологической сингулярности, в философском понимании – это чистая трансценденция. Ни одна из физических моделей ничего не говорит о ее природе, более того, невозможно что-либо сказать и о том, что предшествовало сингулярности, поскольку запуск расширения материи радикально изменил законы универсума, — при этом ни одно из положений современной физики не отрицает возможности существования чего-либо до Большого взрыва. В соответствии с упомянутой концепцией, размеры Вселенной изначально равнялись нулю, она была сжата в точку.

Таким образом, всё снова сводится к точке и сворачивается в ней. Это всего лишь одна из наглядных физических иллюстраций (пусть только научная модель) того, какая колоссальная смысловая, эссенциальная трансфинитность заключена в столь обиходном и кажущимся таким незатейливым понятии. Как тонко подмечает В. Бибихин, «вобравшая всё точка как целое неуловима, непространственна, не укладывается в систему координат, но может предшествовать ей как начало геометрии, она же начало времени» [9, с. 416].

Если развить идею расширения после Большого взрыва, приняв гипотезу осциллирующей Вселенной, которая предполагает цикличность космологических процессов и чередование расширения и сжатия, то в контексте темы точки данная теория предстает не только как реализация фундаментальности природы точки, но и как презентация её связующей силы. Точка становится медиатором между мирами, звеном в цепи возникновений и исчезновений – рождение и гибель Вселенных напоминает пульсацию бесконечного потока бытия, экстремумами колебаний которого и являются точки.

Но физическая реальность – это не просто совокупность атомов, состоящих из электрона, протона и нейтрона (представление такое же наивное, как и воззрения Демокрита), но феерическая композиция из фотонов, лептонов, мезонов и барионов, в которой возникают все новые

элементы. Как многозначительно отмечают многие ученые-физики, Вселенная и сама может оказаться микроскопической частицей, в то время как в мельчайшем, неделимом в человеческом понимании объекте может быть заключено бесконечное множество Вселенных. Наш мир, рассматриваемый в качестве одного из бесчисленных универсумов, возникающих из точки и в ней обретающих свое завершение, – это всего лишь красивая космогоническая модель, но она декларирует онтологическую первостепенность точки.

Это элементарное моделирование в рамках космической эсхатологии дает понимание базовой характеристики нашего мироздания – релятивности всего. И точка, в которой одновременно воплощаются начало и конец, единство и множество, и которая делает их эквивалентными друг другу, как раз и является понятием, способным дать прикоснуться к этой тайне мира, приоткрыв дверь, скрывающую немислимые и невыразимые для ограниченного человеческого разума истины.

Если обратиться к микроуровню окружающей реальности, то можно увидеть не менее интересные зависимости. Вообще уровень, на который вышли исследования микроструктуры вещества в XXI в., дает возможность почувствовать не только ограниченность, но и величайшую мощь интеллекта, так как человек вплотную подошел к запредельным областям бытия – сферам, недоступным для перцепции. Одним из эссенциальных атрибутов элементарных частиц выступает обнажающий многоликость мира и его составляющих корпускулярно-волновой дуализм, согласно положениям которого «между волнами и частицами нет разницы; частицы могут иногда вести себя подобно волнам, а волны – подобно частицам» [10, с. 98]. Каждая из микрочастиц (в том числе и виртуальных) обладает своим специфическим бытием: она возникает, включается в некие физические процессы и подвергается аннигиляции. Это стандартный цикл существования микрообъекта, но имеются и другие сценарии.

Так, например, отдельный интерес представляют элементарные частицы, которые, не успев родиться, моментально исчезают, — они не поддаются какой-либо фиксации и регистрации, поскольку соотносятся с планковскими величинами, а их бытие номинально и условно равно нулю. На наш взгляд, элементарная частица в физике – это «живое» воплощение точки. Но

если осмыслять этот момент аналитически, значимым становится то, что микрочастица-точка выступает не как абстрактный, химерический объект, а как вполне реальный, фиксируемый феномен – непредсказуемый, необъяснимый, периодами совершенно непонятный, но тем не менее вполне материальный. И в связи с этим весьма любопытен такой параметр точки, как ее причастность одновременно двум пластам бытия – материальному и идеальному. Мирозрительские следствия из этого заключения таковы, что на примере точки мы сталкиваемся с уникальным объектом, который, имея отношение к миру материи и даже обладая графическим символом, несмотря на это концентрирует в себе такую концептуальную насыщенность и амбивалентность, коей лишены гораздо более абстрактные, метафизические сущности.

Точку можно рассматривать и как трансгрессию от ничто к нечто, причем за пределами каждого из этих элементов сокрыта сплошная непознаваемость. В этом аспекте точка не только фундирует идею трансцендентности, но и сообщает её всему, что коррелирует с ней на онтологическом уровне. Абсолют, творящий всё сущее и рассматриваемый в качестве Точки, с чем мы периодически сталкиваемся в трудах Кузанского, становится недоступным прообразом, зашифрованным в геометрических воплощениях высшей первопричины мироздания. Точка, как фактор, отсылающий к категориям иррационального, находясь между ничто и нечто, открывает новое измерение в понимании природы божественного. Но это понимание скорее является лишь улавливанием, ощущением чего-то неземного, ибо уже на подступах к его запредельности рассыпаются в прах все монументальные метафизические категории – бытие, ничто, сущность и т.д.

Но не только универсум выступает в качестве точки, индивидуальное сознание также может быть сведено к ней. Достаточно вспомнить пронзительную фразу из новеллы Довлатова: «Я – всего лишь случайная точка в пространстве» [11]. Человек – это микрокосм, в котором в миниатюризованном варианте заключена целая Вселенная, и те духовные горизонты, которые простираются пред взором лучших представителей человечества, по сложности и масштабности вполне могут конкурировать с событиями космогонического эпоса. Как поэтично заметил физик Митио Каку: «Атомы нашего организма были выкованы на наковаль-

не нуклеосинтеза внутри взорвавшейся звезды за бесконечно долгое время до рождения Солнечной системы. Мы в буквальном смысле слова сотворены из звездной пыли» [2, с. 462]. В самом деле мир состоит из точек, и каждый объект, находящийся в нём, также представляет собой концентрацию точек, – даже на уровне метафор («атомы», «пыль», «прах» и др.) констатируется эта великая философская идея. Свое воплощение она находит и в биологических процессах, связанных с появлением жизни и функционированием ее систем.

Так, например, онтогенез от самых истоков зарождения жизни из точечных объектов и дальнейшего развития организма дает наглядную картину того, как из мельчайшей корпускулы возникает огромный, невероятный феномен – один из великого множества биологических видов. И в данном случае неважно, будет сгенерирован белый медведь или *homo sapiens*, значимо то, что свое начало любой из организмов берет в некоем точечном единстве, получающем в дальнейшем многоаспектную дифференциацию.

Когда от конструирования вещественных структур мы переходим к вопросам интеллектуальной и психической природы, то и в этой области можем обнаружить прямые отсылки к образу точки: фиксация человеческого сознания на каком-либо предмете подразумевает концентрацию и сосредоточение, определенную фокусировку на определенном фрагменте, поэтому столь популярны в языке идиоматические выражения «точка зрения», «точка отсчета», «в самую точку» и т.д. Неудивительно, что язык как самый фундаментальный инструмент мышления дает лексические схемы философских конструкций, которые могут быть даже не отрефлексированы, но веками храниться в лингвистической сокровищнице народов. Так эффективно, но изящно сказал об этом Л. Витгенштейн в своем восхитительном трактате: «Границы моего языка суть границы моего мира» [12, с. 101].

Весьма интересно проследить, как понятие «точка» соотносится с числовой, арифметической сферой. Одним из первых, кто предложил нумерологическую трактовку мира, был великий Пифагор. Первоначалом Вселенной и субстратом всего сущего для него выступала единица как символ гармонии, самодостаточности и целостности, как концентрат, потенциально содержащий в себе всё многообразие предметов и явлений. Это высшее состояние мироздания, в

котором воплощается единство, согласованность и абсолютная красота, и эта первозданность бытия обнаруживает мощную порождающую силу, реализуемую в дальнейшей дифференциации и вариативности.

Чрезвычайно наглядно это запечатлено в сакральном символе пифагорейцев – тетрактисе, фигуре в виде пирамиды, составленной из десяти точек, вершиной которой является одна точка, а основанием – четыре. Многие мистические и оккультные направления впоследствии обращались к этому загадочному знаку, чья невероятная концептуальность, полисемантическая и смысловая глубина завораживают. Слои пирамиды, состоящие из точек – одной, двух, трех и четырех, олицетворяют собой четыре стихии, звуковые интервалы и главные элементы стереометрии – точку, линию, плоскость и пространство. Показательно, что космическое совершенство для Пифагора воплощается в монаде (он был одним из первых, кто употребил этот термин), единице, которая графически облекается в точку, венчающую тетрактис.

Единица – это некая идеальная сущность, она непосредственно соотносится и с божественным началом, поскольку демонстрирует свою творческую устремленность, разворачивая из себя всё разнообразие окружающего мира. И как раз этот первый компонент ряда натуральных чисел эквивалентен точке, выступающей своего рода эмблемой единицы. О сопоставлении этих двух понятий впоследствии писали многие, в том числе Аристотель, считавший, что точка и есть единица. Кузанский же соотнес эти эквивалентные элементы с божественной природой: «Тогда открой очи ума и увидишь, что бог во всяком множестве, поскольку он в единице, и во всякой величине, поскольку он в точке» [8, с. 295].

Вообще стоит отметить, что античная традиция стала своеобразными пролегоменами к осмыслению точки, после чего данное понятие было несколько забыто и долгий период времени не фигурировало в классическом философском дискурсе, возникнув вновь на интеллектуальном небосклоне на рубеже Средних веков и Ренессанса.

В свете сказанного можно заключить, что точка символизирует собой единицу и ноль одновременно. Это не является чем-то парадоксальным, поскольку уже была отмечена амбивалентность, присущая данному понятию. Точка воплощает начало и конец, бытие и ничто, а

также многие другие противоположности, поэтому вполне ожидаемо, что данное понятие может обосновано соотноситься и с двумя числовыми константами. Ноль и единица в современной технологической культуре ассоциируются прежде всего с кодированием информации, ее мельчайшей величиной – битом, принимающим одно из двух значений в зависимости от осуществления какого-то из равновероятных событий. Двоичная система счисления появилась ещё в древности, как полагает Г. Лейбниц [13], первым изложивший основы этой системы, она была описана еще до новой эры китайским императором Фу Си, однако расцвет ее приходится на вторую половину XX в. в связи с появлением компьютерных технологий и мощным развитием цифровой индустрии.

Не углубляясь в исторический экскурс, отметим, что точка, сопрягающая в себе ноль и единицу, по нашему мнению, выступает как универсальный бинарный код Вселенной. В ноль и единицу может быть преобразована вся информация в окружающем мире; наличие электрического сигнала или его отсутствие – это фундаментальный принцип, который не только лежит в основе описания физической реальности, но и имеет огромный эвристический потенциал. В этом ракурсе точка, ассоциируемая с обоими числами, возносится на недостижимую для других математических объектов спекулятивную высоту, и мы оказываемся свидетелями удивительного события – математика трансформируется в философию. Точка становится квинтэссенцией всего сущего и, более того, задает вектор устремленности за пределы мира, в сферы невозможного.

В XXI в. философия, утратив былую метафизичность, тем не менее полностью не отказывается от некоторых фундаментальных вопросов. Но идеи, связанные с трансцендентностью, необратимо элиминированы из контекста современного философского дискурса. Эта тема всегда была окутана мистическим туманом, войти в ее непроницаемость и невыразимость пытались преимущественно апофатическими методами. В силу ограниченности разума и обусловленности мышления пространственно-временными категориями пылкий ум в своих размышлениях чаще всего встречает единственное – пустоту. А пустота выводит к понятию «ничто», которое в определенном смысле является прамбулой трансцендентности, ведь в зависимости от контекста может рассматриваться и как абсолютное

небытие, и как отсутствие всего вообще, и как идея несуществования чего бы то ни было – любой из этих модусов для человека одинаково недоступен. И вот в этой пустынной обители абстракций, не визуализируемых и не вербализуемых, как первоисток и первооснова бытия возникает понятие точки, непостижимого связующего звена между миром явленного и миром потаенного, имманентным и трансцендентным. Более того, точка, наполненная метафизическим смыслом, каковым ее наделял Кузанский, становится ключевым элементом онтологии: в точке изначально содержится всё, что существует и не существует. «Таким путем ты понимаешь, что мир, которого по количеству ничего нет больше, содержится в точке, которой ничего нет меньше» [8, с. 254].

Таким образом, точка как концептуальное понятие не только приобретает онтологический статус, но и сущностно подразумевает устремленность к трансцендентному, которая может стать подлинной динамической силой бытия, смыслозадающей стрелой познания. Философская тематизация «точки» как категории онтологии имеет особое значение, так как междисциплинарность данного понятия открывает возможности для нестандартных трактовок систем, в которые «точка» входит структурным компонентом. Если прибегнуть к метафоричности, которая неизбежна, когда обращаешься к теме трансцендентного, немислимость иррационального наполняет ослепительным светом миры, невообразимые и недоступные для брэнной человеческой природы, но людям даровано узреть отблеск этого сияния. Несмотря на то, что осуществление трансгрессии для человека невозможно, необходимо продолжать поиск неосвоенных путей познания Вселенной, бытия и первоначал мироздания. В этом ракурсе более глубокое, многоаспектное осмысление понятий, соотносимых с идеей трансцендентного, таких как «точка», позволит расширить границы восприятия и направиться к иным горизонтам, выявляя новые перспективы для философии и науки в XXI в.

Литература

1. Кант И. Критика чистого разума. Симферополь : Реноме, 1998. 464 с.
2. Каку М. Гиперпространство. Научная одиссея через параллельные миры, дыры во времени и десятое измерение. М. : Альпина нон-фикшн, 2018. 502 с.

3. Судзуки Д.Т. Дзэн-буддизм: основы дзэн-буддизма. Практика дзэн. Бишкек : Одиссей, 1993. 672 с.

4. Айзексон У. Эйнштейн. Его жизнь и его Вселенная. М. : АСТ, 2015. 832 с.

5. Кларк А. Черты будущего. М. : Мир, 1966. 156 с.

6. Начала Евклида / пер. и ком. Д. Д. Мордухай-Болтовского при ред. участии И. Н. Веселовского и М. Я. Выгодского : в 3 т. (Серия «Классики естествознания»). М.; Л. : ГИТТЛ, 1950. Т. 1. 448 с.

7. Кузанский Н. Об ученом незнании. М. : Академический проект, 2015. 161 с.

8. Кузанский Н. Игра в шар // Соч. : в 2 т. М. : Мысль, 1980. Т. 2. 471 с.

9. Бибихин В.В. Точка // Другое начало. СПб. : Наука, 2003. С. 397–429.

10. Хокинг С. Кратчайшая история времени. СПб. : Амфора, 2006. 232 с.

11. Довлатов С. Д. Компромисс. СПб. : Азбука, 2013. 224 с.

12. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М. : АСТ, 2018. 160 с.

13. Лейбниц Г.В. Письма и эссе о китайской философии и двоичной системе счисления. М. : ИФ РАН, 2005. 404 с.

References

1. Kant I. (1998). *Criticism of Pure Reason*. Simferopol, Renome Publ., 464 p. (in Russian).

2. Kaku M. (2018). *Hyperspace. A scientific odyssey through parallel worlds, holes in time and the tenth dimension*. Moscow, Alpina non-fikshn Publ., 502 p. (in Russian).

3. Suzuki D.T. (1993). *Zen Buddhism: Fundamentals of Zen Buddhism. Zen practice*. Bishkek, Odissei Publ., 672 p. (in Russian).

4. Isaacson W. (2015). *Einstein. His life and his universe*. Moscow, AST Publ., 832 p. (in Russian).

5. Clark A. (1966). *Features of the future*. Moscow, Mir Publ., 156 p. (in Russian).

6. *Beginnings of Euclid* (1950). Transl. and com. by D. D. Mordukhai-Boltovsky, ed. participation of I.N. Veselovsky and M.Ya. Vygodsky: in 3 vol. (Series “Classics of Natural Science”). Moscow, Leningrad, GITTL Publ., vol. 1, 448 p. (in Russian).

7. Kuzansky N. (2015). *About scientific ignorance*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 161 p. (in Russian).

8. Kuzansky N. (1980). *Ball game. Works*: in 2 vol. Moscow, Mysl Publ., vol. 2, 471 p. (in Russian).

9. Bibikhin V.V. (2003). *Point. Another start*. Saint Petersburg, Nauka Publ., pp. 397–429. (in Russian).

10. Hawking S. (2006). *The shortest history of time*. Saint Petersburg, Amfora Publ., 232 p. (in Russian).

11. Dovlatov S. D. (2013). *Compromise*. Saint Petersburg, Azbuka Publ., 224 p. (in Russian).

12. Wittgenstein L. (2018). *Logical and philosophical treatise*. Moscow, AST Publ., 160 p. (in Russian).

13. Leibniz G.V. (2005). *Letters and essays on Chinese philosophy and the binary number system*. Moscow, IF RAS Press, 404 p. (in Russian).

УДК 160.1+167.7
doi 10.18522/2687-0770-2021-1-21-25

ПРОБЛЕМА ИНДУКЦИИ В КОНТЕКСТЕ АНТИТЕЗЫ «ПСИХОЛОГИЗМ – АНТИПСИХОЛОГИЗМ»

© 2021 г. Н.А. Ходикова ^а

^а Академия Государственной противопожарной службы МЧС России, Москва, Россия

THE PROBLEM OF INDUCTION IN THE CONTEXT OF ANTITHESIS “PSYCHOLOGISM - ANTIPSYCHOLOGISM”

N.A. Khodikova ^а

^а Academy of EMERCOM State Fire Service of the Russia, Moscow, Russia

Ходикова Нина Анатольевна –
кандидат философских наук, доцент,
кафедра философии,
Академия Государственной противопожарной
службы МЧС России,
ул. Бориса Галушкина, 4, г. Москва, 129366, Россия.
E-mail: 5856243@mail.ru

Nina A. Khodikova -
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Department of Philosophy,
Academy of EMERCOM State Fire Service
of the Russia,
Borisa Galushkina Str., 4, Moscow, 129366, Russia.
E-mail: 5856243@mail.ru

Рассматривается поставленная Д. Юмом проблема индукции и связь возможных подходов к ее решению с принятием психологистских или антипсихологистских подходов в логике и теории познания. На примере взглядов Д.С. Милля и К. Поппера демонстрируется, что положительное решение проблемы индукции связано с принятием психологистских установок и, видимо, не допускается при антипсихологистском подходе. Выдвигается тезис о том, что психологизм в его современных формах (метапсихологизм, слабый психологизм) предполагает различные пути, на которых проблема индукции может быть положительно решена.

Ключевые слова: проблема индукции, психологизм, антипсихологизм, метапсихологизм.

The article examines the problem of induction posed by D. Hume and the connection of possible approaches to its solution with the adoption of psychological or antipsychological approaches in logic and epistemology. It demonstrates that a positive solution to the problem of induction is associated with the adoption of psychological attitudes and, apparently, is not allowed in the antipsychological approach on the example of D.S. Mill and K. Popper. The article affirms the thesis that psychologism in its modern forms (metapsychologism, mild psychologism) presupposes various ways in which the problem of induction can be positively solved.

Keywords: problem of induction, psychologism, antipsychologism, metapsychologism.

Два вида рассуждений представляют основные способы мышления, на которых основан процесс познания. Они имеют противоположные характеристики и, взаимно дополняя друг друга, обеспечивают познавательную деятельность человека. Первый вид – дедуктивные умозаключения, которые обладают свойством логической правильности, т. е. гарантируют логическое следование вывода из посылок. При этом информация, содержащаяся в заключении, не может выходить за пределы информации, содержащейся в посылках.

Функцию расширения наших знаний о действительности призваны выполнять недедуктивные умозаключения, которые, очевидно,

именно в силу своей эвристичности не дают гарантии истинности заключения даже при использовании истинных посылок. К недедуктивным умозаключениям относятся аналогия и индукция. Распространены популярные варианты индукции: перечислительная и временная. Первую можно охарактеризовать как «переход от подмножества ко всему множеству». Здесь от посылок, содержащих информацию о наличии некоторого свойства Р у известных объектов, составляющих подмножество В множества А, осуществляется переход к заключению, утверждающему, что все объекты множества А (в том числе и неизвестные) обладают свойством Р. Временная индукция – это индукция о будущем,

т. е. переход от посылок, содержащих информацию о том, что некоторый объект А обладал свойством Р в каждый момент времени до настоящего момента, к заключению о том, что свойство Р будет у А и в будущем [1, с. 155].

Очевидно, оба описанных варианта относятся к индукции через простое перечисление, которую уже Ф. Бэкон (утверждавший индукцию как «новый органон», главный способ получения научных знаний) считал недостаточно надежным способом умозаключения, поскольку полученные таким способом выводы часто могут быть опровергнуты контрпримером. Для преодоления такой ненадежности индуктивных выводов Бэкон разработал правила исследования, названные им «истинным наведением», основанные на последовательном применении «таблиц присутствия, отклонения и степеней» [1, с. 152]. С их помощью он вел уже собственно научные исследования, например, рассчитывал открыть природу теплоты с помощью таблицы горячих, холодных тел и тел различной степени тепла. Как полагает Б. Рассел, недостаток бэконского подхода состоит в недооценке им роли дедукции и математики, а также недостаточном внимании к такому этапу научного исследования, как выдвижение гипотез [2, с. 85–88].

Если Бэкон, стремясь усовершенствовать методологический аппарат индукции, сделать ее более надежной и эффективной, тем не менее не ставил под сомнение ее законность, то Д. Юм впервые объявил, что не может быть никакого логического оправдания индукции. Так на повестке дня эпистемологии и методологии науки встала проблема обоснования индукции, которая, как отмечает С.А. Лебедев, до сих пор положительно однозначно не решена [3, с. 86]. В целях дальнейшего рассмотрения приведем одну из более конкретных формулировок проблемы индукции: это проблема «нахождения рационального базиса для признания легитимности индуктивных рассуждений», ее успешное решение предполагает нахождение основания, на котором мы признаем некоторые из индуктивных рассуждений приемлемыми, несмотря на то, что истинность посылок в них все еще не гарантирует истинности вывода [1, с. 155]. Поскольку в основании индуктивных выводов лежит принцип причинности, можно предположить, что проблема индукции сводится к выяснению того, в чем состоит этот принцип, что такое причинность, каков ее онтологический и логический статус.

До Юма «в картезианской философии, как и в философии схоластов, связь причины и следствия полагалась столь же необходимой, как необходимы логические связи» [2, с. 270]. Юм же, с одной стороны, утверждает, что причина и действие могут узнаваться только из опыта, но не из размышлений, а с другой – в опыте нам дается лишь представление о том, что некоторые явления постоянно соединены. Такое представление порождает привычку ассоциировать предшествующее явление как причину с последующим явлением как ее следствием, что и становится идеей о необходимой причинной связи между явлениями. Так Юм доказывает отсутствие рациональных логических оснований для принятия индуктивных умозаключений и приходит к выводу, что лишь привычка ассоциации предшествующих и последующих событий заставляет нас доверять таким умозаключениям [цит. по: 2, с. 270–277]. Итак, Юм утверждает, что нет объективных, не зависящих от нашей привычки к ассоциациям оснований для принятия возможности устанавливать причинно-следственные связи между явлениями посредством индуктивных рассуждений.

А могут ли вообще какие-либо логические рассуждения быть абсолютно объективными, т. е. независимыми от нашего мышления, наших когнитивных и психологических характеристик? Этот и многие другие вопросы, касающиеся интерпретации логики, поиска философско-методологических оснований логики как науки, а также и более широкого круга проблем, связанных с пониманием сущности знания, обоснования различных видов научно-теоретического знания, находятся в центре спора между психологизмом и антипсихологизмом [4, с. 25]. Ядром этого противостояния с самого его возникновения в 70-е гг. XIX в. являлся вопрос о соотношении логики и психологии: сводится ли логика к психологии, а условия правильности мышления – к психологическим характеристикам рассуждающего субъекта, или же логика никак не зависит от психологии, законы логики объективны, подобно законам природы, а источником нашей убежденности в правильности логических форм не может являться их соответствие неким структурам, существующим в нашем мышлении?

В XIX в. преобладающим вариантом ответа на эти вопросы был так называемый «сильный психологизм», в целом положительно отвечавший на вопрос о сводимости законов логики к

психологическим законам. Психологистских установок придерживались такие мыслители, как Дж. Буль, Дж. Ст. Милль, Р. Авенариус, В. Вундт, У. Джемс, Э. Мах, Г. Спенсер, Ж. Пиаже [5, с. 8–9]. Бурное и очень успешное развитие математической логики в конце XIX и в XX в. привело к акцентированию внимания на формально-логических доказательствах и других сугубо формальных свойствах логики, что принесло практически полную победу в логике антипсихологистских установок.

Главными «идеологами» антипсихологизма можно, пожалуй, назвать Г. Фреге и Э. Гуссерля. Как отмечает В.И. Молчанов, всё гуссерлевское феноменологическое учение о познании сформировалось в полемике с психологизмом. Выводя следствия из психологизма, Гуссерль устанавливает границу между логическим и психологическим и укрепляет ее как границу между реальным и идеальным [6, с. 188, 303]. Антипсихологизм представляли также Ч. Пирс, Ф.Г. Брэдли, Л. Витгенштейн, Р. Карнап.

Как отмечает В.А. Бажанов, сегодня бурный прогресс в области неклассических логик, комплекса когнитивных наук и особенно культурной нейронауки вновь вывел на авансцену концепцию психологизма [5]. Это, конечно, не «сильный психологизм» XIX в., а разные варианты его слабой версии. «Слабый психологизм» предполагает, что логико-математические принципы в той или иной мере завязаны на разум или могут быть сформулированы при помощи психологических представлений. Важнейшей линией демаркации нового психологизма и антипсихологизма становится отношение к субъекту и его роли в процессе познания. Если антипсихологизм эту роль полностью отрицает, то психологизм подчеркивает основополагающую роль субъекта.

Одним из вариантов нового психологизма является концепция метапсихологизма, разработанная В.Н. Брюшинкиным. Она предполагает выделение в структуре дедуктивной логической процедуры двух подсистем: подсистемы логического вывода и подсистемы поиска вывода. Подсистема вывода фиксирует объективные логические отношения между высказываниями, которые никак не зависят от каких-либо психологических установок. В то же время на метауровне логической системы реализуется подсистема поиска вывода, которая содержит информацию о процессах естественного мышления субъекта познания, связанных с рассуждениями и аргументацией [7, с. 137–140].

Таким образом, можно отметить, что современная логика успешно обращается к психологистским установкам в их новой «слабой» форме. Роль субъекта обнаруживается даже в классических разделах математической логики (на метауровне поиска вывода), к психологизму приходят и новейшие логические исследования. Например, немонотонные рассуждения, по мнению некоторых логиков, могут быть обоснованы только с позиций психологизма [5, с. 10]. Подробное описание «мира психологизма» и «мира антипсихологизма» как составляющих логико-культурной доминанты дает Г.В. Сорина [4].

Существует ли связь между принятием конкретным мыслителем установок психологизма, или, напротив, антипсихологизма, и его подходом к решению вопроса о статусе индукции? Видимо, да. Так, Дж. Ст. Милль систематизировал и развил учение об индукции. Он сформулировал пять правил поиска причинных связей, которые при применении должны были повышать достоверность индуктивных выводов, делая их эффективными в процессе научного познания [8, с. 310–324]. Сомнений в законности индукции Милль, очевидно, не испытывал, считая ее важнейшим средством научного познания. При этом он был одним из сторонников психологизма в логике. Так, например, говоря об именах и предложениях как составных элементах мышления в первой книге своего труда, Милль дает такую классификацию возможных содержаний предложений, которая, очевидно, связана с ассоциативным характером познания. Как отмечает А.Л. Субботин, это далеко не единственный случай, где в логической теории Милля обнаруживается склонность к психологизму [9, с. 6]. Отмечены другие особенности психологизма Милля [10].

Выдающийся вклад в исследование логики научного открытия внес К. Поппер. Его методология исключает рассмотрение чувственного опыта в качестве эмпирического базиса науки, что означает полный отказ от психологизма в понимании науки [11, с. 41]. Как и Фреге, Поппер выделяет результаты познавательной деятельности субъекта в отдельный объективированный мир, независимый от познающего субъекта, что является характерным признаком концепции антипсихологизма [4, с. 34–35]. Что касается поставленной Юмом проблемы индукции, Поппер заявляет, что эта проблема принципиально не имеет решения, поскольку ее психологический (связанный с ожиданиями субъек-

та) и логический (связанный с рациональностью индуктивного вывода) аспекты находятся в неразрешимом противоречии. По его мнению, не существует формально-логических правил выведения общих принципов теории из частных опытных фактов. Такой вывод означал несостоятельность знаменитого принципа верификации, который Поппер заменил своим принципом фальсификации. «Нет логики научного открытия, утверждает Поппер, есть только психология открытия (интуиция, творческая фантазия и другие, не подчиненные правилам логики средства, помогающие ученому изобрести гипотезу)» [12, с. 41].

Если рассмотреть последнее утверждение с позиции нового психологизма, можно предположить, что противоречие между логической и психологической сторонами проблемы индукции не является абсолютно неразрешимым. Например, ожидание субъекта, что случаи, не встречавшиеся в опыте до сих пор, будут соответствовать уже имеющемуся опыту (подтвержденное опять же прошлым опытом такого соответствия), может быть рассмотрено как одна из составляющих обоснования индуктивного вывода. С другой стороны, если говорить о метауровне поиска вывода (в данном случае индуктивного), то на этом уровне различные когнитивные и психологические особенности субъекта, в том числе его «привычка», «ожидания», уже могут учитываться, в определенном смысле порождая субъективно рациональные основания получаемого на объектном уровне вывода.

Выше были намечены только некоторые направления, по которым можно искать подходы к решению проблемы индукции. Представляется перспективным дальнейшее исследование возможности оправдания индукции в контексте современной психологической парадигмы.

Литература

1. Филатов В.П., Швырев В.С., Васюков В.Л., Шкатов Д.П., Ивлев Ю.В. Обсуждаем статьи об индукции // Эпистемология и философия науки. 2008. Т. 15, № 1. С. 149–157.
2. Рассел Б. История западной философии : в 2 т. : пер. с англ. М. : АСТ, 2018. Т. 2, кн. 3. 512 с.
3. Лебедев С.А. Проблема оправдания индукции (метафизический и прагматический подходы) // Ученые записки Петрозаводского гос. ун-та. 2013. № 3 (132). С. 86–90.

4. Сорина Г.В. Проект «психологизм – антипсихологизм» в метатеоретическом контексте // Рацио.ru. 2012. № 8. С. 20–45.

5. Бажанов В.А. Дилемма психологизма и антипсихологизма // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 49, № 3. С. 6–16.

6. Молчанов В.И. Исследования по феноменологии сознания. М. : Территория будущего, 2007. 456 с.

7. Брюшинкин В.Н., Ходикова Н.А. Теория поиска вывода. Происхождение и философские приложения. Калининград : БФУ им. И. Канта, 2012. 166 с.

8. Милль Дж. Ст. Система логики силлогистической и индуктивной. М. : ЛЕНАНД, 2011. 832 с.

9. Субботин А.Л. Джон Стюарт Милль об индукции. М. : ИФ РАН, 2012. 76 с.

10. Ходикова Н.А. Психологические проблемы моделирования процессов мышления, связанные с теорией поиска вывода // Человеческий капитал. 2017. № 7 (103). С. 60–63.

11. Мартынович С.Ф. Методология науки: к рациональной реконструкции концепции К. Поппера // Изв. Саратовского ун-та. Новая серия: Философия. Психология. Педагогика. 2015. Т. 15, № 1. С. 39–43.

12. Пахомов Б.Я. Проблема индукции: Карл Поппер и Имре Лакатос // Проблемы философии. 2009. № 11. С. 123–132.

References

1. Filatov V.P., Shvyrev V.S., Vasyukov V.L., Shkatov D.P., Ivlev Yu.V. (2008). Discussing articles on induction. *Epistemologiya i filosofiya nauki*, No. 1, pp. 149-157. (in Russian).
2. Russell B. (2018). *History of Western Philosophy*: in 2 vol. Moscow, AST Publ., vol. 2, book 3, 512 p. (in Russian).
3. Lebedev S.A. (2013). The problem of justifying induction (metaphysical and pragmatic approaches). *Uchenie zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, No. 3 (132), pp. 86-90. (in Russian).
4. Sorina G.V. (2012). The project “psychologism-antipsychologism” in a metatheoretical context. *Ratsio.ru*, No. 8, pp. 20-45. (in Russian).
5. Bazhanov V.A. (2016). The dilemma of psychologism and antipsychologism. *Epistemologiya i filosofiya nauki*, vol. 49, No. 3, pp. 6-16. (in Russian).
6. Molchanov V.I. (2007). *Research in the phenomenology of consciousness*. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 456 p. (in Russian).
7. Bryushinkin V.N., Khodikova N.A. (2012). *Proof-search theory. Origins and philosophical applications*. Kaliningrad: BFU Press, 166 p. (in Russian).
8. Mill, J. S. (2011). *System of Logic Ratiocinative and Inductive*. Moscow, LENAND Publ., 832 p. (in Russian).

9. Subbotin A.L. (2012). *John Stuart Mill on induction*. Moscow, IF RAN Press, 76 p. (in Russian).

10. Khodikova N.A. (2017). Psychological problems of modeling thinking processes associated with the proof-search theory. *Chelovecheskii kapital*, No. 7 (103), pp. 60-63. (in Russian).

11. Martinovich S.F. (2015). Methodology of Science: Towards a Rational Reconstruction of K. Popper's Concept. *Izvestiya Saratovskogo universiteta*, vol. 15, No. 1, pp. 39-43. (in Russian).

12. Pakhomov B.Ya. (2009). The problem of induction: Karl Popper and Imre Lakatos. *Problemy filosofii*, No. 11, pp. 123-132. (in Russian).

Поступила в редакцию / Received

11 января 2021 г. / January 11, 2021

УДК 316: 364.057
doi 10.18522/2687-0770-2021-1-26-34

СОЦИАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ИМИДЖА: ФОРМАТ МЕТОДОЛОГИИ И АУДИРОВАНИЯ

© 2021 г. Е.Ю. Шавардова ^а, О.В. Ярмач ^а

^а Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия

SOCIAL SPECIFIC IMAGE: FORMAT OF METHODOLOGY AND AUDITING

E.Yu. Shavardova ^а, O. V. Yarmak ^а

^а Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

*Шавардова Елена Юрьевна –
кандидат политических наук, ассистент,
Институт общественных наук
и международных отношений,
Севастопольский государственный университет,
ул. Университетская, 33, г. Севастополь,
Республика Крым, 299053, Россия.
E-mail: Lenash_72@mail.ru*

*Elena Yu. Shavardova -
Candidate of Politology, Assistant,
Institute of Social Sciences
and International Relations,
Sevastopol State University,
Universitetskaya Str., 33, Sevastopol,
Republic of Crimea, 299053, Russia.
E-mail: Lenash_72@mail.ru*

*Ярмач Ольга Валерьевна –
кандидат социологических наук, доцент,
заведующая кафедрой социальных коммуникаций,
Институт общественных наук
и международных отношений,
Севастопольский государственный университет,
ул. Университетская, 33, г. Севастополь,
Республика Крым, 299053, Россия.
E-mail: OVVarmak@sevsu.ru*

*Olga V. Yarmak -
Candidate of Sociology, Associate Professor,
Head of the Department of Social Communications,
Institute of Social Sciences
and International Relations,
Sevastopol State University,
Universitetskaya Str., 33, Sevastopol,
Republic of Crimea, 299053, Russia.
E-mail: OVVarmak@sevsu.ru*

Рассматриваются вопросы не только имиджпросвещения и имиджобразования, когда определяющими факторами развития общества становятся информационные и телекоммуникационные технологии, но и особенности преподавания имиджологических знаний в высших учебных заведениях. На данном этапе назрела также необходимость введения научно-прикладного направления учебной дисциплины «Имиджология», как компонента социального образования, в систему подготовки специалистов широкого круга профессий сферы «человек-человек».

Исследуются ряд новаторских подходов к преподаванию специального учебного курса «Имиджология» студентам гуманитарных и общественных профилей. Анализируются научные проработки основных методических принципов, задач и параметров развития имиджологии как практико-ориентированного социологического направления в контексте подготовки магистров и специалистов социологов, психологов, журналистов, специалистов по рекламе и связи с общественностью. Обозначены важнейшие пути и направления по формированию социологии имиджа, определены предмет и назначение учебной дисциплины. Для семинарских и практических занятий, а также самостоятельной работы студентов предлагаются профильные научные темы, оригинальная схема анкетирования анализа имиджа, а для развития профессионально-креативных способностей студентов смоделированы сценарии конкретных мероприятий и действий в имиджесоздании.

Ключевые слова: имидж, функции имиджа, социология имиджа, методология и преподавание имиджологии.

The modern period of demand for image-logical knowledge allows raising questions not only about image-enlightenment and image-education, when information and telecommunication technologies become the determining factors in the development of society, but also about the peculiarities of teaching image-logical knowledge in higher educational institutions. At this stage, there is also the need to introduce the scientific and applied direction of the discipline "Imageology", as a component of social education, into the system of training specialists for a wide range of professions in the "person-to-person" sphere.

The article explores a number of innovative approaches to teaching a special educational course "Imageology" for students of humanitarian and social profiles. The article contains an analysis of scientific studies of the main methodological principles, tasks and parameters of the development of imageology as a practice-oriented sociological direction in the context of the training of Masters and specialists, sociologists, psychologists, journalists, advertising and public relations specialists. The authors identified the most important ways and directions for the formation of the sociology of the image, determined the subject and purpose of the discipline. For seminars and practical classes, as well as for students' independent work, specialized scientific topics, an original image analysis questionnaire scheme are offered, and scenarios of specific events and actions in image creation are modeled for the development of students' professional and creative abilities.

Keywords: *image, functions of image, sociology of image, methodology and teaching of imageology.*

На современном этапе социология развивается параллельно с обществом, пополняясь новыми теоретическими подходами, технологическими разработками, научными понятиями и терминами, способствующими толковать отдельные фрагменты социальной действительности. В социологии важным для настоящего периода является возникновение такой науки, как *социология имиджа*, которая на текущий момент находится на стадии зарождения и формирования своего теоретико-методологического аппарата. С точки зрения ученых, занимающихся вопросами становления социологии имиджа, данный сегмент социологического знания заслуживает внимания, является принципиальным, актуальным и достаточно востребованным в современном обществе [1, 2].

В отечественной научной литературе представлен целый спектр положений, ожидающих тщательного изучения и анализа. К таким предметам обсуждения можно отнести исследование проблем постглобализации и виртуализации общества, места и роли современных имиджей в контексте виртуализации социальных процессов, изучение проблем разработки и внедрения имиджа в массовое сознание и поведение населения [3].

Учитывая особенности социологических методов исследования, допустимо использовать альтернативу проработки связи объекта и потребителя имиджа, которая с точки зрения других наук не поддавалась эмпирическому обоснованию. Анализируя череду взаимосвязи всех элементов с позиции социологии, необходимо ориентироваться на получение практического результата создания имиджа, который при правильном его использовании может принести конкретную выгоду не только в область социологии имиджа, но и в ряд других наук [4, 5].

Вопросы, требующие исследования, основываются на имеющихся современных проблемах социума, которые на текущем этапе нуждаются в постоянных и непрерывных разрабо-

тках существующих процессов с целью функционирования и поддержания своей стабильности. Основной ценностью создания имиджа с этой точки зрения будет являться изучение социальных процессов в их многообразии и способности к проектированию и моделированию самой социальной реальности [6].

Можно констатировать, что существуют объективные предпосылки для развития имиджологии как практико-ориентированного социологического направления, что придаст дополнительный импульс для исследования современных социально-коммуникативных процессов и разработки практических рекомендаций для различных субъектов общественной активности, целевые свидетельства и социальная успешность которых зависит не только от результатов их практической деятельности, но и от способов позиционирования, самоидентификации в социально-коммуникативном пространстве, т.е. от созданного ими имиджа. Достаточно часто пользуются категорией имиджа теоретики и практики прикладной социальной коммуникации – политтехнологи, специалисты по маркетингу и связям с общественностью [7].

В социальных взаимодействиях имидж способен выполнять разнообразный набор функций [8], в частности:

- *коммуникативную* – обеспечивает точность передачи информации, совпадение знаковых систем коммуникатора и получателя сообщения;
- *адресно-рациональную* – связывает объект с потребностями и интересами целевых аудиторий;
- *номинативную* – очерчивает, выделяет, воссоздает, размежевывает объект в среде других, демонстрирует отличительные его качества, подчеркивая преимущества;
- *эмоционально-эстетическую* – формирует эмоциональную оценку объекта, совокупность вызываемых им чувств и ощущений у целевого коллектива.

С точки зрения социального познания имидж воспринимается прежде всего как явление ин-

дивидуального, группового или массового сознания. Однако имеющиеся научные работы в области изучения и аудирования имиджа носят в некоторой степени фрагментарный характер и анализируют лишь отдельные разрозненные стороны его проявления в социальной среде [9].

В настоящее время социологами, психологами, политологами, специалистами по маркетингу и рекламе всего мира проводятся несистематические исследования имиджа в основном для практического назначения без теоретико-методологического обоснования его выделения как самостоятельного социального явления современной общественной жизни.

Категория имиджа неуклонно становится одной из наиболее универсальных и задействованных как в социальной, так и в индивидуальной коммуникации. Сквозь ее призму современный человек повсеместно воспринимает себя и окружающих, оценивая и совершенствуя собственные стратегии взаимодействия с социумом или его отдельными представителями – и в личной, и в профессионально-деловой сферах. В соответствии с этим учебный предмет «Имиджелогия» в настоящее время должен занимать важное место в системе подготовки специалистов различных специальностей и специализаций, прежде всего гуманитарного и общественного профилей, в частности – будущих социологов, журналистов, специалистов по рекламе и связи с общественностью и др. В пределах каждой специальности несколько различными должны быть принципы преподавания этого спецкурса, разработанные в рамках тех навыков и задач, которые будут актуализированы в профессиональной деятельности будущих специалистов.

Изучение категории имиджа как неотъемлемой составляющей нынешнего социокоммуникационного пространства потенциально предполагается в тесной связи с другими гуманитарными дисциплинами. Поэтому в процессе преподавания «Имиджелогии» должны репрезентироваться полученные на предыдущих курсах знания по различным предметам – это касается как истории, так и теории формирования современного массовокоммуникационного пространства и специфики функционирования различных средств информации, социологии, психологии и т. п.

Во время изучения имиджелогии у студентов следует сформировать целостное представление об имидже в системе прикладных социокомму-

никационных технологий, возникновение и эволюцию феномена имиджеобразования, его ведущие формы и разновидности на современном этапе. Все вопросы должны быть разработаны с учетом специфики различных специальностей в пределах имиджевой деятельности, а изложение материала – основано на новейших концепциях социокоммуникативности. Этим объясняется научная интегративность имиджелогии, ее междисциплинарное информационное оснащение.

В настоящее время «Имиджелогия» является одной из значимых дисциплин, предмет которой – категория имиджа во всех ее формах. В информационном обществе имидж становится наиболее эффективной формой сознательной или бессознательной передачи и восприятия сведений о разнообразных объектах: субъекты и коллективы, товары и компании, что упрощает и гармонизирует сферу социальной коммуникации. Имидж имеет способность насыщенно передавать и создавать впечатление о его носителе, акцентируя желаемые для него качества и характеристики. В соответствии с этим категория имиджа становится универсальной: имиджем обладают публичные и непубличные лица, мелкие субъекты рынка и мощные корпорации, политические силы и спортивные команды, города и государства и т.п. Если в прошлом эта категория трактовалась только с позиций манипулятивного искажения реальности и часто воспринималась с негативными коннотациями [3], то сейчас становится общепризнанным – имидж является одной из основных форм общественного взаимодействия, неотъемлемой частью социокоммуникационного процесса, негативные смыслы применимы только в адрес некорректно сформированных имиджей, в основу которых положены неправдивые сведения относительно их носителей [10].

Предметом изучения имиджелогии являются все существенные положения и параметры категории имиджа: история и основные этапы развития, имидж как ключевая категория PR, типы, комплексный код и функции (стоимостные и технологические) имиджа, разновидности имиджа с учетом типов носителей, особенности распространенности имиджа в различных сферах общественной жизни, специфика внутреннего и внешнего имиджей (компаний и учреждений, государств и городов), составляющие имиджа (личного и коллективного), средства формирования и каналы вещания, психологические процессы восприятия аудиторией, архе-

типная основа имиджей, особенности имиджевой продукции в различных СМИ и др.

Междисциплинарный характер социальной специфики имиджа заключается в интегрировании знания таких наук, как имиджелогия, психология коммуникаций, психология социального поведения личности, менталитет, кинетика и пр. Своеобразное изложение теоретического, прикладного и практического знания по социологии имиджа, имеющего межотраслевой характер, должно быть тесно связано с общественной психологией, социологией, культурологией и другими научными дисциплинами, так как изучение данного учебного курса предполагает введение в систему социо-психологических представлений новых категорий познаний с целью расширения семантического пространства – проработка и постижение отношений логических знаков (знаковых систем) к концептам (понятиям) и денотатам – референтам (логическая семантика) [11].

Главной задачей преподавания учебной дисциплины «Имиджелогия» является приобретение студентами знаний из области имиджелогии во всех ее исторических и современных вариантах как формы социальной коммуникации, осознание ими ключевых понятий и процессов в этой сфере, выработки практических умений и навыков всестороннего анализа и создания имиджевой продукции различных типов.

Основная цель дисциплины: дать студентам представление об имиджировании как одной из сфер социокоммуникативного творчества, а также об истоках и самых важных страницах развития отечественной и мировой традиций в области имиджирования; раскрыть потенциальные возможности использования в гуманитарной деятельности знаний и умений на поприще имиджелогии; достигнуть понимания понятий, терминов и методик по созданию, распространению и оценки имиджа; обеспечить овладение схемы функционирования имиджа, функций всех участников имиджирования; передать знания о структуре, основных направлениях и формы деятельности имиджмейкера как участника современного социокоммуникативного процесса; указать механизмы влияния имиджа на сознание и подсознание потенциальной аудитории; обеспечить осознание имиджа как неотъемлемой части инновационной социокоммуникативной деятельности юридического или физического лица; выработать умение выделять в имидже легенду, миссию и символ; знать ос-

новные правовые и этические ограничения в области имиджирования в стране и в мире; научить практически использовать приобретенные знания в различных средах имиджирования.

По итогам изучения курса «Имиджелогия» студент должен знать предпосылки и источники возникновения, основные этапы развития имиджирования, особенности и условия существования категории имиджа в разное время, известных деятелей науки и теории в истории исследований имиджа, роль и место имиджирования в системе социокоммуникативной практики, традиционные и принципиально новые направления имиджетворческой деятельности, типологии имиджей и их функций, главные пути достижения эффективности имиджевой продукции различных типов, ведущие черты, этапы и виды имиджирования, преимущества и ограничения СМИ и других каналов массовой коммуникации по распространению имиджевой продукции, приемы создания эффективного имиджевого текста, предназначенного для распространения в различных СМИ, правовые и этические нормы имиджетворческой деятельности, действующие в стране и в мире.

После окончания курса студенты должны:

- уметь практически использовать приобретенные теоретические знания;
- применять научный подход к анализу и образованию имиджевой продукции;
- сопоставлять имиджевые продукты, которые представляют однотипных носителей, с учетом эффективности центральной идеи и путей ее воплощения;
- раскрывать уровень и полноту реализации имиджевой идеи;
- свободно ориентироваться во всех формах и приемах имиджевой деятельности;
- выделять легенду, миссию и символ в имиджевом продукте;
- разрабатывать общую стратегию и конкретный имиджевый текст для физических и юридических лиц;
- выработать стратегии имиджевых кампаний различных типов;
- создавать имиджевую продукцию, предназначенную для распространения различными средствами массовой коммуникации.

Методические параметры аудирования имиджелогии позиционированы проблемностью, поскольку объемы понятия «имидж» до сих пор являются не устоявшимися и существует несколько взглядов относительно специфики и гра-

ниц его функционирования. Во-первых, существенные внутренние структурно-семантические различия имеют имидж личный и имидж коллективный, следовательно, невозможно выработать единые критерии для анализа таких имиджей. Во-вторых, остается спорным вопрос относительно обладания имиджем теми лицами и организациями, которые не работают над ним осознанно. В-третьих, не является общепризнанным отнесение к основным имиджевым мероприятиям и инструментам только проявление собственно сознательной имиджетворческой деятельности носителей имиджа (самоимидж и имидж с помощью наемных имиджмейкеров) или и проявлений, и путей стихийно производимого их имиджа, в частности СМИ. В-четвертых, дискуссионным остается наличие имиджа непубличных лиц и организаций. В-пятых, недостаточно определенной является корреляция понятия «имидж» со смежными понятиями, в частности «имидж» и «репутация», «самоимидж» и «самореклама», «имиджирование» и «PR» и др.

В настоящее время имидж имеют персоны и организации, чья деятельность находится в пределах всех основных сфер общественной жизни: политики, бизнеса, общественной деятельности, культуры, спорта, благотворительном движении и т.п. С течением времени произошло расширение поля потенциального применения категории имиджа – с проектированием на социализацию и функционирование представителей «обычных», непубличных профессий. Внимание к имиджу актуализировалось на протяжении последних лет в связи с обострением проблемы выбора, стоящей перед людьми (выбор товаров и услуг, политических партий и общественных организаций, лидеров и руководителей), а также конкуренцией на разного рода рынках – потребительском, политическом и т.п. [12]. Поэтому в рамках традиционных научных дисциплин – социологии, психологии, политологии – появляются специальные научно-практические отрасли в разных контекстах (имидж политиков, имидж бизнеса, имидж социологов и др.), предметом которых является формирование образов.

Очень большое практическое значение для будущих специалистов имеет познание составляющих имиджа. В пределах спецкурса «Имиджология» предусматривается выполнение индивидуального учебно-исследовательского задания в письменной форме «Имидж как социокommunikационная категория», которое имеет

целью выявить уровень приобретенного студентами теоретического материала и их способность практически применять полученные знания. При выполнении задания нужно проанализировать имидж любого субъекта социокommunikационного пространства по предлагаемой схеме. Возможными областями деятельности избранного носителя могут быть политика, культура, бизнес, государственное управление, общественные организации, международные отношения и т.п. Учитывая отличительные параметры личного и коллективного имиджей, студентам предлагаются несколько отдельных схем анализа:

1. Название или фамилия носителя имиджа.
2. Тип имиджа (личный, коллективный, товарный; если коллективный или товарный, то из каких частей состоит).
3. Основная область деятельности носителя имиджа.
4. Уровень выстраивания имиджа, этап его формирования (первичный, активно функционирующий, трансформируемый / меняющийся, окончательный, детально разработанный и т. д.).
5. Потенциальная аудитория: массовая или сегментированная. Если сегментированная, то какой сегмент избран (какие его социально-демографические характеристики).
6. Степень искусственности/естественности имиджа.
7. Основной инструментарий имиджеобразования, каналы коммуникации, отношения носителя с СМИ.
8. Комплексный код имиджа: легенда, миссия, символ.
9. Основные функции, выполняемые именно этим имиджем.
10. Уровень индивидуальности и узнаваемости отобранного носителя имиджа.
11. Собственный комментарий по анализируемому имиджу в произвольно выбранным параметрам: оценка его эффективности и уровня этичности, прогнозы по продолжительности и т.д.
12. Составляющие имиджа.

Для имиджа личности составляющими являются: *габитарный имидж* – внешность (одежда, аксессуары, прическа, макияж); *имидж среды* – созданная человеком искусственная среда обитания (жилище, кабинет, автомобиль); *овеществленный имидж* – созданы и подобраны человеком предметы, вещи; *вербальный имидж* –

устное и письменное вещание; он в свою очередь состоит из звукового элемента (свобода создания звуков, дикция, диапазон интонаций) и речевого элемента (словарный запас, логичность и аргументированность речи); *кинетический имидж* – жесты, движения, мимика [1]. К этой систематике следует добавить еще две разновидности имиджа: *ментальный* – мировоззренческие и морально-этические установки личности, присущие ей социальные стереотипы; в ментальном имидже можно выделить: а) коммуникативный компонент (желание и умение общаться, знание норм этикета и владение ими) и б) моральный компонент (что человек говорит о себе и что он реально делает); *фондовый имидж*: а) дистантно-опосредованный – та информация, которую общество получает не собственно от носителя имиджа, а из СМИ или других источников, б) контактно-непосредственный – те люди, которые образуют окружение и круг общения носителя имиджа.

В приведенном факториальном материале представлены те качества, которые аудитория может наблюдать, воспринимать и осознавать. Однако среди осознаваемых свойств можно выделить очевидные – внешние признаки и глубокие – содержательно-творческие. По сути дела последние характеристики определяют сущность имиджа. Основу публичного образа конкретного человека (группы) составляют ценности и идеи, которые он несет миру. Положительный имидж, к которому стремятся многие, определяется сходством между индивидуальными особенностями и общечеловеческими ценностями.

Для корпоративного имиджа как доминирующего вида группового имиджа складываются следующие составляющие: характер и стиль отношений с клиентурой компании (единомышленниками, избирателями и пр.); образ персонала компании (мнение о квалификации и профессиональных качествах работников, их личные черты характера, манера поведения и внешний вид, о возрастном и половом составе коллектива); представление об образе компании (ее роль и место на рынке, наличие собственной бизнес-политики, характер и содержание связей с внешними объектами); общая атмосфера в компании, уровень корпоративной культуры (психологический климат в местах прямых контактов и продаж, офисах и помещениях для приема посетителей); дизайн зданий и помещений; визуальные атрибуты самобытности, внешние

реквизиты – имиджевая символика (название, традиции, унифицированная форма одежды, логотип, слоган, девиз и т.д.).

На том основании, что имиджелогия изначально являлась отраслью научно-практической и предусматривала созидательное начало, в пределах изучения ее как учебной дисциплины первостепенное значение имеют основные методы обучения: самостоятельная работа; проблемные и творческие задания, выполняемые студентами, которые предусматривают моделирование жизненных и производственных ситуаций; дискуссии участников учебного процесса, развивающие творческое воображение; применение интерактивных образовательных технологий (круглый стол, мини-конференции, деловые и ролевые игры, проектная деятельность, дискуссии, проведение социологического исследования и пр.). При этом студенты должны не просто уметь пересказывать выученный ими теоретический материал, обсуждать практические проблемы, но самое важное – ощутить себя самостоятельными субъектами социокоммуникативных процессов, в которых они могут принимать решения, влиять на ход событий, прогнозировать и проектировать социальную реальность.

В границах учебного курса «Имиджелогия» предполагается самостоятельная работа студентов: выполнение аналитических, аналитически-творческих и созидательных задач, призванных практически закрепить приобретенный теоретический материал, а также развитие профессионально-креативных способностей студентов, связанных с имиджесозданием (в вариантах формирования личного, коллективного (корпоративного) и товарного имиджей). В качестве примеров приведем несколько версий (сценариев):

- выработать имиджевую стратегию для обозначения широкомасштабной акции, мероприятия, события и т.п.;
- разработать анкету и провести опрос, связанный с проблемами восприятия аудиторией категории имиджа или конкретных имиджевых явлений;
- предложить имиджевые сообщения для очерчивания физического или юридического субъекта, направленных на различные возрастные, гендерные и другие категории потенциальных потребителей;
- создать имиджевое интервью с публичным лицом – печатный, видео или аудиовариант;
- привести и прокомментировать примеры имиджевых видеоматериалов – отечественных и зарубежных;

– подготовить и объяснить текст имиджевого материала относительно произвольно выбранного предмета, лица, компании и т.д.

Нами разработан ряд практических работ, которые, на наш взгляд, будут способствовать формированию навыков и мастерства у студентов, созданию атмосферы сотрудничества, взаимодействия, активно анализировать то, что знают, умеют и осуществляют. Примером такой практической работы является анализ социально-психологических предпосылок возникновения имиджа в информационном обществе, задача которой: 1) проанализировать исторические аспекты образования имиджа и аспекты его функционирования в информационной среде; 2) охарактеризовать особенности восприятия и определить механизма действия имиджформирующей информации. Эта работа предусматривает написание студентами рефератов на следующие темы:

- имидж как социальный стереотип;
- социально-психологические механизмы формирования имиджа;
- креативность имиджа в проекции на массовую культуру.

Совместно со студентами преподаватель предлагает ряд вопросов, связанных с использованием соответствующих тест-задач: а) определение экстраверсии-интроверсии у студентов; б) установление потребности в общении; в) оценка эмпатии (способности осознавать чувства других) с использованием диагностических шкал эмпатии; г) мотивация одобрения (оценка собственного побуждения к действию одобрения) с использованием трехуровневых показателей; д) анализ индивидуального стиля взаимоотношений с окружающими (оценка конфликтности, агрессивности, уверенности, определение стиля межличностных отношений (балльная оценка по специальной шкале).

Настоящая практическая работа предполагает тестовый способ определения лидерских качеств и склонности к лидерству, а также оценку степени стремления к власти; предлагается утвердительный опросник в вопросе степени выраженности стиля управления (руководства):

- демократический либо либеральный стили;
- по разработанному списку жизненных целей ценностей, выявление доминирующих потребностей;
- с помощью тестирования определение склонности к саморазвитию.

Следующая учебно-практическая работа, имеющая, с нашей точки зрения, новаторский подход, на тему «Самомониторинг», цель которой выявить основные составляющие части личного имиджа как главного фактора в создании корпоративных отношений и подвергнуть анализу собственное поведение с последующей коррекцией с учетом требований ситуации. В этом приеме используется принцип обратной связи, который предусматривает: 1) получение встречных взаимоотношений в тренинговой группе; 2) опрос небольшой группы людей, которая по своим характеристикам приближена к имиджевой аудитории; 3) самотестирование. Результаты проведенной работы сводятся в аналитическую таблицу с внесением данных по характеристике образа (экспрессия, естественность, позитивность и пр.) и оценивается степень выраженности в 5-балльной системе. В заключение проводится тестирование участвующих с выявлением уровня самомониторинга – низкий, средний, высокий.

Важное место в практической подготовке студентов, изучающих социальную специфику имиджологии, должны занимать актуальные темы имиджа как социального явления. Подобная направленность предполагает в качестве примеров следующие практические тесты-задания:

1) в результате изучения дисциплины «Имиджология» обучающийся должен владеть знаниями социальной природы имиджа и, используя соответствующую литературу, подготовить сообщение на тему «Теория социологии как основы имиджологии»;

2) ответить на ряд тест-вопросов: «Умеете ли Вы влиять на других?», «Кто Вы?, соотнести понятия образ, имидж, симулякр», «Коммуникабельны ли Вы?» «Понимаете ли Вы других людей?»;

3) найти в художественной литературе примеры положительного и отрицательного имиджа, подготовить цитаты из произведений и детали структуры личности;

4) подобрать информацию об имидже региональных политиков, известных меценатов из СМИ;

5) провести ролевую игру методом «мозговой атаки», принимая во внимание требования к использованию данного метода (структура и численность группы, запрет на критику и поощрение новых идей и др); при этом необходимо продумать легенду, персональные роли;

б) выполнить личное видение имиджевой символики, символы которых работают на имидж; это включает персональные числа, основные цвета в одежде, интерьере, в рекламной продукции, стиль одежды, запах, частную атрибутику (украшения, аксессуары, талисманы), самоличные знаки (подпись, собственная печать, графический символ, индивидуальное клеймо, марка, герб), рекламную продукцию (визитки, интернет-сайты, фото, печатные выпуски).

Практические занятия со студентами предполагают проведение модульных контрольных работ, включающих вопросы, касаемые собственного имиджа (реалии и перспективы); миф, который влияет на создание собственного имиджа; персональная профессия и особенности создания делового имиджа; экологический имидж и значение в собственной жизни (на примере фирмы, интерьера офиса или жилья, марки авто); определение габитарного имиджа человека (на конкретном изображении его на портрете, картине, фото), анализ внешних характеристик – одежды, внешности, макияжа, причёски и пр. И, наконец, модульная работа может содержать вопрос: «Имидж, который меня поразил».

Таким образом, имидж на сегодняшний день остается основополагающей для социокоммуникационного пространства категорией, но при этом является наиболее дискуссионной и неоднозначной как в этическом, так и в прагматическом измерениях. Имиджесоздание предполагает обязательное творческое начало, понимание потребностей и ожиданий социума, внутреннюю самооценку.

Изучение имиджелогии как учебной дисциплины является потенциально востребованным для студентов многих специальностей, главное место среди которых занимают гуманитарный и общественный профили, в частности социология. Но в каждом случае познание данного учебного курса имеет свою специфику, а структурно-содержательные компоненты должны выстраиваться в соответствии с профессиональной необходимостью.

Литература

1. Панасюк А.Ю. Формирование имиджа: стратегия, психотехники, психотехнологии. М.: Омега-Л, 2007. 266 с.
2. Бекарев А.М., Девятко И.Ф., Журавлев О.М. [и др.]. Современная отечественная социология: состоя-

ние и перспективы развития // *Личность. Культура. Общество*. 2018. Т. 20, вып. 1–2 (97–98). С. 158–191.

3. Адамьянц Т.З. Актуальные смыслы современной социокультурной среды // *Общественные науки и современность*. 2020. № 5. С. 212–230.

4. Ленков Р.В. Высшее образование как ресурс управления социокультурной модернизацией регионов. М.: ИНФРА-М, 2020. 161 с.

5. Микляева А.В., Постникова М.И. Социально-психологическая структура межпоколенческих отношений студенческой молодежи // *Социальная психология и общество*. 2019. № 2. С. 114–126.

6. Байрамов В.Д., Герасимов А.В. Инклюзивная образовательная среда университета // *Психолого-педагогические исследования*. 2019. Т. 11, № 3. С. 15–25.

7. Шавардова Е.Ю. Инновационные слагаемые имиджа педагога в сфере высшего образования // *Ученые записки Крымского федерального ун-та им. В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология*. 2020. Т. 6 (72), № 1. С. 138–144.

8. Збронская М. Имидж или стиль? Быть или казаться? URL: [http:// psychology.net.ru/articles/content/1230149915.html](http://psychology.net.ru/articles/content/1230149915.html) (дата обращения: 20.10.2020).

9. Монахов Г. Слагаемые имиджа. URL: [http:// wwwmonakhov.com.ua/22.11.2006.imidzh.html](http://www.monakhov.com.ua/22.11.2006.imidzh.html) (дата обращения: 20.10.2020).

10. Кошлякова М.О. Социальная имиджелогия как социологическое знание // *Сервис plus*. 2013. № 2. С. 16–20.

11. Шавардова Е.Ю. Язык как средство политической коммуникации. Киев: Компринт, 2007. 198 с.

12. Попов Н.Р. Изучение понятия имиджа в социологии: сб. науч. ст. XV Междунар. науч.-практ. конф. Пенза: Наука и просвещение, 2019. С. 273–275.

References

1. Panasyuk A.Yu. (2007). *Image formation: strategy, psychotechnics, psychotechnologies*. Moscow, Omega-L Publ., 266 p. (in Russian).
2. Bekarev A.M., Devyatko I. F., Zhuravlev O. M. [et al.]. (2018). Modern Russian sociology: state and prospects of development. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*, vol. 20, No. 1-2 (97-98), pp. 158-191. (in Russian).
3. Adamyants T. Z. (2020). Actual meanings of modern sociocultural environment. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, No. 5, pp. 212-230. (in Russian).
4. Lenkov R. V. (2020.) *Higher education as a resource for managing the socio-cultural modernization of regions*. Moscow, INFRA-M Publ., 161 p. (in Russian).
5. Miklyaeva A.V., Postnikova M. I. (2019). Social-psychological structure of intergenerational relations of

student youth. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*, No. 2, pp. 114-126. (in Russian).

6. Bayramov V. D., Gerasimov A.V. (2019). Inclusive educational environment of the university. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya*, vol. 11, No. 3, pp. 15-25. (in Russian).

7. Shavardova E.Yu. (2020). Innovative components of the teacher's image in the field of higher education. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Sotsiologiya. Pedagogika. Psikhologiya*, vol. 6 (72), No. 1, pp. 138-144. (in Russian).

8. Zbronskaya M. *Image or style? To be or to seem?* Available at: <http://www.monakhov.com.ua/22.11.2006.imidzh.html> (accessed October 20, 2020). (in Russian).

9. Monakhov G. *The terms of the image*. Available at: <http://www.monakhov.com.ua/22.11.2006.imidzh.html> (accessed October 20, 2020). (in Russian).

10. Koshlyakova M.O. (2013). Social imageology as sociological knowledge. *Servis Plus*, No. 2, pp. 16-20. (in Russian).

11. Shavardova E.Yu. (2007). *Language as a means of political communication*. Kiev, Komprint Publ., 198 p. (in Russian).

12. Popov N.R. (2019). Study of the concept of image in sociology. *Col. articles of the XV International Scientific and Practical Conference*. Penza, Nauka i prosveschenie, pp. 273-275. (in Russian).

Поступила в редакцию / Received

30 ноября 2020 г. / November 30, 2020

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORICAL SCIENCES

УДК 94(411).07
doi 10.18522/2687-0770-2021-1-35-41

ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ШОТЛАНДИЕЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

© 2021 г. В.Ю. Апрыщенко ^а, М.А. Мухин ^а
^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

FEATURES OF THE SCOTTISH GOVERNANCE SYSTEM IN THE SECOND HALF OF THE 18th CENTURY

V.Yu. Apryshchenko ^а, M.A. Mukhin ^а
^а Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Апрыщенко Виктор Юрьевич –
доктор исторических наук, профессор,
кафедра зарубежной истории
и международных отношений,
директор Института истории
и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: victorapr@sfedu.ru

Victor Yu. Apryshchenko -
Doctor of History, Professor,
Department of Foreign History
and International Relations,
Director of the Institute of History
and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: victorapr@sfedu.ru

Мухин Максим Андреевич –
магистрант,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: mmuhin@sfedu.ru

Maksim A. Mukhin -
Master's Degree Student,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: mmuhin@sfedu.ru

Рассматривается содержание и значение системы управления Шотландией во второй половине XVIII в. Указывается на незначительный интерес политической элиты Англии к управлению Шотландией. Акцентируется внимание на роли «шотландского лобби» в управлении Шотландией как инструмента взаимодействия центра с окраиной. Выявляется распределение различных благ «шотландским лобби» через систему патронажа с целью достижения политической стабильности на примере выборов в Палату общин. Раскрывается место «шотландских управляющих» в качестве представителей шотландских интересов в Лондоне. Делается вывод об отличии шотландской политической системы от английской модели реализации властных отношений. Отмечается отсутствие острых политических кризисов во второй половине XVIII в., что свидетельствует об успешности системы управления Шотландией в условиях быстрой модернизации.

Ключевые слова: система управления Шотландией, шотландское лобби, патронаж, шотландский управляющий, Генрих Дандас, Герцог Аргайл, Палата общин, модернизация Шотландии.

The article analyses the contents and the significance of the Scottish governance system in the second half of the 18th century. The authors point out that English political elite had little interest in governing Scotland and draw attention to the role of the Scottish lobby in the Scottish governance as a tool of interaction between the centre and the periphery. The

text reveals how the Scottish lobby distributed various amenities via the patronage in order to achieve political stability, as shown with the elections to the House of Commons. The article also demonstrates the role of Scottish managers as the representatives of Scottish interests in London. The authors conclude that the Scottish political system was different from the English one and note that there were no acute political crises in the second half of the 18th century, which indicates that in the midst of a rapid modernisation the Scottish governance system proved to be successful.

Keywords: *Scottish governance system, Scottish lobby, patronage, manager of Scotland, Henry Dundas, Duke of Argyll, House of Commons, Scottish modernisation.*

«Так Два Королевства Англия и Шотландия в первый день мая, который будет в тысяча семьсот седьмом году, и навсегда после будут объединены в одно королевство под названием Великобритания...» [1, р. 269]. Согласно приведенному отрывку из Акта об унии 1707 г. следует, что Шотландия не просто вошла в состав Англии, как Уэльс в XVI в., но стала частью нового единого союзного государства. В результате во второй половине XVIII в. Шотландия вступает в процесс значительной культурной, социальной и экономической трансформации. В связи с этим представляется интересным определить содержание и значение высшего уровня государственного управления, существовавшего в Шотландии в этот период.

Несмотря на создание единого союзного государства, интерес правящих кругов Англии к реализации властных полномочий в Шотландии на регулярной основе был незначителен [2, р. 4; 3, р. 22]. Так, после Акта об унии и ликвидации Тайного Совета в 1708 г. Великобритания не проводила осязаемых институциональных реформ во властной структуре Шотландии в течение всего XVIII в. Как отмечает Дж. А. Ловат-Фрейзер: «Политически Шотландия спала» [4, р. 46]. Исследователи приходят к выводу, что даже тот факт, что в 1762 г. впервые в истории должность премьер-министра занял шотландец Джон Стюарт Бьют, не изменил основ управления северной частью Великобритании [2, р. 104–123; 5, р. 160].

Вместе с тем вскоре после якобитского восстания 1745 г. Шотландия вступила в период модернизации. Изменения шотландского общества демонстрируют отрывки писем Уильяма Крича, написанных с разницей в двадцать лет. 1763 г. – «Количество мальчиков в грамматической школе не превышало 200 человек»; «Профессии парфюмера не существует»; «Модно ходить в церковь, люди интересуются религией». 1783 г. – «В школе обучаются 500 мальчиков. Она считается самой многолюдной школой Британии»; «Парфюмеры открыли лавки на главных улицах»; «Посещением церкви пренебрегают, прежде всего мужчины» [6, с. 238–

240]. Джон Синклер в конце «Общего доклада о Шотландии» утверждал: «В целом Шотландия, по-видимому, представляет собой ценную и процветающую часть Британской империи, и благодаря уму, искусности и трудолюбию ее жителей с каждым днем становится все более процветающей и богатой» [7].

Система управления Шотландией затрагивалась исследователями еще с первой половины XIX в. Однако до второй половины XX в. это скорее описание фактов, чем их теоретическое осмысление, как например, в трудах Дж. А. Ловат-Фрейзера [4] и Х. Фербера [8] о шотландском политике Генрихе Дандасе. Отдельные аспекты системы управления рассмотрены в научных статьях. Среди наиболее интересных исследований: «Политическая культура шотландского Хайленда от Каллодена до Ватерлоо» (Э. Маккиллоп) [9] и «Политика в бурге Дингуолл и избирательное право по выборам в парламент в XVIII веке» (У. Фергюсон) [10]. Наибольшее раскрытие проблема управления Шотландией получила в ряде монографий, написанных в последние десятилетия. А. Мердок в своем исследовании «“Люди наверху”: политика и администрация в Шотландии в середине XVIII века» [2] фокусируется на борьбе протонациональной элиты за свои интересы в условиях отсутствия государственного механизма. Р. М. Сантер в монографии «Патронаж и политика в Шотландии, 1707–1832» [11] ограничивается лишь рассмотрением ряда примеров работы избирательного механизма в Шотландии и роли патронажа в его реализации. Дж. Ст. Шоу в исследовании «Управление шотландским обществом, 1707–1764: власть, знать, адвокаты, Эдинбургские агенты и английское влияние» [12] хотя и доводит рассмотрение системы управления лишь до 1764 г., показывает причины того, что основной массой агентов, помогающих управлять Шотландией были юристы, демонстрируя деятельность одного из крупнейших Лорда Милтона. Несмотря на значительное внимание к проблеме управления северной окраиной Великобритании, ни одно из исследований не дает отчетливого ответа на вопрос:

какова же была реальная власть в Шотландии на протяжении всей второй половины XVIII века?

В последние десятилетия наблюдается рост интереса к шотландской проблематике в России, проявившийся в том числе в установлении контактов с британскими исследователями [13]. Однако государственное управление Шотландией во второй половине XVIII в. не получило существенного освещения в работах отечественных авторов. Тема была затронута В. Ю. Апрыщенко в ряде работ, и в особенности при рассмотрении деятельности Генриха Дандаса [14]. Труды некоторых других российских историков также представляют ценность для данного исследования, хотя они и не обращаются непосредственно к проблеме управления Шотландией в рассматриваемый период. Так, работа С.Г. Малкина, посвященная британскому военному присутствию в Горной Шотландии в 1715–1745 гг., раскрывает восприятие лондонским правительством Северной окраины, накануне второй половины XIX в. [15]. Следует также упомянуть высоко оцененную [16] монографию К. Н. Станкова «Король Яков II Стюарт и становление движения якобитов. 1685–1701» [17]. Несмотря на то, что работа затрагивает лишь первые годы XVIII в., труд представляет интерес. Ведь в нем раскрывается зарождение якобитизма, борьба с которым во многом определяла властную политику Лондона в отношении Шотландии даже спустя более чем пятьдесят лет.

Шотландия как составная часть Великобритании с 1707 г. имела формально полностью идентичную центральную властную структуру с Англией (король, парламент, кабинет министров). Однако, несмотря на внешнее сходство, обнаруживаются коренные отличия.

Правящий монарх возглавлял Великобританию и обладал значительной исполнительной властью в королевстве. Но в XVIII в. представители Ганноверской династии не принимали систематического участия в управлении Шотландией. Характерно, что в работах, посвященных системе власти в северной части Великобритании, монархи не являются акторами шотландской политики и ограниченно появляются в тексте исследований [2; 11]. Согласно выводу историка А. Мердока, вопросы управления Шотландией редко считались достаточно важными, чтобы обсуждать их с королем [2, р. 4]. Показательно, что два первых монарха из Ганноверской династии Георг I и Георг II, ни разу не посетили Шотландию [18, р. 201].

Несмотря на незначительное участие короля в реализации властных полномочий в Шотландии, он все же отчетливо присутствовал в политической жизни. В частности, на избирательном собрании в Палату общин Великобритании в Шотландии в правление Георга III была следующая присяга: «Я, искренне обещаю и клянусь, что буду верен и всецело предан Его Величеству королю Георгу. Да поможет мне Бог» [19, р. 354]. Признание права Ганноверской династии на престол было ключевым фактором положительного взаимодействия с центральной властью. С одной стороны, роль короля Великобритании в политической системе Шотландии свидетельствует о провинциальном с политической точки зрения характере области, но с другой – признание прав монарха на трон открывает возможность для участия в процессе реализации власти. К примеру, Дэвид Скотт из Данниналда в конце XIX в. входит не только в парламент Великобритании, но и в совет директоров Ост-Индской компании [11, р. 134–137].

Нельзя сказать, что Шотландия привлекала значительное внимание Кабинета министров. И поэтому повседневные дела в мирное время находились в ведении клерков, относившихся к конторам одного из государственных секретарей и лордов Казначейства, хотя чиновники не особенно ориентировались в управлении Шотландией. Так, государственный деятель Гилберт Эллиот в 1761 г. заметил: «Я нахожу всех низших чиновников обеих контор (кабинет государственного секретаря и Казначейство!) чрезвычайно некомпетентными в обычном ходе шотландских дел» [Cit. ex: 2, р. 4].

Тем не менее Уайтхоллу была необходима поддержка северной области. Во-первых, выступление якобитов в 1745 г. показало военную уязвимость Англии. Российский посланник И.А. Щербатов писал в депеше: «Хотя войско отсюда отправляется в Скотландию, и надежно, что в три недели может до двенадцати тысяч набраться, но до того времени могут бунтовщики великие обиды и разорения приключить по без оборонным городкам и деревням» [20]. В итоге якобитское восстание хоть и было разгромлено, но сторонники Карла Эдуарда Стюарта продвинулись вплоть до Дерби, создав риск падения Лондона. Во-вторых, представители Шотландии занимали места в Парламенте Великобритании и от их лояльности правительству во многом зависела политическая стабильность. Проблема состояла в том, что несмотря

на необходимость грамотной реализации властных отношений, вопросы управления северной окраиной отодвигались на второй план. В результате система управления Шотландией не была полноценно включена в единую властную систему, что привело к росту роли «шотландского лобби» как инструмента взаимодействия центра с окраиной. Основы модели управления Шотландией могут быть продемонстрированы на примере положения, сложившегося вокруг выборов в парламент.

Рамки шотландского представительства в парламенте Королевства Великобритания были установлены еще в 1707 г. Актом об унии и сохранялись в ходе всего XVIII в. «Так в силу настоящего Договора из пэров Шотландии во время Союза число заседающих и голосующих в Палате Лордов будет шестнадцать, а число представителей Шотландии в Палате общин парламента Великобритании будет сорок пять ...» [1, р. 273].

Шотландская фракция лишь ограниченно воспользовалась возможностью через парламент участвовать в реализации центральной власти, в целом поддерживая кабинет министров. Такая политическая ситуация была обусловлена тем, что в обмен в том числе на лояльность депутатов представление шотландских интересов в Лондоне и правительственное покровительство фактически передавалось небольшой группе лоббистов. В ней на определенных этапах появлялась настолько сильная политическая фигура, которая сосредоточивала в своих руках большую часть власти: появлялись так называемые «шотландские управляющие». Из наиболее значительных – Арчибальд Кэмпбелл, 3-й герцог Аргайл и Генрих Дандас.

Чтобы понять сложившуюся систему, обратимся к источнику: отчету, подготовленному к очередным выборам в парламент Великобритании, «Взгляд на политическое состояние Шотландии в прошлом веке. Конфиденциальный отчет о политических взглядах, семейных связях и личных обстоятельствах 2662 избирателей округов в 1788 году» [19]. В отчете изучались только тридцать три округа, которые выдвигали тридцать представителей в Палату общин. Города с их пятнадцатью депутатами не рассматривались. Наибольшее количество избирателей было в Айршире (205), наименьшее – в Бьюте (12). В Шотландии в XVIII в. было не пропорционально меньше избирателей, чем в Англии. Для сравнения один Вестминстер имел

17 000 выборщиков [3, р. 16]. При этом значительное число избирателей в Шотландии были фиктивными. Как отмечает современник А. Мандел, «... для создания свободных владений он [крупный землевладелец] разделяет свое владение, на которое имеет право сеньората, на столько частей, сколько его совокупная рента, разделенная на число этих владений, ему позволит. И он распределяет эти владения между своими друзьями...» [21]. Таким образом, каждый получивший владение получает право голоса. Так как в целом число избирателей невелико, то на результаты голосования можно было воздействовать.

Рассмотрим округ наиболее приближенный по числу выборщиков к среднеарифметическому значению (80,7). Область Мори (Элгин) имеет 77 выборщиков, отчет сообщает – основная масса избирателей проголосует в соответствии с интересами четырех людей. Граф Файф оказывает существенное влияние на решение 27 выборщиков, герцог Гордон – 21, граф Финдлейтер – 3, сэр Уильям Гордонстаун – 3 [19, р. 238]. Обращает на себя внимание следующая запись рядом с именем одного из избирателей, сэра Джеймса Гранта: «Его сын, юрист, по соглашению с Лордом Файфом и Мистером Дандасом станет депутатом от графства» [19, р. 236]. Выборы в парламент состоялись между 16 и 28 июня 1790 г. И на них действительно победил Льюис Александр Грант-Огилви. Шотландская политика строилась на сделках.

В обмен на свой голос на выборах избиратель рассчитывал получить желаемое, как показывает источник, в большинстве случаев назначение на какую-либо должность для себя или своего протеже. Так, в отчете 1788 г. встречается следующая запись: «Роберт Синклер... Дандас добился его назначения на должность клерка в сессионном суде. Пойдет за Дандасом» [19, р. 165]. Указываются в отчете и родственники выборщика, которые могут потенциально нуждаться в содействии «шотландского лобби». «Джеймс Дарем из Ларго ... Один сын женился на английской леди, но детей у него нет, второй... в Индии, третий – на флоте» [19, р. 122].

Лондон обеспечивал «шотландскому лобби» ресурс для патронажа и в обмен получал лояльность элиты. Характерно, что желаемые должности не ограничивались рамками Шотландии. Так, значительной популярностью пользовалась Индия. «Уильям Каннингем из Лейншоу... Хочет отправить своего второго сына в Индию...»

[19, p. 36]. «Чарльз Хантер из Бернсайда. Умеренное состояние. Большая семья. Один из них послан в Индию Патерсоном из Хантли, который будет иметь на него влияние» [19, p. 152].

Фактически происходил сговор: в обмен на лояльность Уайтхоллу элита Шотландии через систему патронажа распределяла различные блага. Но выборы все же не являлись аукционным, все происходило в завуалированной форме и не всегда, как показывает Р. М. Сантер на примере Дэвида Скотта, кандидат с наиболее значительным ресурсом для патронажа выигрывал выборы [11, p. 134–137].

Роль «шотландского лобби» не ограничивалась лишь контролем необходимого результата на парламентских выборах, оно имело влияние и на повседневную политическую жизнь. В письме 1789 г. Адам Смит обращается к Генриху Дандасу: «Меня очень беспокоит то, что я вынужден напоминать вам обо всем, что в данный момент может вас затруднить. Но есть очень благоприятный отчет шотландских баронов, лежащий перед лордами казначейства для их одобрения, по ходатайству университета Глазго о возобновлении гранта Архиепископства. Кроме того, мои коллеги в Глазго очень озабочены назначением пенсии вдове... доктора Ирвина. Мои коллеги в совете испытывают похожую озабоченность делом дочери покойного Ричарда Гардинера...» [22, p. 89].

«Шотландские управляющие» могли иметь столь сильное влияние, что центральной власти приходилось мириться даже с неугодными людьми. В частности, «шотландский управляющий» Арчибальд Кэмпбелл, 3-й Герцог Аргайл имел много врагов. Согласно дневнику Графа Марчмонта, лорд Честерфилд сказал: «...Король питает к нему смертельную ненависть, большую, чем к любому другому человеку в его владениях, и что я питаю к герцогу любовь в сравнении с королем» [23, p. 224]. Однако Герцог Аргайл сохранил свое положение несмотря не только на неприязнь короля, но и на конфликт с Герцогом Ньюкаслем, который дважды занимал пост премьер-министра. При этом существовала оппозиция, противостоящая Герцогу Аргайлу, и в Шотландии. Так, шотландец Граф Марчмонт записал в дневнике свой ответ Генриху Пелхэму: «...Никто из друзей короля не желает ничего иного, кроме как получить долю королевской милости, не спросив разрешения герцога Аргайла...» [23, p. 219].

Итак, в Шотландии во второй половине XVIII в. существовала система управления, в рамках которой король, кабинет министров передавали властные полномочия через контроль над системой патронажа шотландскому лобби с целью достижения политической стабильности. После вхождения Шотландии в состав Великобритании система управления северной области на практике не стала идентична английской модели реализации властных отношений, но все же шотландцы стали частью общей системы власти Великобритании. Не случайно Сэмюэль Джонсон объясняет уход почтения «засильем шотландцев, чем же еще!» [24].

Система управления Шотландией, несмотря на своеобразие, была достаточно успешной. Неизвестный автор брошюры 1793 г. «Несколько простых вопросов к трудящимся Шотландии» не далек от истины, утверждая: «Разве народ не процветал при этом парламенте...? Где еще вы найдете страну, столь процветающую и счастливую, столь мощную и которой столь сильно восхищаются другие народы? Разве деньги всей Европы не текли в наши государственные фонды?» [25]. Действительно во второй половине XVIII в. началась быстрая модернизация Шотландии. Более того, после выступления якобитов во главе с Карлом Эдуардом Стюартом с 1745 г. острых политических и военных кризисов не было.

Литература

1. Scottish historical documents / G. Donaldson (Ed.). Edinburgh: Scottish Academic Press, 1970. 287 p.
2. Murdoch A. The people above: politics and administration in mid-eighteenth-century Scotland. Edinburgh: John Donald Publishers Ltd, 1980. 199 p.
3. Mathieson W. L. The awakening of Scotland, a history from 1747 to 1797. Glasgow: James Maclehose and sons, 1910. 303 p.
4. Lovat-Fraser J. A. Henry Dundas, Viscount Melville. Cambridge: Cambridge University Press, 1916. 146 p.
5. Scotland: A History / J. Wormald (Ed.). New York: Oxford University Press, 2005. 380 p.
6. Шотландия. Автобиография / под ред. Р. Горинг. М. : Эксмо, СПб. : Мидгард, 2010. 704 с.
7. General report of Scotland: statistical tables, or, result of the inquiries regarding the geographical, agricultural, and political state of Scotland. Available at: <https://archive.org/details/generalreportofs00sincuoft/page/104/mode/2up> (accessed December 14, 2020).

8. *Furber H.* Henry Dundas, First Viscount Melville, 1741–1811, Political Manager of Scotland, Statesman, Administrator of British India. London: Oxford University Press, 1931. 331 p.

9. *Mackillop A.* The Political Culture of the Scottish Highlands from Culloden to Waterloo // *The Historical Journal*. 2003. Vol. 46, No. 3. P. 511–532.

10. *Ferguson W.* Dingwall Burgh Politics and the Parliamentary Franchise in the Eighteenth Century // *The Scottish Historical Review*. 1959. Vol. 38, No. 126, Part 2. P. 89–108.

11. *Sunter R. M.* Patronage and politics in Scotland, 1707–1832. Edinburgh: John Donald Publishers Ltd, 1986. 254 p.

12. *Shaw J. S.* The management of Scottish society, 1707–1764. Power, nobles, lawyers, Edinburgh agents and English influences. Edinburgh: John Donald Publishers Ltd, 1983. 215 p.

13. *Апрыщенко В. Ю.* “Auld Alliance”: профессор Хэмиш Фрейзер и российско-шотландские культурные связи // *Новое прошлое*. 2016. № 2. С. 312–318.

14. *Апрыщенко В. Ю.* Лорд-адвокат Дандас: деспот или некоронованный король Шотландии // *Слава и забвение: парадоксы биографики*: сб. науч. ст. СПб.: Алетейя, 2014. С. 265–282.

15. *Малкин С. Г.* «Мятежный край его величества»: британское военное присутствие в Горной Шотландии в 1715–1745 гг. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 256 с.

16. *Моисеенко М. А.* Новый образ короля Якова II Стюарта: о книге К.Н. Станкова «Король Яков II Стюарт и становление движения якобитов 1685–1701». СПб.: Алетейя, 2014. 416 с. // *Новое прошлое*. 2017. № 2. С. 226–234.

17. *Станков К. Н.* Король Яков II Стюарт и становление движения якобитов 1685–1701. СПб.: Алетейя, 2014. 416 с.

18. *Colley L.* Britons: Forging the Nation 1707–1837. London: Pimlico, 2003. 429 p.

19. View of the political state of Scotland in the last century: a confidential report on the political opinions, family connections, or personal circumstances of the 2662 county voters in 1788 / A. Elphinstone (Ed.). Edinburgh: David Douglas, 1887. 360 p.

20. Дипломатические хроники: реляции И.А. Щербатова о шотландской революции 1745/46 гг. URL: <http://feb-web.ru/feb/rosarc/rag/rag-251-.htm> (дата обращения: 15.12.2020).

21. Considerations upon the situation of the Elective Franchise as it respects Counties in Scotland; stated in a letter addressed to the land-owners of that part of the United Kingdom. Available at: <https://archive.org/details/considerationsu00mundgoog/page/n52/mode/2up> (accessed December 15, 2020).

22. *Scott W. R.* A Letter of Adam Smith to Henry Dundas, 1789 // *The Economic History Review*. 1931. Vol. 3, No. 3. P. 88–90.

23. A selection from the papers of the earls of Marchmont, in the possession of the Right Hon. Sir George Henry Rose. Illustrative of events from 1685 to 1750 / J. Murray (Ed.). London, 1831. 292 p.

24. *Босуэлл Дж.* Жизнь Сэмюэля Джонсона. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Engl/XVIII/1760-1780/Boswell_J/frameset2.htm (дата обращения: 15.12.2020).

25. A few plain questions to the working people of Scotland. 1793. Available at: <https://archive.org/details/fewplainquestion00frieuoft/page/10/mode/2up> (accessed December 15, 2020).

References

1. *Scottish historical documents* (1970). G. Donaldson (Ed.). Edinburgh, Scottish Academic Press, 287 p.

2. *Murdoch A.* (1980). *The people above: politics and administration in mid-eighteenth-century Scotland*. Edinburgh, John Donald Publishers Ltd, 199 p.

3. *Mathieson W. L.* (1910). *The awakening of Scotland, a history from 1747 to 1797*. Glasgow, James Maclehose and sons, 303 p.

4. *Lovat-Fraser J. A.* (1916). *Henry Dundas, Viscount Melville*. Cambridge, Cambridge University Press, 146 p.

5. *Scotland: A History* (2005). J. Wormald (Ed.). New York, Oxford University Press, 380 p.

6. *Scotland. The Autobiography*. (2010). R. Goring (Ed.). Moscow, Eksmo Publ.; Saint Petersburg, Midgard Publ., 704 p. (in Russian).

7. *General report of Scotland: statistical tables, or, result of the inquiries regarding the geographical, agricultural, and political state of Scotland*. Available at: <https://archive.org/details/generalreportofs00sincuoft/page/104/mode/2up> (accessed December 14, 2020).

8. *Furber H.* (1931). *Henry Dundas, First Viscount Melville, 1741-1811, Political Manager of Scotland, Statesman, Administrator of British India*. London, Oxford University Press, 331 p.

9. *Mackillop A.* (2003). The Political Culture of the Scottish Highlands from Culloden to Waterloo. *The Historical Journal*, vol. 46, No. 3, pp. 511-532.

10. *Ferguson W.* (1959). Dingwall Burgh Politics and the Parliamentary Franchise in the Eighteenth Century. *The Scottish Historical Review*, vol. 38, No. 126, part 2, pp. 89-108.

11. *Sunter R. M.* (1986). *Patronage and politics in Scotland, 1707-1832*. Edinburgh, John Donald Publishers Ltd, 254 p.

12. *Shaw J. S.* (1983). *The management of Scottish society, 1707-1764: Power, nobles, lawyers, Edinburgh*

agents and English influences. Edinburgh, John Donald Publishers Ltd, 215 p.

13. Apyshchenko V.Yu. (2016). "Auld Alliance": Emeritus Professor W. Hamish Fraser and Cultural Cooperation between Russian and British Scholars. *Novoe proshloe*, No. 2, pp. 312-318. (in Russian).

14. Apyshchenko V.Yu. (2014). Lord Advocate Dundas: a tyrant or uncrowned king of Scotland. *Glory and oblivion: paradoxes of biographistics*. Collection of Scientific Articles. Saint Petersburg, Aleteiya Publ., pp. 265-282. (in Russian).

15. Malkin S. G. (2011). "The Rebellious Land of His Majesty": The British military presence in Highland Scotland in 1715-1745. Saint Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 256 p. (in Russian).

16. Moiseenko M.A. (2017). The New Image of James II Stuart: about the Book by Kirill Stankov "King James II Stuart and the Foundation of Jacobite Movement 1685-1701". Saint Petersburg, Aletheia, 2014. 416 p. *Novoe proshloe*, No. 1, pp. 226-234. (in Russian).

17. Stankov K. N. (2014). *King James II Stuart and the Foundation of Jacobite Movement 1685-1701*. Saint Petersburg, Aleteiya Publ., 416 p. (in Russian).

18. Colley L. (2003). *Britons: Forging the Nation 1707-1837*. London, Pimlico Publ., 429 p.

19. *View of the political state of Scotland in the last century: a confidential report on the political opinions, family connections, or personal circumstances of the 2662*

county voters in 1788. (1887). A. Elphinstone (Ed.). Edinburgh, David Douglas Publ., 360 p.

20. *Diplomatic chronicles: I. A. Shcherbatov's reports on the Scottish revolution 1745/1746*. Available at: <http://feb-web.ru/feb/rosarc/rag/rag-251-.htm> (accessed December 15, 2020). (in Russian).

21. *Considerations upon the situation of the Elective Franchise as it respects Counties in Scotland; stated in a letter addressed to the land-owners of that part of the United Kingdom*. Available at: <https://archive.org/details/considerationsu00mundgoog/page/n52/mode/2up> (accessed December 15, 2020).

22. Scott W. R. (1931). A Letter of Adam Smith to Henry Dundas, 1789. *The Economic History Review*, vol. 3, No. 1, pp. 88-90.

23. *A selection from the papers of the earls of Marchmont, in the possession of the Right Hon. Sir George Henry Rose. Illustrative of events from 1685 to 1750*. (1831). J. Murray (Ed.). London, 292 p.

24. Boswell J. *The life of Samuel Johnson*. Available at: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Engl/XVIII/1760-1780/Boswell_J/frametext2.htm (accessed December 15, 2020). (in Russian).

25. *A few plain questions to the working people of Scotland*. (1793). Available at: <https://archive.org/details/fewplainquestion00frieuoft/page/10/mode/2up> (accessed December 15, 2020).

УДК 94

doi 10.18522/2687-0770-2021-1-42-47

РОЛЬ СОСЛОВНО-ПОЗЕМЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ И КОМИТЕТОВ В РЕШЕНИИ АГРАРНОГО ВОПРОСА НА ЦЕНТРАЛЬНОМ КАВКАЗЕ В 40–70-х ГОДАХ XIX ВЕКА

© 2021 г. Д. Ф. Афаунова ^а

^а Северо-Кавказский институт – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Пятигорск, Россия

THE ROLE OF ESTATE AND LAND COMMISSIONS AND COMMITTEES IN SOLVING THE AGRARIAN QUESTION IN THE CENTRAL CAUCASUS IN THE 40-70s of 19th CENTURY

D.F. Afaunova ^а

^а North Caucasus Institute - Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Pyatigorsk, Russia

Афаунова Диана Феликсовна –
аспирант,
Северо-Кавказский институт – филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
ул. Кирова, 43/45, г. Пятигорск, 357502, Россия.
E-mail: afaunovagucheva@mail.ru

Diana F. Afaunova -
Postgraduate,
North Caucasus Institute - Branch of the Russian
Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
Kirova Str., 43/45, Pyatigorsk, 357502, Russia.
E-mail: afaunovagucheva@mail.ru

Рассматривается работа комитетов и комиссий в Терской области в 40–70-х гг. XIX в. Анализируются причины их создания, состав, задачи и основные направления деятельности. Исследованы попытки этих комитетов и комиссий решить аграрный вопрос на Центральном Кавказе. Показано значение их деятельности для изучения аграрных и сословных отношений в регионе, благодаря чему удалось ослабить остроту социальных конфликтов. Ими было положено начало разрешению земельного вопроса, которое продолжалось в последующие десятилетия. В результате кропотливой работы комитетов и комиссий было собрано огромное количество материалов, имеющих большое значение для изучения истории того времени. Материалы этих комитетов и комиссий зачастую являлись главнейшим источником информации и легли в основу исследований историков и этнографов разных поколений.

Ключевые слова: Терская область, Центральный Кавказ, аграрный вопрос, поземельные отношения, сословный вопрос, комитеты и комиссии, Терская сословно-поземельная комиссия.

The article is devoted to the work of the committees and commissions that worked in the Terek region in the 40-70s of 19th century. The article analyzes the reasons for the creation, composition, tasks and main activities of the committees. The study examines the attempts of these committees and commissions to resolve the agrarian issue in the Central Caucasus. The conclusion shows the importance of their activities for the study of agrarian and class relations in the region. The author comes to the conclusion that the activities of the committees and commissions were of great practical importance. Thanks to their work, it was possible to ease the severity of social conflicts in the region. They laid the foundation for the settlement of the land issue, which continued in the following decades. Thanks to the painstaking work of the committees and commissions, a huge amount of materials was collected. They are of great importance for studying the history of that time. The materials of these committees and commissions in most cases were the main source of information, which formed the basis for the research of historians and ethnographers of different generations.

Keywords: Terek region, Central Caucasus, agrarian question, land relations, estate question, committees and commissions, Terek estate-land commission.

Решение сословного и земельного вопросов в Центральном Предкавказье начиная с 40-х гг. XIX в. было тесно связано с созданием и деятельностью сословно-поземельных комитетов и комиссий. Их главная функция состояла в урегулировании обострившихся социальных отно-

шений, в поиске решения сословных и земельных проблем.

Первый такой комитет был открыт во Владикавказе 19 марта 1847 г. по распоряжению царского наместника на Кавказе князя М.С. Воронцова по разбору сословных и поземельных прав жителей Владикавказского военного округа под руководством генерал-майора Нестерова. «Членами Комитета назначены командир Владикавказского казачьего полка полковник Ильинский, главный пристав горских народов полковник Авалов, стоящий при Отдельном Кавказском корпусе полковник Казбек, командир Горского казачьего полка подполковник князь Эристов и Генерального штаба подполковник Бибиков» [1, с. 70]. Главной задачей комитета стало разрешение конфликта между тагаурскими старшинами, т. е. осетинскими феодалами, и зависимыми условиями – фарсаглагами и кавдарсардами. Поскольку тагаурские старшины и дигорские баделяты – высшие сословия Осетии – в прошении от 27 апреля 1845 г. ходатайствовали утвердить личные права над крестьянами, а «на земли, занимаемые теперь, выдать акты с правом владения ими вечно и потомственно» [2, с. 70].

Главная же просьба старшин состояла в том, чтобы правительство удостоило их звания тагаурских алдаров, «каковыми титулами пользовались их предки... во всех горах Кавказа» [3, с. 73].

Наиболее массовое и непримиримое к феодальному произволу сословие осетинских крестьян – фарсаглаги – настаивали на том, чтобы им было отведено вне всякой зависимости от старшин, на общем праве пользования достаточное количество земли и чтобы утвердили «оную за ними письменным актом и признали бы «законом их независимое положение». Также они требовали поселить их обособленно от феодалов [3, с. 74].

Рассмотрев просьбы сторон, Нестеров подготовил проект. Он предполагал выполнить просьбу тагаурских старшин и звать их теперь «алдарами» или тагаурскими дворянами. Одновременно он хотел учесть интересы фарсаглагов и поселить их отдельно от старшин. Земли же плоскостной Осетии было рекомендовано объявить казенными, ибо «из собранных фактов видно, что собственности у тагаурцев никогда не было» [2, с. 71]. Данный проект Нестерова был одобрен 13 декабря 1847 г. князем Воронцовым. Лишь пункт об отдельном поселении фарсаглагов был пропущен.

В целом военная администрация, занимавшаяся вопросами землеустройства, была довольна работой нестеровской комиссии, хотя значимых результатов она не дала. Члены комиссии по причинам личного характера и служебной занятости не могли принимать активного участия в работе комиссии. Поэтому в ноябре 1848 г. она прекратила свое существование.

Воронцов предписал начальнику Центра Кавказской линии Эристову в сентябре 1848 г. разобраться с делами в Дигорском обществе и предоставить свои соображения по этому сложному вопросу. Для рассмотрения дела Воронцов учредил особую комиссию, которая в составе командира Донского казачьего полка подполковника Попова, майора Наттера, секретаря Кабардинского суда Дадышева начала работу в марте 1849 г. в Нальчике. Председателем ее был назначен новый командир Горского Казачьего полка полковник Э.С. Алехин. Комиссии предстояло детально разобраться в сословных отношениях дигорцев, в степени и формах зависимости крестьян от баделят [3, с. 82]. Работа проводилась скрупулезно, сначала заслушивались представители крестьянства, а затем – баделят. Учитывая то, что показания их расходились, между ними начали устраивать очные ставки. Комиссия закончила свою работу в декабре 1849 г. Результаты не удовлетворили Воронцова. Поэтому «дигорский вопрос» еще долго оставался злободневным.

Под председательством нового начальника Владикавказского военного округа барона И.А. Вревского в июне 1850 г. был открыт новый комитет, который разработал свой проект разрешения противоречий между населением Осетии. Он утвердил проект размежевания земель, который предполагал наделить алдарские дворы по 225 десятин, а фарсаглагские и кавдарсардские – по 36 десятин [2, с. 72].

Комитет проводил землеустроительные работы около трех лет. 10 ноября 1856 г. Вревский доложил новому царскому наместнику генерал-адъютанту А.И. Барятинскому, что поземельный вопрос тагаурцев на правой стороне Терека полностью решен [2, с. 72]. Всего было отмежевано 44 885 дес. земли. При этом 61 алдарский двор, или около 8 % тагаурского населения, получил 17 430 дес., оставшаяся земля – 27 455 дес. – отдана фарсаглагам, которые были собраны в 9 аулах [3, с. 96].

Завершить разработанный проект Вревскому не удалось из-за того, что он в конце 1856 г. был

переведен на другое место службы. Пользуясь его отъездом, влиятельные алдары подали жалобу новому командующему войсками левого фланга Кавказской линии генерал-лейтенанту Н.И. Евдокимову, в которой настаивали на создании нового комитета.

В ноябре 1857 г. во Владикавказе учредили «Комитет для разбора личных и поземельных прав туземцев Левого фланга Кавказской линии» из 9 человек. Председателем его назначался генерал-лейтенант А.П. Грамотин. Новый комитет должен был решить окончательно сословно-поземельный вопрос не только в Осетии, но и в Кабарде, Чечне, Ингушетии, Кумыкии [2, с. 73].

На работу в Осетии отводилось 2 года, а затем следовало решать вопросы в других округах. Но в силу того, что комитет работал медленно и не организованно, в ноябре 1858 г. он был упразднен. Вместо него появились комиссии Чеченского и Осетинского округов и Кабардинский и Кумыкский комитеты.

«Комитет для разбора личных и поземельных прав», рассмотрев многочисленные заявления претендентов из чеченцев на признание за ними «особых сословных привилегий», заявил, что за 10 чеченскими фамилиями можно было бы признать «просимые ими привилегии». Но, придерживаясь уже официально высказанной точки зрения властей о «бессословности чеченского общества», Комитет отказал чеченцам в их просьбе. Власти признавали «законными» за чеченскими владельцами только те привилегии, которые присваивались царским правительством за «личные заслуги», в том числе выделение в потомственное владение земельных наделов и т. д. [4, с. 657].

Характеризуя сложившуюся ситуацию, помощник царского наместника князь Г.Д. Орбелиани писал военному министру Д. А. Милютину: «Общества, отдельные аулы и даже отдельные семейства, приносившие покорность, или оставлены были на старых местах их жительства, или, что бывало чаще, переселялись на новые им указанные места: но как в том и в другом случае им указывалась земля только примерно и временно. Затем по требованию военных обстоятельств из земель, указанных туземцев, мы нередко отнимали часть под казачьи поселения или укрепления и раз поселенных на новых местах по требованию же этих обстоятельств снова переселяли и иногда по несколько раз с места на место; но и при этом новом пере-

селении земли указывались туземцам только в примерном количестве и для временного пользования. Этот порядок дел, по необходимости продолжавшийся многие годы, никак не мог развить в туземцах оседлости; а напротив, он поселял к правительству недоверие, заставлял каждого быть в постоянном опасении за будущее...» [5].

Основной целью царской администрации стало, во-первых, умиротворение народов, покоренных в ходе Кавказской войны, и улучшение их быта, во-вторых, приспособление этого региона к новым условиям пореформенной России.

В 1858 г. Владикавказский округ был преобразован в Военно-Осетинский. Начальником округа и по совместительству председателем комитета стал осетин полковник Мусса Кундухов. Проект, предложенный Кундуховым, был отклонен. Впоследствии его полномочия были переданы майору Карякину. Но и он не стал «хорошим» председателем. Подготовив отчет о своей деятельности, комитет завершил работу.

19 ноября 1861 г. в Кабардинском округе образовался комитет под председательством князя В.В. Орбелиани. Членами комитета являлись капитан Масловский, подпоручик Ладыженский и помощник председателя майор Шредер. Задача комитета состояла в том, чтобы «приводить в известность количество земель в Кабардинском округе»: казенных, частных и общинных [6, с. 122].

На первом заседании, которое состоялось 12 февраля 1862 г., комитет выработал программу действий из 18 пунктов.

В ней указывалось, что предмет действий Комитета – разбор личных прав туземцев по происхождению, а потом – права поземельные. Разбор этот планировалось начать с жителей Большой Кабарды, а затем и других народов, населяющих Балкарский участок. Основанием к разбору личных прав служили: 1) грамоты императрицы Екатерины II, императора Александра I, данные кабардинскому народу; 2) статьи законов, «относящихся до кавказских горцев»; 3) прокламации генералов И.В. Гудовича, А.П. Тормасова, Н.Ф. Ртищева, А.П. Ермолова и другие письменные документы кавказского начальства, касающиеся сословных прав горцев; 4) народные обычаи представленные генералу Ермолову; 5) список князей и узденей, составленный по предписанию его высокопревосходительства; 6) показания народных депутатов, основанные на народных преданиях; 7) свидетель-

ства и протоколы Кабардинского суда; 8) исторические сведения [7, с. 76].

Комитет подготовил: 1) список кабардинских фамилий, пользовавшихся поземельной собственностью. В него вошли 4 княжеских фамилии Большой Кабарды: Атажукина, Мисостова, Бекмурзина, Кайтукина; 2) список землевладельцев, ушедших в Турцию; 3) список землевладельцев, которые в разное время бежали за Кубань [6, с. 124].

Из 35 заседаний 29 были посвящены разбору сословных прав, 6 – земельного устройства. По подсчетам комитета, в Большой Кабарде в 1862 г. было 3510 дворов с населением 20 850 душ обоего пола, исключая жителей Вольного аула и крепостей [8, с. 20].

Несмотря на высокие результаты, кавказская администрация выработала свой проект решения земельного вопроса и весной 1863 г. «Комитет жителей Кабардинского округа по разбору личных и поземельных прав горцев» был упразднен.

В конце 1862 г. генерал М.Т. Лорис-Меликов был назначен на должность начальника Терской области. После этого в 1863 г. действующие в каждом округе комиссии и комитеты были распущены и вместо них создана общая для Терской области «Комиссия по разбору личных и поземельных прав туземного населения Терской области», которая вела работу под руководством чиновника особых поручений при царском наместнике Д.С. Кодзокова.

По замечанию Т.Х. Кумыкова, начальник Терской области уделял большое внимание формированию данной комиссии, предавал огромное значение поиску ее членов, так как считал, что комиссия должна быть «составлена из членов, практически и теоретически специально просвещенных не только в военном искусстве и в военной администрации, но, если не более, по крайней мере столько же, сведущих в правоведении, истории, географии и статистике... в политической экономии и в деле сельского хозяйства» [9, с. 73].

Советский историк Г.А. Кокиев, весьма основательно рассматривавший вопросы крестьянской реформы на Северном Кавказе, указывал, что «назначение Кодзокова председателем сословной комиссии не являлось случайным шагом. Царское правительство, выдвигая Кодзокова на этот ответственный пост, несомненно, руководствовалось тем, что Кодзоков, происходя из высших горских социальных слоев, клас-

сово был вполне приемлем, а также он как горец мог легче ориентироваться в сложной горской обстановке и легче, чем царский чиновник, расположить к учреждению, которое он возглавлял, доверие горских масс...» [10, с. 8–9].

Терская сословно-поземельная комиссия должна была наконец решить земельный и сословный вопросы в области. В ее программе стояли цели определить размеры территории, занятой каждым туземным обществом и племенем, нанести эти земли на планы со всеми деталями, важными для их правильного разграничения и распределения. Комиссия должна была провести расследование и разъяснение всех земельных споров и вопросов между обществами и племенами, привести в известность все документы и другие бумаги, принадлежащие туземцам области и касающиеся предметов занятий комиссий, равно и все когда-либо составленные распоряжения правительства, относящиеся к туземному населению. Необходимо было заняться распределением земель по племенам и обществам, а в некоторых случаях и по фамилиям с доскональным описанием границ участка фамилии, общества и племени [11, с. 16].

«Кодзоковская комиссия» занялась исследованием сословно-правовых отношений населения области и проведением земельной реформы. После разграничения земель в плоскостной части Терской области 31 декабря 1869 г. комиссия была реорганизована во временную «Комиссию для разбора сословных прав горцев Кубанской и Терской областей» [2, с. 75].

С данного времени особой задачей комиссии являлся сословный вопрос, т. е. предоставлять ли права российских дворян представителям высших сословий горских народов. Уже в декабре 1871 г. администрацией была сделана первая попытка разрешения аграрного вопроса в Нагорной Осетии. Комиссия выполнила стоявшую перед ней задачу, но не смогла реализовать ее на практике без одобрения высшей власти.

В январе 1874 г. Кодзоков представил итоги работы комиссии в докладной записке под названием «Исследование комиссии о сословном строе в Терской и Кубанской областях» [9, с. 74]. Рассмотрение земельного вопроса было исключено из ведения комиссии Кодзокова, хотя на равнине он не был решен, а в нагорной полосе даже попыток решить его не наблюдалось.

Земельное устройство нагорной полосы в 1875 г. было передано межевому отделу Терского областного правления [4, с. 659]. Комиссия

Кодзокова просуществовала с перерывами до 1908 г.

Деятельность комитетов под руководством Нестрова, Ильинского, Эристова, Вревского, Грамотина, Кундухова и Терской сословно-поземельной комиссии под руководством Кодзокова имела большое практическое значение. Именно благодаря их труду стало возможным ослабление социальных конфликтов в регионе. Комитеты положили начало разрешения аграрного вопроса, которое тянулось еще последующие десятилетия.

Материалы, собранные в ходе работы комиссий и комитетов, имеют большое значение для проведения исследования того времени. В них можно проследить отношения между разными сословиями народов Терской области, связь между царскими властями и местным населением, изучить существовавшие формы землевладения и землепользования. Материалы этих комитетов и комиссий во многих случаях являлись основным источником информации, которые привлекались и привлекаются в исследованиях историков и этнографов разных поколений.

Литература

1. Народы Центрального Кавказа в 40-х – начале 60-х годов XIX века : сб. док. материалов : в 2 т. / сост. П.А. Кузьминов, Б.К. Мальбахов. М. : Поматур, 2005. Т. 2. 392 с.
2. Кузьминов П.А. Работа сословно-поземельных комиссий и комитетов в 40–70-х XIX в. в Центральном Предкавказье // Вестн. Дагестанского научного центра. 2005. № 22. С. 69–76.
3. Берозов Б.П. Путь, равный столетию. Орджоникидзе : Ир, 1986. 315 с.
4. Ибрагимов М.М. История Чечни с древнейших времен до наших дней. Грозный : Книжное изд-во, 2008. Т. 1. 828 с.
5. 1861 г. июля 3. Копия с отзыва временно командующего Кавказской армией генерал-адъютанта Г.Д. Орбелиани военному министру Д.А. Милютину о назревших задачах по землеустройству горцев, а также о принципах распределения земель между ними. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Probl_kavk_vojny/61-80/79.htm (дата обращения: 24.12.2020).
6. Кумыков Т.Х. Социально-экономические отношения и отмена крепостного права в Кабарде и

Балкарии. Нальчик : Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1959. 172 с.

7. Документы по истории Балкарии 40–90-х гг. XIX в. / сост. Е.О. Крикунова. Нальчик : Кабардино-Балкарское кн. изд-во, 1959. 262 с.

8. Кузьминов П.А. Открытие Терской сословно-поземельной комиссии во Владикавказе // История и культура народов Северного Кавказа. Пятигорск : ПГТУ, 2005. Вып. 4. С. 17–24.

9. Кумыков Т.Х. Дмитрий Кодзоков. Нальчик : Эльбрус, 1985. 178 с.

10. Кокиев Г.А. Крестьянская реформа в Северной Осетии. Орджоникидзе : Госиздат Северо-Осетинской АССР, 1940. 223 с.

11. Гаубов Н.Д. О поземельном устройстве горских племен Терской области // Аграрные отношения у народов Северного Кавказа в Российской политике XVIII – начала XX века. Нальчик : Эль-Фа, 2006. Т. II. 467 с.

References

1. *Peoples of the Central Caucasus in the 40s - early 60s of the 19th century. Collection of documentary materials*: in 2 vol. (2005). P.A. Kuzminov, B.K. Malbach (Comp.). Moscow, Pomatur Publ., vol. 2, 392 p. (in Russian).
2. Kuzminov P.A. (2005). The work of estate and land commissions and committees in the 40-70s of the 19th century in the Central Ciscaucasia. *Vestn. Dagestanskogo nauchnogo tsentra*, No. 22, pp. 69-76. (in Russian).
3. Berozov B.P. (1986). *A path equal to a century*. Ordzhonikidze, Ir Publ., 315 p. (in Russian).
4. Ibragimov M.M. (2008). *History of Chechnya from ancient times to the present day*. Grozny, Book Publishing House, vol. 1, 828 p. (in Russian).
5. *1861, July 3. A copy from the recall of the temporary commander of the Caucasian army, Adjutant General G.D. Orbeliani to the Military Minister D.A. Milyutin about urgent tasks for the land management of highlanders, as well as the principles of land distribution between them*. Available at: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Probl_kavk_vojny/61-80/79.htm (accessed December 24, 2020). (in Russian).
6. Kumykov T.Kh. (1959). *Socio-economic relations and the abolition of serfdom in Kabarda and Balkaria*. Nalchik, Kabardino-Balkarian Publishing House, 172 p. (in Russian).
7. *Documents on the history of Balkaria in 40-90s of 19th century*. (1959). E.O. Krikunova (Comp.). Nalchik,

Kabardino-Balkarian Publishing House, 262 p. (in Russian).

8. Kuzminov P.A. (2005). Opening of the Terek estate and land commission in Vladikavkaz. *History and culture of the peoples of the North Caucasus*. Pyatigorsk, PSTU Press, iss. 4, pp 17-24. (in Russian).

9. Kумыков Т.Кх. (1985). *Dmitry Kodzokov*. Nalchik, Elbrus Publ., 178 p. (in Russian).

10. Kokiev G.A. (1940). *Peasant reform in North Ossetia*. Ordzhonikidze, State Publishing House of the North Ossetian Autonomous Soviet Socialist Republic, 223 p. (in Russian).

11. Gaibov N.D. (2006). On the land structure of the mountain tribes of the Terek region. *Agrarian relations among the peoples of the North Caucasus in the Russian policy of the 18th - early 20th century*. Nalchik, El-Fa Publ., vol. II, 467 p. (in Russian).

Поступила в редакцию / Received

1 февраля 2021 г. / February 1, 2021

УДК 930

doi 10.18522/2687-0770-2021-1-48-53

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ НЕМЦЕВ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ: ВКЛАД ПАСТОРА А. МАЗИНГА В СОЗДАНИЕ И ОРГАНИЗАЦИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «ЕВАНГЕЛИЧЕСКОГО ДОМА ТРУДОЛЮБИЯ»

© 2021 г. И.В. Баранова ^а

^а Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

GERMAN CHARITY IN ST. PETERSBURG: THE CONTRIBUTION OF THE PASTOR A. MAZING TO THE ESTABLISHMENT AND ORGANIZATION OF “THE EVANGELICAL HOUSE OF DILIGENCE”

I.V. Baranova ^а

^а Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Баранова Ирина Владимировна –
аспирант, кафедра истории,
Санкт-Петербургский государственный
университет,
Университетская наб., 7/9, г. Санкт-Петербург,
199034, Россия.
E-mail: ir4enok.88@mail.ru

Irina V. Baranova -
Postgraduate,
Department of History,
Saint Petersburg State University,
Universitetskaya Emb., 7/9,
Saint Petersburg, 199034, Russia.
E-mail: ir4enok.88@mail.ru

Рассматривается роль «Евангелического дома трудолюбия» в религиозном пространстве Санкт-Петербурга. Традиция создания «Домов трудолюбия», берущая свое начало в XIX в., вновь стала возрождаться в городе на Неве в начале XXI в. В настоящее время «Дома трудолюбия» действуют как реабилитационные центры для детей и взрослых с ограниченными возможностями, которые могут выполнять посильную работу в различных мастерских таких домов. Безработным гражданам оказывается социальная помощь, содействие во временном и постоянном трудоустройстве на предприятиях.

Используются материалы из фондов Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга. Применяются хронологический и сравнительно-исторический методы исследования. С помощью хронологического метода определяется последовательность становления и развития «Евангелического дома трудолюбия». Сравнительно-исторический метод позволяет установить структуру данного учреждения, источники финансирования и механизмы его работы. Делается попытка оценить роль пастора А. Мазинга в организации «Евангелического дома трудолюбия». Раскрываются основные этапы деятельности данного учреждения.

Руководство «Евангелического дома трудолюбия», помимо предоставления временного трудоустройства нуждающимся евангелическо-лютеранского вероисповедания, осуществляло оказание благотворительной помощи нетрудоспособным лицам, создавая такие учреждения, как богадельня и приют для алкоголиков. В данном учреждении Трудовой помощи особое внимание уделялось заботе о нравственности подопечных, в соответствии с канонами евангелическо-лютеранской церкви, в связи с этим при приеме в «Дом трудолюбия» отдавалось предпочтение лицам евангелическо-лютеранского вероисповедания. «Евангелический дом трудолюбия» предоставлял трудящимся возможность проживания в самом учреждении, что было необходимо нуждающимся лицам особенно в зимние месяцы.

Ключевые слова: Санкт-Петербург, «Евангелический дом трудолюбия», трудовая помощь, благотворительность, немцы, социальная помощь, благотворительные учреждения.

The role of the “Evangelical house of diligence” in the religious space of St. Petersburg is considered. The tradition of creating “Houses of diligence” originated in St. Petersburg in the 19th century and began to revive again in the city on the Neva River at the beginning of the 21st century. At present time a few “Houses of diligence” operate as rehabilitation centers for children and adults with disabilities engaging them in various workshops and other labour activities. It is obvious that the possibility of providing unemployed citizens with social assistance through the provision of temporary work, as well as assistance in their further employment, does not lose its relevance. The goal of this paper is to assess the role of “The Evangelical house of diligence” in the religious space of Saint Petersburg.

During the writing of this paper we used materials from the Russian Central State Historical Archive of St. Petersburg. For the main research we used chronological and comparative historical methods of analysis. Using the chronological analysis, we explored the sequence of formation and development of "The Evangelical house of diligence". Using comparative historical analysis, we determined the structure of that institutions, sources of his financing and the underlying mechanism of his operation. The article makes an effort to evaluate the role of pastor A. Mazing in organisation of "The Evangelical house of diligence".

Management of "The Evangelical house of diligence" and in addition to organising of the temporary employment to those in need of the Evangelical Lutheran faith, was providing charitable assistance to the disabled individuals. It was also involved in creations of a hospice and a shelter for alcoholics. In that "institution of labour assistance" they paid a special attention to the concerns for morality of the wards in accordance with the canons of the Evangelical-Lutheran Church, therefore they prioritised the faithful of this Church during the admission. "The Evangelical house of diligence" was offering its workers in need an option to live on the premises, which was a welcome offer especially during winter-time.

Keywords: *St. Petersburg, "Evangelical house of diligence", labour assistance, charity, Germans, social assistance, charitable institutions.*

Деятельность «Евангелического дома трудолюбия» не достаточно полно отражена в историографии, несмотря на ее социальную значимость для истории благотворительности. В дореволюционной России вышло в свет небольшое число работ общего характера, посвященных теме домов трудолюбия в России, в которых содержатся лишь краткие сведения о «Евангелическом доме трудолюбия» [1]. С началом Первой мировой войны и вплоть до периода перестройки в историографии тема, связанная с немецкими благотворительными учреждениями в Санкт-Петербурге, практически вовсе не затрагивалась. В 90-е гг. XX в. вышел ряд статей, в которых имеются сведения о деятельности данного учреждения [2, 3]. При написании данной работы в качестве основных источников были рассмотрены отчеты о деятельности «Евангелического дома трудолюбия» за разные годы его существования.

«Евангелический дом трудолюбия» был основан в Санкт-Петербурге осенью 1886 г. В юбилейном отчете «Дома трудолюбия» за первые 25 лет его существования приводятся сведения о том, что учреждение было создано «по инициативе известного филантропа, члена церковного совета Мариинской лютеранской церкви на Петербургской стороне барона Оттона Буксгевдена и пастора той же церкви Альберта Мазинга» [4, с. 26]. Однако уже несколько лет спустя в отчете за 1914 г. отмечается, что инициатором создания и учредителем «Дома трудолюбия» являлся пастор А. Мазинг [5, л. 141 об.]. Расхождения в сведениях отчетов «Евангелического дома трудолюбия» за разные годы связаны со смертью в 1914 г. А. Мазинга, который при жизни со свойственной ему скромностью не допускал никакого упоминания о своих заслугах. Попы-

таемся оценить роль пастора А. Мазинга в создании и деятельности «Евангелического дома трудолюбия» и иных благотворительных учреждений при нем.

Альберт Мазинг по происхождению был остзейцем (прибалтийским немцем), приехавшим молодым пастором в 1863 г. в Санкт-Петербург. Во время своего служения при евангелическо-лютеранской церкви св. Марии (1867–1910) он не довольствовался получением общих сведений о положении своих просителей, а по возможности проверял их заявления и, ближе узнав их нужды, старался оказывать действенную помощь [5, л. 141 об.]. Опираясь на опыт приходской работы, пастор Мазинг пришел к выводу, что помощь должна оказываться только взамен труда, в соответствии с принципом «работа вместо милостыни».

Идею пастора поддержал барон О.О. Буксгевден, член прихода церкви св. Марии, известный деятель на поприще благотворительности. Вместе они сумели привлечь внимание прихожан церкви для сбора средств на создание Евангелического Дома Трудолюбия, который и был основан на средства лютеранского купечества [2, с. 211]. Первые 500 рублей были потрачены на открытие 24 сентября 1886 г. мастерских для лиц евангелическо-лютеранского вероисповедания. Мастерские располагались в съемной трехкомнатной квартире на Сытнинской улице. В них призреваемые мужчины занимались изготовлением пакли, распилкой пеньки, клейкой бумажных мешков и картона, а также столярным делом. За выполненные работы каждый получал по 40 коп. в день.

Постепенно заведение, функционировавшее только как мастерские, стало «Домом трудолюбия». В марте 1887 г. фиксированная

оплата труда была заменена сдельной. За недобросовестную работу выдавалась мизерная зарплата. Заработанные деньги многие из призреваемых тратили нецелесообразно, особенно распространено было пьянство. В связи со сложившейся ситуацией и в целях перевоспитания руководство учреждения стало ограничивать выдачу денег на руки.

Устав Санкт-Петербургского «Евангелического дома трудолюбия и Попечительного общества при нем» был утвержден Министерством внутренних дел Российской империи 20 августа 1890 г. С этого времени «Евангелический дом трудолюбия» стал самостоятельным юридическим лицом. Согласно § 3 Устава, «Средства общества составляются из а) членских взносов; б) единовременных пожертвований деньгами или вещами; в) доходов от чтений, публичных лекций, концертов, спектаклей, музыкальных вечеров, базаров, выставок и т.п., устраиваемых обществом с надлежащего каждый раз разрешения и с соблюдением постановленных на сей предмет действующими узаконениями и особыми правительственными распоряжениями правил; и г) сбора посредством кружек, выставленных в учреждениях общества, с надлежащего на то, в установленном порядке, разрешения» [6, с. 4].

В октябре того же года состоялось общее собрание членов названного общества, на котором было избрано первое официальное правление. В него помимо пастора А. Мазинга и барона О. Буксгевдена были выбраны еще 7 человек, в соответствии с уставом правление избиралось ежегодно общим собранием из числа членов общества. «В числе этих 9-и членов Правления имеет быть непременно членом пастор» [7, с. 6]. По замечанию М.Н. Дмитриева, «содержание дома трудолюбия обходилось обществу довольно дорого, в среднем около 11 000 рублей в год; на содержание же каждого «трудолюбца» обществу приходилось приплачивать ежегодно, за вычетом заработанных им денег, около 100 рублей» [1, с. 110].

В соответствии с §1 Устава «С.-Петербургский Евангелический дом Трудолюбия имеет своим назначением предоставление нуждающимся лицам евангелическо-лютеранского и реформаторского вероисповеданий работ с необходимыми для сего, в потребных случаях, материалами и инструментами, и сбыт их произведений» [7, с. 2]. В «Доме трудолюбия» призревались лю-

ди самых разных профессий, среди них были бывшие офицеры и чиновники, фармацевты и учителя, моряки, артисты, лакеи и представители других специальностей. Поступающим в «Дом трудолюбия» выдавались белье, обувь, специальная одежда для работы, а вещи, в которых пришел нуждающийся, подвергались дезинфекционной обработке. При прохождении испытательного срока желающим попасть в дом трудолюбия предоставлялось только питание и ночлег, деньги за работу не выплачивались. После прохождения испытательного срока претендент либо получал постоянное место работы при «Доме трудолюбия», или же по рекомендации смотрителя направлялся на службу в частный дом. Каждый поступающий в «Дом трудолюбия» давал расписку, что готов выполнять любую работу получая при этом только стол и квартиру. По замечанию А. Горовцева, «призреваемые никакой заработной платы не получают, а им только, как и в немецких колониях, назначается, в зависимости от успешности их работы, небольшое вознаграждение, которое откладывается в особый фонд, выдаваемый им при выходе из Дома» [8, с. 61]. При уходе из «Дома трудолюбия» рабочим возвращалась их прежняя одежда.

Продолжительность пребывания в учреждении среди приходящих в него мужчин была различной, большая часть поступающих покидала «Дом трудолюбия», не пробыв там и месяца. Однако многие мастера находились в заведении продолжительное время, некоторые из них жили там годами. Нередко бывали случаи, когда нуждающиеся возвращались в «Дом трудолюбия» неоднократно; например, один мужчина приходил в данное учреждение 39 раз [4, с. 31]. Число призреваемых постоянно варьировалось: в 1887–1888 гг. их было 94, а в 1901–1902 г. – уже 411. В среднем ежегодное число нуждающихся не было высоким и составляло примерно 200–300 чел. «Дом трудолюбия» был рассчитан на 100 чел. и максимально заполнялся в зимние месяцы, что свидетельствовало о том, насколько это учреждение было жизненно необходимо людям, оставшимся без крова и работы в холодное время года.

После наступления теплого времени число постояльцев постепенно уменьшалось и минимально могло доходить до 20–15 чел. Большинство из них относились к возрастной категории от 20 до 50 лет, самый большой

процент составляли лица 20–30 лет, лишившиеся заработка из-за вредных привычек и не должного отношения к работе.

Петербургский Евангелический дом трудолюбия оказывал поддержку нуждающимся как принадлежащим к евангелическо-лютеранским приходам Санкт-Петербурга, так и приезжающим из других населенных пунктов, главным образом из Лифляндии и Эстляндии, причем количество приезжих могло составлять до 70 % от общего числа призреваемых. Приобщенные к трудовой деятельности возвращались в лоно церкви, и часть из них становились ее прихожанами, таким образом церковь расширяла сферу своего влияния. Возвратившиеся к полноценной трудовой деятельности молодые люди, которых было большинство, создавая семьи, совершали приобщение к лютеранству членов своей семьи, тем самым обеспечивая церкви в дальнейшем увеличение числа прихожан.

В дополнение к «Дому трудолюбия» в марте 1891 г. в немецкой колонии в Ново-Саратовке было открыто отделение для нетрудоспособных и престарелых слабых лиц, вначале для 12 человек [3, с. 229]. В приюте престарелые лица евангелического, лютеранского и реформатского вероисповедания получали за плату от 6 до 8 р. в месяц полное призрение [9, с. 86]. В 1898 г. при «Евангелическом доме трудолюбия» по инициативе пастора Мазинга было создано убежище для алкоголиков. Заккрытие приюта произошло через пять лет после его основания и было вызвано недостаточным финансированием этого отделения.

Усиленная работа и правильный образ жизни в «Евангелическом доме трудолюбия» под постоянным надзором, а также еженедельные религиозные беседы, проводимые пастором Мазингом, приносили большую пользу призреваемым. Пастору приходилось встречаться с людьми, на которых отразилось это благотворное влияние «Дома трудолюбия», а заведующий Домом вел переписку с бывшими призреваемыми, утверждавшими, что учреждение помогло им вновь выбраться на правильный путь. Руководство «Дома трудолюбия» вело подробную отчетность, касающуюся количества трудящихся в нем. «В течение 25-летнего существования “Дома трудолюбия” (до 1 сент. 1911 года) через него прошли 6 951 человек, которыми было проведено в доме всего 510–524 дня» [10, с. 4]. Ру-

ководство учреждения интересовалось дальнейшей судьбой своих подопечных и после того, как они покидали Дом трудолюбия. По сведениям, приведенным в итоговом отчете за первые 25 лет существования «Евангелического дома трудолюбия», из общего числа трудившихся в нем за данный промежуток времени (6 951 человек): на места поступили 825 человек; исключено из «Дома трудолюбия» вследствие грубого нарушения порядка в «Доме», сопротивления, оказанного начальнику «Дома», воровства или других серьезных проступков – 336 чел.; покинули С.-Петербург – 594; переведено в больницы и другие заведения – 401; умерло – 46; арестовано – 38 [10, с. 8].

В соответствии с правилами, установленными общим собранием 11 марта 1912 г., лица, страдающие заразными болезнями, в Евангелический дом трудолюбия не принимались. В случае, если болезнь обнаруживалась после приема, принятый должен был покинуть «Дом трудолюбия».

За 1914 отчетный год из всего числа 278 призреваемых было: 246 русских подданных, 28 – германских, 2 – австро-венгерских, 1 швейцарский гражданин и 1 швейцарский подданный [5, л. 144].

В ходе пасторской деятельности А. Мазингом были созданы как благотворительные учреждения при самом Доме трудолюбия (к таковым относились богадельня и приют для алкоголиков), так и богадельня при приходской Ев. Лютеранской церкви св. Марии по адресу Ординаторская ул., 18.

В связи с событиями Первой мировой войны большинство благотворительных учреждений, созданных немцами в Санкт-Петербурге, прекратило свою деятельность. Значительная часть немцев, проживавших в городе, была вынуждена уехать за пределы Российской империи. «Евангелический дом трудолюбия» был одним из немногих учреждений, продолжавших работу в 1915–1916 гг., перестроившись под нужды военного времени. Правление «Попечительного общества при Евангелическом доме трудолюбия в Петрограде» устроило в некоторых обособленных помещениях «Дома трудолюбия» (Бол. Сампсониевский пр., 97) под флагом Красного Креста лазарет-патронат для 20 раненых и больных солдат, в который уже 15 декабря 1914 г. прибыли первые раненые [5, л. 139].

Число призреваемых сократилось. Из отчета с 1915 г. по 31 августа 1916 г. следует, что

«число призреваемых продолжало уменьшаться: 1 сентября 1915 г. в «Доме» оставалось 17 призреваемых, за год вновь поступило 23 чел., выбыло 36 и осталось к сентябрю 1916 г. только 4 чел.» Причиной такого сокращения являлись, с одной стороны, призывы, с другой – предоставление для надобностей войск большей части помещений «Дома трудолюбия». В сентябре 1915 г. весь второй этаж каменного здания и отчасти и третий этаж были отведены по требованию военных властей для размещения до 115 нижних чинов запасного батальона одного из гвардейских полков [11, с. 4–5]. Лазарет содержался в том числе и на пожертвования членов Попечительного общества. После событий революции 1917 г. практически все учреждения, созданные немцами в Санкт-Петербурге, были закрыты.

Основанный пастором евангелическо-лютеранской церкви св. Марии Альбертом Мазингом «Евангелический дом трудолюбия» отвечал истинным потребностям нуждающихся. Организация предоставляла безработным возможность трудиться, они приобретали определенные навыки и приучались к соблюдению дисциплины. Позиция руководства «Евангелического дома трудолюбия» основывалась на том, что лютеранин должен преодолевать собственные пороки, добросовестно выполняя работу. Учреждение, оказывающее трудовую помощь, воздействовало и на нравственность призреваемых, следуя постулатам Евангелическо-Лютеранской церкви. Велась борьба с пьянством и иными пагубными привычками. Таким образом решалась главная проблема церкви – привлечение верующих. Поэтому в Дом трудолюбия принимали лиц из разных евангелическо-лютеранских общин.

Создание «Евангелического дома трудолюбия» – пример того, как пастор общины оказывал не только духовную поддержку своим прихожанам, но и осуществлял практическую помощь, что препятствовало распространению нищенства и способствовало предупреждению преступлений, совершаемых с целью получения предметов первой необходимости.

Литература

1. Дмитриев М.Н. Дома трудолюбия. СПб. : Тип. Стасюлевича, 1900. 274 с.
2. Гринштейн О.М. О.О. Буксгевден и благотворительные учреждения Петербурга конца XIX –

начала XX в. // Немцы и развитие образования в России. СПб. : Изд-во РАН, 1998. С. 208–213.

3. Вернер А. В. Из истории Лютеранских приходов Санкт-Петербургской губернии // Немцы в России. Петербургские немцы / РАН. СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. 622 с.

4. Евангелический дом трудолюбия в Санкт-Петербурге (по юбилейному отчету) // Призрение и благотворительность в России. 1913. № 4. С. 26–39.

5. Центральный государственный исторический архив города Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 569. Оп. 13. Д. 1129.

6. Устав Евангелического дома трудолюбия и попечительного при нем общества в Петрограде. Петроград: Тип. А. Бенке, 1916. 12 с.

7. Устав Евангелического дома трудолюбия и попечительного при нем общества в Санкт-Петербурге. СПб.: Тип. Министерства путей сообщения, 1890. 20 с.

8. Горовцев А. Трудовая помощь как средство призрения бедных // Антология социальной работы : в 5 т. Т. 1 : История социальной помощи в России / Ин-т психосоциал. работы; сост. М. В. Фирсов. М. : Сварогъ: НВФ СПТ, 1994. С. 58–67.

9. Благотворительность в России / сост. по Высочайшему повелению Собственной Е. И. В. Канцелярии по учреждениям Императрицы Марии. СПб. : Типо-литография Н.Л. Ныркина, 1907. Т. 2, ч. 2.

10. Евангелический дом трудолюбия в Санкт-Петербурге (1886–1911) с отчетом за 1911 год. СПб. : Тип. А. Бенке, 1912. 28 с.

11. Евангелический дом трудолюбия в Петрограде и учрежденный при нем лазарет-патронат для раненых и больных воинов. Отчет за время 1915 – по 31 августа 1916. Петроград : Тип. А. Бенке, 1917. 32 с.

References

1. Dmitriev M. N. (1900). *The houses of diligence*. St. Petersburg, Printing house of Stasiulevich, 274 p. (in Russian).
2. Grinshtein O.M. (1998). O.O. Buxsgevdn and charitable institutions in St.Petersburg of the late 19h - early 20th century. *Germans and the development of education in Russia*. St. Petersburg, The Russian Academy of Sciences Press, pp. 208-213. (in Russian).
3. Verner A.V. (1999). From the history of the Lutheran parishes of the St. Petersburg province. *Germans in Russia. Germans of St. Petersburg*. Russian Academy of Sciences. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 622 p. (in Russian).
4. The Evangelical house of diligence in St. Petersburg (to jubilee report). (1913). *Prizrenie i blagotvoritel'nost' v Rossii*, No. 4, pp. 26-39. (in Russian).

5. *Central State Archives of the City of St. Petersburg (TsGIA SPb)*. Fund 569. In. 13, File 1129. (in Russian).

6. *Articles of The Evangelical house of diligence in Petrograd and the trustee society attached to it in Petrograd*. (1916). Petrograd, Printing house of A. Benke, 12 p. (in Russian).

7. *Articles of The Evangelical house of diligence in St. Petersburg and the trustee society attached to it in St. Petersburg*. (1890). St. Petersburg, Printing house of the Ministry of Railways, 20 p. (in Russian).

8. Gorovtsev A. (1994). Labor aid as a means of charity for the poor. *Anthology of social work. Vol. 1. History of social assistance in Russia*. M.B. Firsov (Comp.). Moscow, Svarog, NVF SPT Publ., pp. 58-67. (in Russian).

9. *Charity in Russia*. (1907). Compiled by Supreme command of His Imperial Majesty's own Chancellery for Empress Mary's Institutions. St. Petersburg, Typo-lithography of N.L. Nyrkin, vol. 2, part 2. (in Russian).

10. *The Evangelical house of diligence in St. Petersburg (1886-1911) with Articles for 1911 year*. (1912). St. Petersburg, Printing house of A. Benke, 28 p. (in Russian).

11. *The Evangelical house of diligence in St. Petersburg and institutions with its infirmary-patronage for wounded and sick soldiers. Articles for the time 1915 to August 31, 1916*. (1917). Petrograd, Printing house of A. Benke, 32 p. (in Russian).

Поступила в редакцию / Received

1 февраля 2021 г. / February 1, 2021

УДК 93.625.1:629.4
doi 10.18522/2687-0770-2021-1-54-58

НАЧАЛО ФОРМИРОВАНИЯ СЕТИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО СООБЩЕНИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

© 2021 г. А. В. Забелин^а

^а Ростовский государственный университет путей сообщения,
Ростов-на-Дону, Россия

THE BEGINNING OF THE FORMATION OF THE RAILWAY NETWORK IN THE NORTH CAUCASUS

A. V. Zabelin^а

^а Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russia

Забелин Алексей Владимирович –
студент,
факультет управления процессами перевозок,
Ростовский государственный университет
путей сообщения,
пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного
Ополчения, 2, г. Ростов-на-Дону, 344038, Россия.
E-mail: awzabelin@mail.ru

Alexey V. Zabelin -
Student, Faculty of Transportation
Process Management,
Rostov State
Transport University,
Rostovskogo Strelkovogo Polka Narodnogo
Opolcheniya Sq., 2, Rostov-on-Don, 344038, Russia.
E-mail: awzabelin@mail.ru

Рассмотрена проблема необходимости строительства железных дорог на Северном Кавказе как стратегически и экономически важного предприятия для поддержания и развития жизнеспособности региона. Приведены предпосылки и мнения о целесообразности железнодорожного сообщения.

Для достижения данной цели в регионе, было принято решение учредить новое акционерное Общество Ростово-Владикавказской железной дороги. Исследована динамика от планирования, выбора итогового направления из предложенных инженерами, проводившими изыскания на местности, до фактического открытия постоянного движения на первой (главной) линии Общества Ростов-на-Дону – Владикавказ – первой магистрали, связавшей в 1875 г. Кавказ с центральной частью государства, дана ее краткая характеристика, изучена география линии. Приведены некоторые этапы дальнейшего развития, подведены итоги и мнения, полученные при эксплуатации дороги. Рассмотрен вопрос расположения и развития ростовского железнодорожного узла.

Уже в первые годы эксплуатации был очевиден огромный потенциал железнодорожного транспорта на Северном Кавказе, не только стратегически, но и как экономически важного предприятия, открывавшего новые возможности для развития региона, что в свою очередь делало дорогу главным промышленным гигантом.

Ключевые слова: Северный Кавказ, железнодорожный транспорт, Общество Ростово-Владикавказской железной дороги, Владикавказская железная дорога, Ростов-на-Дону, Терская область, Кубанская область, Дон.

The problem of the need for construction of railways in the North Caucasus as a strategically and economically important enterprise for maintaining and developing the viability of the region is considered. Preconditions and opinions on the appropriateness of railway connection are given.

To achieve this goal in the region, it was decided to establish a new joint-stock company of the Rostov-Vladikavkaz railway. The dynamics is investigated from planning, choosing the final direction from those proposed by the engineers who carried out surveys on the ground, to the actual opening of permanent traffic on the first (main) line of the Rostov-on-Don - Vladikavkaz Society - the first highway that connected the Caucasus with the central part of the state in 1875 ... A brief description of this path is given. The geography of the line was investigated. Some stages of further development are given, the results and opinions obtained during the operation of the road are summed up. The issue of location and development of the Rostov railway junction is considered.

Already in the first years of operation, the enormous potential of railway transport in the North Caucasus was obvious, not only strategically, but also as an economically important enterprise that opened up new opportunities for the development of the region, which in turn made the railway the main industrial giant.

Keywords: North Caucasus, railway transport, Society of Rostov-Vladikavkaz railway, Vladikavkaz railway, Rostov-on-Don, Tersk region, Kuban region, Don.

После официального окончания в 1864 г. Кавказской войны требовались быстрая интеграция в государственный строй присоединённых территорий и укрепление в них российской власти. Необходимо было установить прочную связь между новыми казачьими поселениями. На южном рубеже назревала очередная война с Турцией. Ключевым инструментом укрепления стратегического и политического положений России должно было стать устройство нового эффективного транспортного коридора. Нужно помнить, что Кавказ имел земли высокой плодородности, выходы к портам Чёрного и Каспийского морей, лечебно-курортным зонам минеральных источников, что открывало высокий торговый и экономический потенциал дороги.

Вопрос о продолжении железной дороги на Северный Кавказ был поднят ещё во время строительства линий в сторону Ростова-на-Дону. К этому времени в Закавказье уже была сооружена Поти-Тифлисская железная дорога, которой требовалось соединение с общей сетью железных дорог России. Несмотря на очевидные выгоды, желающих построить дорогу в данном регионе долгое время не находилось.

Осенью 1868 г. в Тифлис приехал представитель берлинских и франкфуртских банков Гольцгаугер с ходатайством к царскому наместнику на Кавказе для получения разрешения на строительство железной дороги Ростов – Екатеринодар – Анапа. Гольцгаугеру было предложено взять на себя строительство одной из двух линий: Царицын – Ставрополь – Сухум или Ростов – Владикавказ. Не зная Кавказа, он счёл линию Ростов – Владикавказ исключительно стратегической, не способной дать большую выгоду, и отказался от предложения [1, с. 19–20].

Однако правительство региона не оставило идею о сооружении магистрали. 7 января 1869 г. наместник князь М. Н. Романов (четвёртый сын Николая I) представил императору Александру II записку о необходимости соединить Кавказ с центром империи железной дорогой между Ростовом-на-Дону и Владикавказом, с ветвью к одному из пунктов берега Чёрного моря. Комитет министров на заседаниях 11 и 25 февраля 1869 г. единогласно одобрил такое предложение, отметив его пользу и важность для государства.

Но из-за ещё не проведенных изыскательских работ и неоконченного выбора исходной точки ветви дороги на восточном берегу

Чёрного моря комитет не внёс дорогу в число необходимых, так как данный список значился в ранее утвержденном 27 декабря 1868 г. и опубликованном журнале комитета.

Между тем изъявившему желание на постройку дороги С. С. Полякову было дано разрешение провести за свой счёт изыскания по направлению будущей линии [2, с. 5]. После этого М. Н. Романов собирает комиссию в Тифлисе с целью выбора пункта, который должен служить портом и начальной точкой дороги. 21 августа 1869 г. наместник снова ходатайствует перед императором о соединении Северного Кавказа с центром государства. 29 августа следует решение – включить дорогу в число нужнейших линий и принять скорые меры к её сооружению. 18 декабря был созван особый совет, состоявший из цесаревича Александра, князей Константина и Михаила Романовых, министров финансов, военного и путей сообщения. На основании положительного решения совета 2 января 1870 г. следует указ Александра II включить Владикавказскую железную дорогу в сеть главных дорог и обеспечить её приоритет перед другими проектируемыми в стране дорогами, при этом планировалось строить стратегические магистрали по 500 верст, так чтобы приступить к строительству Владикавказской линии не позже 1872 г.

1 марта 1870 г. было утверждено мнение комитета железных дорог строить линию от Ростова-на-Дону до Владикавказа, направив на ст. Тифлисскую и Пятигорск, с уклонением на запад от прямой линии, проходящей через Ставрополь, для сокращения протяжения предстоящей к устройству со временем ветви от дороги к одному из портов Чёрного моря. При этом планировалось соединение линии между Пятигорском и Владикавказом с будущей ветвью к Петровскому порту на Каспийском море. Вследствие неудовлетворительных результатов проведенных изысканий в июне 1870 г. от Министерства путей сообщения для новых изыскательских работ был командирован инженер Крамер. На основе его изысканий и появившихся предложений о наиболее выгодном расположении дороги 12 августа 1871 г. министром путей сообщения по согласованию с министром финансов было внесено предложение по проекту некоторых исправлений кавказской линии с дальнейшим внесением на рассмотрение в комитет железных дорог. С этой целью осенью 1871 г. был командирован инженер путей сообщ-

щения Вержинский для проведения изысканий по вариантам устройства дороги.

17 декабря того же года утверждены проекты концессий (договор, заключаемый государством с частным предпринимателем на эксплуатацию промышленных предприятий, земельных и других угодий), устава и технических условий без учёта финансовых условий, так как не было определено окончательное направление линии.

24 февраля 1872 г. на обсуждение комитета железных дорог министром путей сообщения А. П. Бобринским были представлены 4 направления Ростово-Владикавказской линии, исследованные правительственными инженерами. По мнению самого министра, вследствие меньшего протяжения крутых уклонов и большей выгоды в торговом и политическом отношениях (считалось, что необходимо поддержать с каждым годом увеличивающуюся численность населения на богатой природной чернозёмной местности Кубани, задержанную неблагоприятными условиями Кавказской войны) предпочтение следовало отдать второму варианту, избранному инженером Крамером: от Ростова-на-Дону на ст. Новоулешковскую, далее на бывший Романовский пост, затем по долине р. Кубань до ст. Невинномысской, по долинам р. Барсука и Кусавка, оставляя Пятигорск в стороне на расстоянии 23 вёрст, по долинам р. Кумы, Малки и Терека до Владикавказа. География данной линии также поддерживалась царским наместником, министрами военным и финансов. Другие три направления (первое – через ст. Тифлискую, Баталпашинскую и г. Пятигорск, третье – по главному Кавказскому тракту до почтовой ст. Песчанокопской и на г. Ставрополь и четвёртое – как и третье, только за исключением г. Ставрополя, после ст. Новотроицкой на ст. Каменнородскую и Темнолесскую) были отклонены.

Согласно журналу комитета железных дорог, Александр II утвердил данное направление 7 марта 1872 г. По итогам заседаний 9 и 16 мая и 28 июня было определено выдать концессию на Ростово-Владикавказскую железную дорогу коллежскому советнику барону Р. В. Штейнгейлю. Положение комитета было утверждено 2 июля 1872 г., в этот же день принят устав Общества Ростово-Владикавказской железной дороги.

По утверждённым техническим условиям, Ростово-Владикавказская железная дорога составляла 651 версту и делилась на три участка:

– первый – от г. Ростова-на-Дону до р. Кубань (229 верст);

– второй – от р. Кубань до станицы Прохладной (332 версты);

– третий – от станицы Прохладной до г. Владикавказа (100 верст) [3, с. 98–99].

На строительство всей линии отводилось три года. По окончании сооружения необходимо было полное освидетельствование министром путей сообщения для получения разрешения на открытие правильного движения. Обществу разрешалось открытие движения по мере готовности вышеуказанных участков. При этом после открытия движения по всей дороге или на одной из частей Общество обязывалось содержать инфраструктуру, соответствующую требованиям безопасности и непрерывности процесса перевозки пассажиров и грузов. В соответствии с уставом Общество владело железной дорогой на протяжении 81 года со дня открытия правильного движения [4, с. 8].

Спустя 3 года, как и было запланировано, 2 июля 1875 г. состоялось официальное открытие правильного движения на линии Ростов – Владикавказ [1, с. 20]. Протяженность дороги составила 651,185 вёрсты. Количество станций – 37 (1 – I класса, 6 – II, 7 – III и 13 – IV) [5, с. 59–60], притом что, согласно техническим условиям, предполагалось строительство не менее 42 станций [3, с. 101].

Дорога прошла по территориям Екатеринославской губернии (Ростовский уезд, куда входил г. Ростов и с. Батайское, которые были переведены из Екатеринославской губернии в Область войска Донского в 1887 г.), Кубанской и Терской областей, части Ставропольской губернии, дав начало большому числу сёл и городов, среди которых х. Романовский (г. Кропоткин) и Тихорецкий, посёлок Султановский (г. Минеральные Воды) и прочие, на практически ненаселённой территории. Населённые пункты были представлены в основном станицами переселённых черноморских, днепровских казаков, причисленных к Кавказскому линейному казачьему войску (Кубанскому казачьему войску) и сёлами крестьян-переселенцев из Малороссии и южных губерний империи. Среди местного населения существовали и недовольства строительством дороги. Так, по некоторым источникам, станция Богословская должна была располагаться в одноимённом селе, но ее перенесли в с. Ольгинское, населённое немецкими колонистами. Многие населённые пункты, начало которым дала

железная дорога, считают дату ее основания по-разному: указывают год начала строительства дороги 1872 г., год открытия временного движения – 1874 г. или год запуска правильного движения – 1875 г.

В связи с переустройством основной линии Минеральные Воды – Прохладная в 1912–1913 гг. некоторые станции были перенесены. К станции Незлобной сооружена особая ветвь от станции Георгиевск (10,2 версты). Согласно отчету Общества за 1915 г., с учетом ветви на станцию Незлобную, на линии находились 40 станций, 29 разъездов и 2 поста.

С момента открытия Ростово-Владикавказской железной дороги начался существенный рост экономики Северного Кавказа. Современник, агроном П. Н. Котов утверждал, что до постройки магистрали развитие сельского хозяйства Кубанской области шло чрезвычайно медленно. Главной причиной этого он считал недостаток рабочих рук на месте. Бывали случаи, когда посевы гибли неубранными [6, с. 191–192; 7, с. 108]. Современники отмечали, что в первый год работы дороги при путешествии на поезде можно было наблюдать в основном «луговые степи», изредка попадались участки, засеянные кукурузой. В 1879 г. картина резко поменялась, на протяжении почти всего пути виднелись посевы пшеницы и льна.

Существовали также и отрицательные мнения по поводу устройства уже открывшейся для движения дороги. Историк железнодорожного дела А. А. Головачёв, стоявший у истоков железнодорожного строительства в империи, писал, что в административных кругах строительство данной дороги считалось дорогостоящим и более важным в стратегическом плане, в связи с чем линия была построена однопутной, имела небольшое количество подвижного состава и могла отправлять не более 4 товарных поездов в сутки. С Северного Кавказа по дороге стали поступать десятки миллионов пудов грузов и уже через два года она стала получать жалобы о неудовлетворении потребностям движения [8, с. 365–366].

Станция Ростов Общества Ростово-Владикавказской железной дороги была сооружена в узкой долине р. Темерник на расстоянии одной версты до пересечения р. Дон железнодорожным мостом. К ней примкнули линии Курско-Харьковско-Азовской и Козлово-Воронежско-Ростовской железных дорог. К северной части станции Обществом Козлово-

Воронежско-Ростовской железной дороги был построен обходной путь со станцией Нахичевань (предположительно, в настоящее время станция Ростов-Товарный) до станции Кизитеринка, который стал именоваться пассажирским. Старый путь, проходивший по правому берегу Дона через станцию Ростов-Пристань, стал именоваться товарным. Таким образом, станция Ростов была «зажата» с севера и юго-запада, что лишало её возможности развития. В будущем при повышении грузооборота ставшая низкой перерабатывающая способность приводила к временным остановкам всего товарного движения. Данное положение решили в 1903 г., перенеся часть грузовых операций на находящуюся в 10 верстах станцию Батайск [9, с. 42].

Дальнейшему быстрому развитию сети Общества помешала Русско-турецкая война (1877–1878 гг.), из-за которой открытие следующего участка состоялось через 12 лет.

Главная линия Общества Ростово-Владикавказской железной дороги, открытая во второй половине XIX в. и связавшая Ростов-на-Дону со столицей Терской области г. Владикавказом, стала эталоном промышленного предприятия. Задуманная исключительно в стратегических целях, магистраль обратила на себя внимание местного населения, чем способствовала поднятию политического, экономического и промышленного потенциала региона.

Литература

1. *Москвич Г. Г.* Владикавказская железная дорога : краткий иллюстрированный практический путеводитель на 1915 год. Петроград, 1915. 128 с.
2. *Забелин А. В.* Владикавказская железная дорога – след в истории. Ставрополь : Сервисшкола, 2016. 132 с.
3. Сборник сведений о железных дорогах в России 1870–1872. Отдел II и III. СПб. : Типография министерства путей сообщения (А. Бенке), 1872. 270 с.
4. Устав Общества Ростово-Владикавказской железной дороги. СПб. : Типография А. А. Краевского, 1872. 61 с.
5. Кавказский календарь на 1876 г., изданный Главным Управлением Наместника Кавказского. Тифлис, 1875. 566 с.
6. *Шацкий П. А.* Некоторые вопросы социально-экономического развития Юго-Восточной России. Ставрополь, 1970. 410 с.
7. Наш край : документы, материалы. Ставрополь : Кн. изд-во, 1977. 405 с.

8. Головачёв А. А. История железнодорожного дела в России. СПб. : Типография Р. Голике, 1881. 404 с.

9. Спутник пассажира по Владикавказской железной дороге и прилегающей к ней части Северного Кавказа. Ростов – Владикавказ. Пг. : Электро-тип. Н.Я. Стойковой, 1915.

References

1. Moskvich G.G. (1915). *Vladikavkaz Railway: Short illustrated practical guide for 1915 with an attachment*. Petrograd, 128 p. (in Russian).

2. Zabelin A. V. (2016). *Vladikavkaz railway - Trace in history*. Stavropol, Servisshkola Publ., 132 p. (in Russian).

3. *Collection of information about railways in Russia 1870-1872. Section II and III*. (1872). Saint Petersburg, Printing House of the Ministry of Railways, 270 p. (in Russian).

4. *Regulations of Association of the Rostov-Vladikavkaz Railway Company*. (1872). Saint Petersburg, Kraevsky's Printing House, 61 p. (in Russian).

5. *Caucasian calendar for 1876 published by the Main Office of the Caucasian Viceroy*. (1875). Tiflis, 566 p. (in Russian).

6. Shatskii P. A. (1970). *Some questions of socio-economic development of South-Eastern Russia*. Stavropol, 410 p. (in Russian).

7. *Our region: documents, materials*. (1977). Stavropol, Publishing House, 405 p. (in Russian).

8. Golovachev A. A. (1881). *History of the railway business in Russia*. Saint Petersburg, Golike Printing House, 404 p. (in Russian).

9. *Guide book of a passenger on the Vladikavkaz railway and the adjacent part of the North Caucasus. Rostov - Vladikavkaz*. (1915). Petrograd, Stoikova Printing House. (in Russian).

Поступила в редакцию / Received

1 декабря 2020 г. / December 1, 2020

УДК 93:810.35.2
doi 10.18522/2687-0770-2021-1-59-64

АДЫГСКО-РОССИЙСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ОТРАЖЕНИИ РАБОТ АДЫГСКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ

© 2021 г. М.Х. Загазежева ^а

^а Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия

THE ADYGHE-RUSSIAN HISTORICAL INTERACTION IN THE REFLECTION OF THE WORKS OF THE ADYGHEN ENLIGHTENERS

М.Х. Zagazheva ^а

^а Kabardino-Balkarian Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia

Загазежева Марианна Хасановна –
аспирант,
Кабардино-Балкарский научный центр
Российской академии наук,
ул. Балкарова, 2, г. Нальчик, Кабардино-Балкарская
Республика, 360002, Россия.
E-mail: marianna.ahmetova.94@mail.ru

Marianna H. Zagazheva -
Postgraduate,
Kabardino-Balkarian Scientific Center,
Russian Academy of Sciences,
Balkarova Str., 2, Nalchik, Kabardino-Balkar
Republic, 360002, Russia.
E-mail: marianna.ahmetova.94@mail.ru

Рассматриваются особенности адыгско-русских отношений в творчестве адыгских просветителей. Их жизнь, деятельность и общественно-политические взгляды свидетельствуют о сложности и неоднозначности взаимоотношений между адыгами и Россией на всех исторических этапах, сопровождавшихся как военными столкновениями, так и периодами боевого содружества, процессами сближения и взаимного культурного обогащения.

Сформулирована и обоснована мысль, что решающую роль в выработке взглядов адыгских просветителей сыграл исторический контекст. Выявлена главная черта мировоззрения представителей адыгской интеллигенции – двойственность, что обусловлено одновременной принадлежностью к двум культурам: адыгской и русской.

Адыгские просветители выступали за интеграцию народа в состав Российской империи, но открыто критиковали военно-силовые методы покорения адыгов, которые практиковала российская власть. Ими был предложен целый ряд мер по мирной интеграции черкесов в территориальное, политико-правовое и культурное пространство России с сохранением национальной идентичности.

Ключевые слова: адыги, Россия, взаимодействие, интеграция, просветители, «культурный перекресток».

The article examines the features of the Adyghe-Russian relations in the works of the Adyghe educators. Their lives, activities, and socio-political views indicate the complexity and ambiguity of the Adyghe-Russian relations at all stages of their historical interaction. The history of relations between the Adyghes and Russia is full of both military clashes and periods of military cooperation, processes of rapprochement and mutual cultural enrichment.

The author formulated and substantiated the idea that the historical context played the main role in the development of the views of the Adyghe enlighteners. The main feature of the worldview of the representatives of the Adyghe intelligentsia - duality is revealed. This was due to the simultaneous belonging of the Adyghe enlighteners to two cultures: Adyghe and Russian.

Adyghe enlighteners advocated the integration of the people into the Russian Empire, but openly criticized the military-power methods of conquering the Adyghes. They proposed a number of measures for the peaceful integration of Circassians into the territorial, political, legal and cultural space of Russia, while preserving their national identity.

Keywords: Circassians, Russia, interaction, integration, enlighteners, “cultural crossroads”.

Актуальность темы объясняется необходимостью специального исследования вопроса взаимоотношений адыгских обществ и России в отражении трудов адыгских просветителей. Их

художественные и историко-этнографические работы являются одним из важнейших и репрезентативных источников по истории присоединения местных обществ северокавказского ре-

гиона к Российскому государству. Только комплексное изучение научного наследия адыгской интеллектуальной элиты позволяет сформировать целостное представление об их общественно-политических, социально-правовых, экономических взглядах.

Нами исследованы и конкретные политические позиции, взгляды и идеи адыгских деятелей прошлого. Их анализ и учет необходимы при выработке наиболее оптимального курса государства в области национальной политики в северокавказском регионе.

Неоднозначность протекания процессов модернизации, противоречия способов и методов приспособления традиционного общества к условиям и особенностям российской государственности были отмечены и адекватно осмыслены северокавказскими просветителями [1, с. 16]. Их труды являются одним из ключевых источников, отражающих процессы территориального вхождения горских народов в Россию, состояние социума и традиционной экономики черкесов (адыгов) и начало их трансформации в результате исторического взаимодействия с империей. Многие аспекты частично отразились в отечественной историографии. В частности, проблемам адыгского просветительства посвящены труды Т. Х. Кумыкова [2], А. Х. Хакуашева [3], Р. Х. Хашхожевой [4], С.А. Айларовой [5], М. Б. Нагоева [6], Р. У. Туганова [7]. Несмотря на широкий научный интерес к вопросам возникновения, развития и особенностей адыгской общественной мысли, все же на данный момент нет специальных работ, посвященных конкретно отражению проблемы адыгско-российских отношений в творчестве просветителей.

Цель данной статьи – изучить специфику исторического взаимодействия адыгов и России в отражении исторических, этнографических работ и художественных произведений адыгских просветителей. Для этого необходимо охарактеризовать исторический контекст их жизни и деятельности, выявить типологические черты биографий представителей адыгской интеллигенции, на основе комплексного анализа работ изучить взгляды на проблему адыгско-российского исторического взаимодействия.

Особенности исторической эпохи оказали решающее воздействие на формирование мировоззрения адыгских просветителей. Их творчество пришлось на тот сложный исторический период, когда протекал длительный и болезнен-

ный процесс инкорпорации местных обществ Северного Кавказа в политико-правовое, социокультурное и экономическое пространство Российского государства. В разные моменты он принимал разные формы. Сложность изучения адыгско-российского взаимодействия определяется его спецификой: история их взаимоотношений полна как военными столкновениями, так и периодами боевого содружества, процессами сближения и взаимного культурного обогащения. П.А. Кузьминов по этому поводу писал, что очень важно «не растворять трактовки войны в трактовках периодов и форм взаимного тяготения (сближения, культурного обмена, со-развития)» [8, с. 65].

Ярким примером, иллюстрирующим процессы сближения адыгов и России, является жизнь, общественная и творческая деятельность адыгских просветителей. Они принадлежали к совершенно разным культурным традициям: адыгской и русской, что подтверждается результатами комплексного анализа их биографий, в которых можно выявить типологические черты. Во-первых, практически все они обучались в учебных заведениях России; во-вторых, поддерживали связи с представителями русской общественной и литературной мысли; в-третьих, находились на имперской военной и гражданской службе; в-четвертых, во внешнеполитическом вопросе придерживались пророссийской ориентации; в-пятых, создавали свои исторические труды и художественные произведения на русском языке. Шора Ногмов служил в Отдельном Кавказском корпусе, который находился в Тифлисе, позже занимал пост секретаря Кабардинского временного суда; султан Хан-Гирей служил командующим Кавказско-горского полуженщины, султан Адиль-Гирей занимал должность командующего Кавказского конногорского дивизиона, а позже стал командиром Кубанского казачьего дивизиона; султан Казы-Гирей в чине штаб-ротмистра служил в Кавказско-горском полуженщины. Параллельно служебной деятельности все они прилагали огромные усилия для просвещения своего народа, развития его экономики, культуры, демократизации социальных отношений. Просветители содействовали имперской власти в трудном процессе инкорпорации горцев Северного Кавказа в состав России, но активно выступали против насильственных методов присоединения.

Как пишет С.А. Айларова, северокавказская интеллигенция, в том числе адыгская, зароди-

лась и развивалась в точке пересечения местного и российского обществ, на стыке элементов традиционного уклада жизни и русской этнической культуры [5, с. 31].

Огромную роль в выработке стереотипов мышления и сознания представителей адыгской просветительской мысли играли либеральное и либерально-демократическое направления русской общественной мысли, культуры и литературы. Большое значение в поддержании и укреплении русско-адыгских связей имела деятельность многих известных представителей русской интеллектуальной элиты, таких как, например, А. Грибоедов, В. Белинский, А. Пушкин, М. Лермонтов, А. Якубович, А. Бестужев-Марлинский и др. Они открыто критиковали военно-силовые методы покорения Кавказа и оказывали поддержку горцам в их борьбе за свою свободу.

Факт нахождения адыгских просветителей на «перекрестке культур» нашел отражение почти во всех их рассказах, повестях, путевых заметках, а также непосредственно в их историко-этнографических работах. Ярким примером, иллюстрирующим то неоднозначное и противоречивое положение, в котором находились адыгские деятели культуры первой половины XIX в., является рассказ султана Казы-Гирея: «...думал ли я, десять лет тому назад, видеть на этом месте русское укрепление и иметь ночлег у людей, которым я грозил враждою, бывши еще дитятею. Все воинские приемы, к которым я приноравливался во время скачек на этом поле, всегда были примером нападения на русских, а теперь я сам стою на нем русским офицером» [9, с. 204]. Адыгские просветители участвовали в Кавказской войне на стороне империи, что очень болезненно воспринималось ими.

В данном рассказе выражается уверенность в необходимости духовного обогащения своего народа через ознакомление, восприятие русской культуры. Герой искренне признается в том, что он как образованный человек готов помочь своему народу выйти из тупика и представить планы преобразования его жизни.

В той или иной степени вопросы адыгско-русского исторического взаимодействия, процесса интеграции адыгов в состав Российской империи, проблемы социокультурного синтеза рассматривал каждый из представителей адыгской интеллигенции. В своих трудах они акцентируют внимание на причины, особенности установления и развития адыгско-

русских отношений. Основной концепцией стала идея мирного единения адыгов и России. Они понимали сложность геополитического положения разрозненных адыгских обществ, в котором оказались из-за углубления противоречий между государствами, претендовавшими на Кавказ. Просветители были уверены, что только под покровительством России адыги смогут защитить себя. Так, Измаил Атажукин говорил: «Положение нашего края подле сильного государства должно обратить наше внимание, дабы сохранить себя и пользоваться нашим имуществом в спокойствии... Благоразумие наших предков, которых память нам любезна... советовало нам жить под защитой сего великого государства» [цит. по: 10, с. 140].

Таких же позиций придерживались и остальные просветители. Как отмечает С.Н. Жемухов, их исторические произведения имели идеологическую подоплеку и преследовали главную цель – обосновать историческую необходимость установления и сохранения дружественных отношений между адыгскими обществами и Российской империей [11, с. 68].

Представители адыгской интеллигенции подчеркивали важность политической ориентации адыгов в XVI в. именно на Российское государство, что было вызвано, по их мнению, агрессией со стороны Крымского ханства и Османской империи. Однако и Россия со своей стороны проявляла заинтересованность в союзе с адыгами. Просветители видели перспективу развития и будущее своего народа исключительно в составе Российского государства. По их мнению, именно военное сотрудничество было одним из определяющих факторов в процессе становления союзнических отношений между адыгами и Россией [12, с. 133]. Казы-Гирей отмечал: «Россия стала вторым моим Отечеством, не менее родным, и ее пользы не менее драгоценными, тем более, что из пользы России только может истечь благо моего родного края» [13].

Один из самых ярких представителей адыгской интеллигенции XIX в. султан Хан-Гирей видел взаимоотношения адыгов и Российского государства через призму просветительской миссии последнего. Он писал, что «черкесы на собственном языке не имеют книг, ибо лишены лучшего приобретения человеческого разума – письмен» [14, с. 105], и поэтому считал, что им (черкесам) необходимо приобщиться к русской культуре.

Султан Хан-Гирей полагал, что присоединение адыгов к России нужно осуществлять не военными методами, а путем планомерного и детального изучения и учета специфики социальных отношений, системы хозяйствования, особенностей мышления и мировоззрения адыгов. Он проявлял особую активность в поисках ненасильственных способов и вариантов покорения северокавказских народов, в том числе адыгов; считал реальной возможностью выработки конкретных проектов мирного присоединения адыгских обществ к России, ее политического утверждения в данном регионе. Для выражения своей позиции он использовал следующие словосочетания: «приведение черкесского народа в гражданское состояние кроткими мерами с возможным избежанием кровопролития», «водворение в Черкесии тишины и благоустроенного порядка» [6, с. 272].

Другим ярким представителем адыгской интеллигенции XIX в., участвовавшим в Кавказской войне, был султан Адиль-Гирей. В вопросах внешней политики он придерживался про-российской ориентации и считал необходимым вхождение адыгов в состав империи. Однако его также волновали способы покорения горцев; он открыто высказывался против применения кавказскими чиновниками силовых методов присоединения местных обществ. Адиль-Гирей писал, что они использовали слишком жесткие, «крутые меры», которые «восстанавливали против русских» народы Кавказа [15, с. 491].

Желание обосновать и упрочить политические, экономические, культурные отношения адыгов с Россией, содействовать процессу просвещения своего народа – главные мотивы деятельности Ш. Ногмова. Через его работу «История адыгейского народа» красной нитью проходит идея давних и крепких дружественных связей черкесского и русского народов. Писатель видел в России как в централизованном государстве мощную политическую силу, способную дать адыгам прекрасное будущее. Особое внимание обращал на факт установления в XVI в. между адыгами и русскими военно-политического союза. Он подчеркивал, что «более всего народ был обрадован союзом и покровительством России» [16, с. 144].

В. Н. Кудашев также полагал, что, только опираясь на помощь и поддержку России, адыги смогут сохранить свою самостоятельность и этническую идентичность от притязаний османских султанов, крымских ханов и других [17, с. 46].

Адыгские общественные деятели поддерживали российскую власть в вопросах присоединения народов Кавказа к своей территории, но они считали возможными плодотворные поиски мирных способов (через развитие торговых отношений, через взаимовыгодный культурный обмен) покорения местных обществ [18, с. 66].

После завершения Кавказской войны актуальной задачей деятельности адыгских просветителей становится содействие российской власти в процессе устойчивой инкорпорации адыгов в политический, экономический и социокультурный организм империи. Этот процесс был длительным, сложным и противоречивым. В ходе проведения либеральных реформ горцам Северного Кавказа, в том числе и адыгам, пришлось полностью перестраивать привычный образ жизни, свой быт; подверглись серьезным трансформациям вырабатывавшиеся веками социальные отношения, система хозяйствования и жизнеобеспечения.

В деятельности и творчестве адыгских просветителей второй половины XIX в. (Адиль-Гирей Кешева, Кази Атажукина, Дмитрия Кодзокова) на первый план выходят вопросы взаимодействия проводимых властью реформ и этнических культур народов Северного Кавказа. Адыгская интеллигенция считала возможным проведение модернизирующих либеральных реформ с сохранением этнокультурной специфики местных обществ.

Итак, мы видим, что мировоззрение, общественно-политические взгляды адыгских общественных деятелей вырабатывались в определенных политических и социокультурных условиях. В начале XIX в. сложились конкретные идейные и социополитические предпосылки для зарождения и дальнейшего развития местной национальной прогрессивной общественной мысли. Творческие и личные контакты с представителями либерального и демократического направления науки, литературы и культуры России серьезно повлияли на мировоззренческие идеалы адыгских общественных деятелей, способствовали росту национального самосознания адыгов, их тяге к науке и образованию. Это было обусловлено, во-первых, тем, что передовые ученые и мыслители России часто обращались к Кавказу как к предмету своего исследования; во-вторых, большая часть общественных деятелей адыгов воспитывалась в русской среде и проходила службу в русской армии.

В биографиях адыгских просветителей можно выявить типологические черты: большинство

из них воспитывались в русскоязычной культуре, обучались в высших и средних учебных заведениях Санкт-Петербурга, Москвы, Ставрополя, проходили службу в русской армии, принимали непосредственное участие в Кавказской войне. Тем не менее они сами себя идентифицировали как адыги.

Свою научную и творческую деятельность адыгские просветители подчинили необходимости решения актуальных задач своего времени. Проблема адыгско-российских отношений – одна из главных в творчестве представителей адыгской интеллигенции. Бикультуризм (принадлежность к двум культурам: адыгской и русской; нахождение адыгской интеллигенции на «стыке культур»), который был характерен для адыгских просветителей, предопределил двойственность их взглядов, убеждений, мировоззрения. В своих литературных произведениях, исторических и этнографических трудах они стремились познакомить Россию с образом жизни, нравами, бытом своего народа, а также пытались направить сознание адыгов на упрочение отношений с Россией, на выработку новых прогрессивных идей и нравственных идеалов. Представители адыгской интеллигенции выступали за включение своего народа в состав Российской империи, но одновременно критиковали военно-силовые методы покорения местных обществ, которые практиковала российская власть. В целом, придерживаясь про-российской ориентации, они немало усилий прилагали для просвещения своего народа, создания адыгской азбуки, усовершенствования методов хозяйствования, улучшения и стабилизации социальных отношений, сохранения накопленной духовной культуры, выработки проектов мирного вовлечения адыгов в российский общественно-политический и социокультурный строй.

Научная новизна нашего исследования выражается в специальном изучении особенностей адыгско-российских отношений в научном и творческом наследии адыгских просветителей. Главную роль в выработке их взглядов сыграл исторический контекст. Главной чертой мировоззрения представителей адыгской интеллигенции была двойственность. Это было обусловлено одновременной принадлежностью адыгских просветителей к двум культурам: адыгской и русской. Анализ взглядов адыгских общественных деятелей на проблему адыгско-российских отношений показал, что их оценки различных

событий могут быть использованы при выработке и проведении конструктивной национальной политики в регионе.

Литература

1. Боров А.Х. Общество и власть на Северном Кавказе: основные подходы и концепции в российском кавказоведении XIX века // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. Вып. 12 (2). С. 9–17.
2. Кумыков Т.Х. Общественная мысль и просвещение адыгов и балкаро-карачаевцев в XIX – начале XX в. Нальчик : Эльбрус, 2002. 354 с.
3. Хакуаиев А.Х. Адыгские просветители. Нальчик : Эльбрус, 1978. 259 с.
4. Хаихожева Р.Х. Адыгские просветители XIX – начала XX века. Нальчик : КБНЦ РАН, 1993. 154 с.
5. Айларова С.А. Общественная мысль народов Северного Кавказа в XIX веке: культурно-исторические проблемы модернизации. Владикавказ : СОГУ, 2003. 360 с.
6. Нагоев М.Б. Общественно-политическая мысль адыгов в первой половине XIX века : исследование и материалы. Нальчик : Эль-фа, 2007. 412 с.
7. Туганов Р.У. История общественной мысли кабардинского народа в первой половине XIX века. Нальчик : Эль-фа, 1998. 381 с.
8. Кузьминов П.А. Россия и горские народы Северного Кавказа в конце XVIII – первой половине XIX в.: альтернативные формы взаимодействия // Кавказология. 2017. № 4. С. 64–83.
9. Султан Казы-Гирей. Долина Ажитугай // Шаги к рассвету. Адыгские писатели-просветители XIX века : избр. произведения. Краснодар : Кн. изд-во, 1986. С. 200–209.
10. Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. М. : Изд-во восточной лит-ры, 1961. 260 с.
11. Жемухов С. Н. Мировоззрение Хан-Гирея. Нальчик : Эльбрус, 1997. 105 с.
12. Дзамихов К.Ф. Адыги: вехи истории. Нальчик : Эльбрус, 2008. 816 с.
13. Центральный государственный исторический архив. Ф. 932. Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 1.
14. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик : Эльбрус, 1978. 330 с.
15. Адиль-Гирей. Обзор последних событий на Кавказе // Военный сборник. 1859. Т. 10. С. 475–518.
16. Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик : Кабгосиздат, 1947. 160 с.
17. Кудашев В. Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Нальчик : Эльбрус, 1991. 192 с.
18. Журтова А. А. Взгляды адыгской интеллектуальной элиты XIX – начала XX века на проблему

российско-кабардинского исторического взаимодействия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 7 (81). С. 65–67. URL: <http://www.gramota.net/editions/3.html> (дата обращения: 12.11.2020).

References

1. Borov A.H. (2009). Society and Power in the North Caucasus: Basic Approaches and Concepts in Russian Caucasian Studies in the 19th Century. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy*, iss. 12 (2), pp. 9-17. (in Russian).
2. Kумыков Т.Н. (2002). *Social thought and education of the Circassians and Balkar-Karachais in the 19th - early 20th century*. Nalchik, Elbrus Publ., 354 p. (in Russian).
3. Hакуашев А.Н. (1978). *The Adyghe educators*. Nalchik, Elbrus Publ., 259 p. (in Russian).
4. Hашхозьева Р.Н. (1993). *The Adyghe educators of the 19th - early 20th century*. Nalchik, Kabardino-Balkarian Scientific Center Press, Russian Academy of Sciences, 154 p. (in Russian).
5. Айларова С.А. (2003). *Social thought of the North Caucasus peoples in the 19th century: cultural and historical problems of modernization*. Vladikavkaz, North Ossetian State University Press, 360 p. (in Russian).
6. Нагоев М.В. (2007). *Socio-political thought of the Circassians in the first half of the 19th century: research and materials*. Nalchik, El-Fa Publ., 412 p. (in Russian).
7. Туганов Р.У. (1998). *The history of social thought of the Kabardian people in the first half of the 19th century*. Nalchik, El-Fa Publ., 381 p. (in Russian).
8. Куз'минов Р.А. (2017). Russia and the mountain peoples of the North Caucasus at the end of 18th - the beginnings of 19th century: alternative modes of interrelations. *Kavkazalogiya*, No. 4, pp. 64-83. (in Russian).
9. Sultan Kazy-Girey. (1986). *Azhitugay Valley. Steps to Dawn. Adyghe writers-educators of 19th century*. Selected works. Krasnodar, Publishing House, pp. 200-209. (in Russian).
10. Kosven M.O. (1961). *Ethnography and history of the Caucasus*. Moscow, Oriental Literature Publishing House, 260 p. (in Russian).
11. Zhemukhov S.N. (1997). *Khan-Girey's worldview*. Nalchik, Elbrus Publ., 105 p. (in Russian).
12. Dzamihov K.F. (2008). *Circassians: milestones in history*. Nalchik, Elbrus Publ., 816 p. (in Russian).
13. *Central State Historical Archives*. Fund 932. In. 1. Storage unit 88. L. 1.
14. Han-Girey. (1978). *Notes about Circassia*. Nalchik, Elbrus Publ., 330 p. (in Russian).
15. Adil'-Girey. (1859). Review of recent events in the Caucasus. *Voennyi sbornik*, vol. 10, pp. 475-518. (in Russian).
16. Nogmov Sh.B. (1947). *The history of the Adyghe people, compiled according to the legends of the Kabardians*. Nalchik, Kabgosizdat, 160 p. (in Russian).
17. Kudashev V. N. (1991). *Historical information about the Kabardian people*. Nalchik, Elbrus Publ., 192 p. (in Russian).
18. Zhurtova A. A. (2017). Viewpoints of the Adyghe intellectual elite of the 19th - early 20th centuries on the problem of Russian-Kabardian historical interaction. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki*, No. 7 (81), pp. 65-67. Available at: <http://www.gramota.net/editions/3.html> (accessed November 12, 2020). (in Russian).

УДК 93/94
doi 10.18522/2687-0770-2021-1-65-71

Ф.Д. КРЮКОВ – ПЕДАГОГ, ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ, ПИСАТЕЛЬ. ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ

© 2021 г. С.А. Кислицын^а, И.Г. Кислицына

^а Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Ростов-на-Дону, Россия

F. D. KRYUKOV - TEACHER, PUBLIC FIGURE, WRITER. EVOLUTION OF POLITICAL VIEWS

S.A. Kislitsyn^а, I.G. Kislitsyna

^а South-Russian Institute of Management - Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation,
Rostov-on-Don, Russia

Кислицын Сергей Алексеевич –
доктор исторических наук, профессор,
кафедра политологии и этнополитики,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ,
ул. Пушкинская, 70, г. Ростов-на-Дону,
344002, Россия.
E-mail: kislizins@yandex.ru

Sergey A. Kislitsyn -
Doctor of History, Professor,
Department of Political Science and Ethnopolitics,
South-Russian Institute of Management -
Branch of the Russian Academy of National
Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation,
Pushkinskaya Str., 70, Rostov-on-Don,
344002, Russia.
E-mail: kislizins@yandex.ru

Кислицына Инна Германовна –
кандидат исторических наук, доцент,
свободный исследователь

Inna G. Kislitsyna -
Candidate of History, Associate Professor,
Free Researcher

Анализируются общественно-политическая деятельность писателя Ф. Крюкова и эволюция его взглядов. Работая учителем истории и географии, он резко критически и публично оценивал возможности государственной системы образования. В годы революции 1905 г. был депутатом 1-й Государственной Думы, основателем партии народного социализма, выступал против участия казачества в подавлении революции. В период столыпинской реакции публиковал свои рассказы о казачестве в неонародническом журнале «Русское богатство» и подвергался критике В.И. Лениным.

Во время Первой мировой войны Крюков выступал как сторонник «войны до победного конца» и стал приверженцем консервативных политических взглядов. После февраля он вновь включился в политическую жизнь. В апреле 1917 г. был делегатом Войскового съезда в Новочеркасске и кандидатом в депутаты Учредительного собрания от Войска Донского. Октябрьскую революцию и идею социального равенства Крюков не принял и категорически осудил. Он стал депутатом и секретарем Войскового круга и редактором газеты «Донские ведомости», где опубликовал более 30 статей и очерков о белом движении и казачестве. Его публицистика демонстрировала ультрасословную позицию представителя вандейской части казачества.

Крюков стал ярким контрреволюционером, отказавшись от народно-социалистических идеалов. Эта трансформация мировоззренческих ценностей была логична, так как в основе ее находились заложенные с детства и юности казачье самосознание и самоощущение. На каждом этапе эволюции как политика Крюков был заметной фигурой в общественной жизни, что делает его одним самых видных деятелей донской земли.

Ключевые слова: Ф.Д. Крюков, эволюция политика и трансформация личности, этапы общественно-политической деятельности, депутат Государственной думы, народный социалист, секретарь Войскового круга, идеолог казачьей контрреволюции.

The article analyzes the socio-political activities of the writer F. Kryukov and the evolution of his views. While working as a history and geography teacher, he sharply criticized and publicly evaluated the capabilities of the state education

system. During the 1905 revolution, he was a Deputy of the 1st State Duma, the founder of the party of People's Socialism, and opposed the participation of the Cossacks in suppressing the revolution. During the Stolypin reaction, he published his stories about the Cossacks in the neo-national magazine "Russian Wealth" and was criticized by V. I. Lenin. During the First world war, Kryukov acted as a supporter of "war to the bitter end" and became a supporter of conservative political views. After February, he re-entered political life. In April 1917, he was a delegate to the Military Congress in Novocherkassk and a candidate for the Constituent Assembly from the Don Army. Kryukov did not accept the October revolution and the idea of social equality and categorically condemned it. He became a Deputy and Secretary of the Military Circle and editor of the newspaper "Don Statements", where he published more than 30 articles and essays about the White Movement and the Cossacks. His journalism of the period demonstrated the ultra-pedigree position of the representative of the vendean part of the Cossacks. Kryukov became a counterrevolutionary, abandoning the people's socialist ideals. This transformation of worldview values was logical, since it was based on the Cossack self-consciousness and self-perception laid down from childhood and youth. At every stage of evolution as a politician, Kryukov was a prominent figure in public life, which makes him one of the most prominent figures of the Don land.

Keywords: F. D. Kryukov, evolution of policy and transformation of personality, stages of socio-political activity, Deputy of the State Duma, national socialist, secretary of the Military Circle, ideologue of the Cossack counterrevolution.

Имя Федора Крюкова известно широким кругам общественности в основном как автора гипотетического черновика чуть ли не трех с половиной из четырех томов великого романа «Тихий Дон». Это крайне дискуссионный вопрос, но и безотносительно этой гипотезы яркая личность Крюкова самодостаточна и вызывает значительный интерес. Учитывая, что литературная работа писателя достаточно освещена, мы сосредоточим свое внимание на общественно-политической деятельности и эволюции взглядов Ф. Крюкова.

Федор Крюков родился 2(14) февраля 1870 г. в семье атамана ст. Глазуновской Усть-Медведицкого округа Области войска Донского (сейчас – Кумыженский район Волгоградской области). Всего в семье атамана было четверо детей, один из которых погиб в Гражданскую войну. Начальное образование Федор получил в приходском училище ст. Глазуновской, затем учился в Усть-Медведицкой мужской гимназии (окончил с серебряной медалью) вместе с Филиппом Мироновым (будущим командармом 2-й Конной армии), Александром Поповым (будущим советским писателем А. С. Серафимовичем) и Петром Громославским (будущим тестем М. А. Шолохова).

Отец Федора Крюкова продал свой участок 200 десятин, чтобы его сын мог получить высшее образование в столице. В 1892 г. он окончил Петербургский историко-филологический институт и в это же время опубликовал свои первые произведения исторического характера в «Северном вестнике» («Казачьи станичные судь») и в «Историческом вестнике» («Гулебщики») «Шульгинская расправа» («Эюд из истории Булавицкого возмущения»). Но историка из него не получилось. Он также мечтал о священнической рясе, но в конечном счете пошел на службу в систему образования [1–3].

В течение 12 лет исправно служил педагогом, одновременно занимаясь литературой. В 1893–

1905 гг. работал в орловской гимназии учителем истории и географии, написал ряд учебно-методических работ, получил звание действительного статского советника и заслужил государственные награды, в том числе орден Станислава. Был у властей на хорошем счету, но при этом резко критически оценивал возможности государственной системы образования. Свои весьма противоречивые и во многом оппозиционные впечатления о гимназии и других учебных заведениях, в которых работал, он изложил в целом ряде работ. В рассказе «Картинки из школьной жизни» был отражен кризис системы школьного образования, в котором шла ожесточенная борьба двух лагерей, глухая, беспрестанная, бессмысленная. Один лагерь – преподавательский – состоит из людей усталых, невеселых, замкнутых, робких, иногда до крайности смешных, которым «иногда надо было притворяться образованными, развитыми, знающими, но они были, в большинстве, невежественны и тупы, задавленные постоянным трепетом, нуждой и вечной заботой о куске», которые «почти все были трусы» [4]. А ученический лагерь, который замечал все недостатки и не прощал ни единой слабости старшему поколению, не имел героев. Окружающая действительность требовала от учеников того же притворства и изворотливости.

В этом рассказе начальство и многие местные педагоги увидели самих себя и крайне возмутились «очернительством». После разгоревшегося скандала Крюков перевелся на работу в реальное училище Нижнего Новгорода. Эта проблемная ситуация была вызвана характерным литературным приемом молодого писателя – он подробно освещал именно то, что лично наблюдал, причем с минимальным отклонением от действительности. Он был художником повседневности, которую описывал спокойно, методично, без ярких

сюжетов, без страстей, без выхода на мировоззренческие проблемы, с множеством мелких деталей без каких-либо личных эмоций. Новые рассказы были посвящены жизни казаков, их гнетущей скучной обыденности. Общеизвестно, что в рассказах нет яркой образности, глубокой мысли, полета фантазии, писательского сочинительства. У Крюкова получалась как бы черно-белая фотография реальной неказистой жизни царской России на данный момент. В условиях нарастания в стране революционного подъема молодой бытописатель заметно «полевел» в своих воззрениях и занялся политикой.

Революцию 1905–1907 г. Федор Крюков встретил с радостью. Он даже написал от имени нижегородских граждан прокламацию 17 октября 1905 г., в которой выразил восторг обретенными правами и свободами граждан: «Это законодательная власть народа, возможность учитывать министров и всех лиц, прикосновенных к народному денежному сундуку, свобода от произвола полицейских властей, свобода верить в Бога по своему собственному желанию, а не по указанию духовенства, свобода выражать честную смелую мысль, свобода соединяться в союзы для борьбы за права... За эти свободы свыше ста лет боролись отдельные герои-борцы. За эти свободы боролось в последние годы всё, что было честного и героического в русском народе» [5, с. 7].

В 1906 г. Крюков как известный педагог-историк был избран депутатом I Государственной думы от Области войска Донского по казачьему списку. Среди депутатов Думы от Дона были учителя М.С. Воронков, А.А. Назаров, А.С. Петров, В.А. Харламов, разделявшие идеи кадетов, хотя казачий Дон отнюдь не был либеральным краем [6, с. 77]. Ф. Крюков входил в состав думской Трудовой группы, члены которой по своим взглядам были левее кадетов в области аграрного вопроса и близки к социал-демократам меньшевистского направления. В конце 1906-го и в 1907 г. он даже стал одним из организаторов левой оппозиционной Партии народных социалистов, идеологами которой были легальные левые народники известные профессора А. Пошехонов, Н. Анненский, В. Мякотин и др. Идея социализма в этот период была широко распространена в обществе, хотя мало кто понимал, что она означает конкретно.

Однокашник Крюкова подьесаул Филипп Миронов привез в Думу указы избирателей верхнедонской Усть-Медведицкой станицы. В них говорилось, что казаки считали оскорбитель-

ным для себя участие в подавлении внутренних беспорядков. В Войске Донском должно быть восстановлено самоуправление, вся земля должна принадлежать казакам на общинном пользовании, земля, которую государство незаконно раздало офицерам, чиновникам и помещикам, должна быть выкуплена у них и возвращена казакам. Свобода всем политзаключенным, отмена смертной казни. 2 июня 1906 г. Крюков вместе с В. А. Харламовым, М.П. Араканцевым и другими (всего 48 подписей) подали заявление с просьбой сделать запрос военному министру о незаконной мобилизации казачества для несения полицейской службы [7, с. 34].

13 июня 1906 г. на пленарном заседании I Государственной думы Крюков вместе с депутатом – казаком В. Харламовым выразил публичный политический протест против использования правительством казачьих частей для подавления революционных волнений. «Казаки второй и третьей очереди оторваны от родного угла, от родных семей и под видом исполнения воинского долга несут ярмо службы, которая покрывает позором все казачество». При обсуждении этого вопроса Крюков показал процесс превращения казаков – «людей простых, открытых в живые машины, часто бессмысленные и жестокие. Всякое пребывание вне станицы, вне атмосферы начальственной опеки, всякая частная служба, посторонние заработки для него (казака) закрыты, потому что он имеет право лишь кратковременной отлучки из станицы... Ему закрыт доступ к образованию, ибо невежество было признано лучшим средством сохранить воинский казачий дух». Его речь вызвала целую бурю возмущений на родине. Донские казаки на станичных сходах осудили Крюкова как извращающего их отношение к власти и к бунтовщикам. Они считали, что казачья служба тяжела, но есть долг казаков перед царем и Отечеством и поэтому не требуется возвращение казаков на Дон [8]. И в самой Думе предложения Харламова, Афанасьева и Крюкова вызвали скандальную дискуссию.

Как член организационного комитета трудовой народно-социалистической партии Крюков занимался организаторской и пропагандистской работой в Петербурге и на Дону. Вместе с подьесаулом Ф.К. Мироновым он привлекался полицией Усть-Медведицкой к суду за «произнесение речи преступного содержания», но был оправдан мировым судьей.

10 июля 1906 г. после разгона Государственной думы I-го созыва Крюков подписал вместе с

166 депутатами либеральное «Выборгское звание», за что осужден по ст. 129 Уголовного Уложения. Он отбыл трёхмесячное тюремное заключение в Петербургской тюрьме «Кресты» и был лишен права на преподавательскую работу. Пришлось работать помощником библиотекаря в Горном институте. В это время написал несколько рассказов («Выборы на Дону», «Обыск», «У окна», «Полчаса», «Камера № 380»). Прибыв на Дон, он продолжил революционную пропаганду и летом 1907 г. волею наказного атамана был выслан за пределы Области войска Донского. Как профессиональный политик-парламентарий Ф. Крюков прекратил деятельность и больше не стремился к этому статусу.

Время реформ Столыпина остудило писателя и радикально изменило его взгляды. Эпоха реакции сломала его как революционного политика. Он не был харизматическим лидером, не обладал решительностью и непреклонностью, и уйдя из политики и образования, отказался от левых политических взглядов, а занялся профессиональной литературной работой. Многие годы был заведующим отделом литературы и искусства и членом редколлегии неонароднического журнала «Русское богатство», который издавал писатель В. Г. Короленко. Его новые произведения были посвящены в основном родному казачеству, которое он беззаветно любил («В глубине», «Станичники», «Шаг на месте», «Шквал», «Зыбь»), и православию, к которому также имел сильное эмоциональное пристрастие («К источнику исцелений», «Отец Нелид»).

С. Арефин отмечал, что в это время Крюков был «романтиком казачества» и считал, что лучшие патриархальные качества казаков сохранились благодаря их изолированности от остального населения России, а так как эта изолированность обеспечивалась больше всего особенностями военной службы и порядка отбывания, «то даже зная об отрицательных сторонах этих особенностей, он рассчитывал при их помощи задержать и укрепить то своеобразие казаков, которое было ему так дорого» [9, с. 319]. Идеализация казачества по сути означала отказ от гневного политического пафоса его речи в Государственной думе.

В поздних произведениях Крюков по-прежнему повествует спокойно, размеренно, логично, без драматических сюжетов, интриг, внешних парадоксов, эксцессов, сцен плотской любви, но с большим вниманием к повседневному быту, что прямо было связано с его личным

характером и православным сентиментальным мироощущением. В широких читательских массах России Крюков популярностью не пользовался, но в литературных кругах приобрел известность как казачий писатель.

Крюков был известен лидеру РСДРП(б) В.И. Ленину, который в 1906 г. в статье «Обывательщина в революционной среде» упоминал его имя как одного из «малоизвестных» основателей партии народных социалистов, осуществившей переделку эсеровской программы из революционной в оппортунистическую, мещанско-легальную» [10, с. 47]. В 1913 г. В.И. Ленин в статье «Что делается в народничестве и что делается в деревне» использовал для характеристики общественных настроений очерк Крюкова «Без огня» [11, с. 369]. Он подробно процитировал и оценил рассказ Крюкова следующим образом. «“Раболепство и трусость, – говорит попик у Крюкова про русское духовенство, – всегда это было!.. Но в том разница, что никогда не было такого ужасающе спокойного, молчаливого отпадения от церкви, как ныне. Точно дух жизни угас в церкви. Повторяю: не одна интеллигенция ушла, – народ ушел... надо в этом сознаться, – я ведь два года был сельским священником”. Сладенький попик вспоминает пятый год. Попик разъяснял тогда крестьянам манифест. “Я-то ждал, – плачет он, – прозрения, тесного союза, любви, трезвости, здравого сознания, пробуждения, энергии... Прозрение-то как будто и явилось, но вместо единения и союза – злоба и междоусобие. И первое всего деревня толкнула именно меня и – порядочно. Кажись, я весь, душой и сердцем, был за нее... Эти самые свободы объяснял и все прочее. И как слушали! Я-то думал, что уж шире того, что я открывал, и открыть нельзя, ан нет... проникли в деревню и другие речи. И новые-то разъяснители заварили кашку много погуще: насчет земельки, равнения и господ. Конечно, мужички поняли и усвоили это моментально. ... Такая злоба выросла в деревне, такая злоба, что, кажется, теперь весь воздух насыщен ею... Нож, дубина, красный петух. Очевидность бессилия, жгучи неотомщенные обиды, междоусобная брань, ненависть без разбора, зависть ко всему более благополучному, уютному, имущему. И прежде, конечно, зависть жила, и злоба, и скорбь, и грех смрадный, но верили люди в волю Божию и тщету мирских благ, верили и находили силу терпеть в уповании на загробную награду. Нынче этой веры уже нет. Нынче там вера такая: мы – поработители, они –

порабощенные. Из всех толкований о свободе на деревенской почве выросли плевелы и дурман... А вот теперь этот новый закон о земле, – брат на брата восстал, сын на отца, сосед на соседа! Злоба и смута пошла такая, что задохнется в ней деревня, непременно задохнется”. Мы подчеркнули в этом характерном описании деревни сладкоречивым попиком (чистейший народник-интеллигент!) некоторые особенно характерные словечки. Попик – сторонник “любви”, враг “ненависти”. В этом отношении он целиком разделяет ту толстовскую (можно также сказать: ту христианскую) глубочайше-реакционную точку зрения, которую постоянно развивают наши кадеты и кадетоподобные. Помечтать о какой-нибудь “социализации земли”, поболтать о “социалистическом” значении коопераций, о “нормах землевладения” такой попик, наверное, не прочь, но вот когда дело дошло до ненависти вместо “любви”, тут он сразу спасовал, раскис и нюни распустил» [11, с. 367].

Для Ленина этот попик и сам писатель Крюков был не просто эпигоном неонародничества, которое было противником марксизма, но реальным демократом. «Марксисты издавна считали столь же обязательной своей задачей выделять демократическое ядро народнических взглядов. Народнический социализм – гнилая и смердящая мертвечина. Крестьянская демократия в России, если верно изображает ее у Крюкова сладенький попик, живая сила» [11, с. 367]. Факт использования Лениным рассказа Крюкова показателен во многих отношениях.

В Первую мировую войну писатель служил в санитарном отряде под командованием князя В. Геловани (к строевой службе Крюков был непригоден по причине сильной близорукости). Он написал ряд очерков из быта военного госпиталя («Группа Б», «Силуэты», «Около войны», «В сфере военной обыденности»), но увиденные страдания не сделали его ни радикальным противником войны, ни пацифистом. Позиции фронтового казачества в этом отношении он не разделял и не освещал. Крюков во время Первой мировой войны выступал как ура-патриот, сторонник за «войны до победного конца», стал приверженцем консервативных политических взглядов. С неонародничеством и социализмом уже им было покончено навсегда.

Февральскую революцию писатель лично наблюдал в столице и воспринял ее взволновано, оценив ее как начало новой эпохи. Он снова активно включился в политический процесс. Вес-

ной 1917 г. принял участие в организации съезда казаков и в создании Союза казачьих войск. В апреле 1917 г. стал делегатом Войскового съезда в Новочеркасске и членом редакции газеты «Народное слово» – органа Трудовой народно-социалистической партии, кандидатом в депутаты Учредительного собрания от Войска Донского.

Октябрьскую революцию и идею полного социального равенства Крюков не принял и категорически осудил (как и все бывшие учителя – думцы от Дона). Писатель призывал Россию к решительному отпору германским интервентам, причем именно казаки, по его мнению, должны были оставаться оплотом государства. Брестский мир, подписанный большевиками, считал предательством национальных интересов России. Он понимал, что при новой власти казачьему обособленному и полупривилегированному сословию нет и не может быть места, и стал контрреволюционером, забыв о своих былых революционных и народно-социалистических идеалах. Эта трансформация мировоззренческих ценностей была по-своему логична и закономерна, так как в основе ее находилось заложенное с детства и юности казачье самосознание и самоощущение.

В 1918 г. вместе с войсковым старшиной Голубинцевым он становится во главе организации в Хоперском округе антибольшевистского восстания. В ходе боев был арестован, но по приказу Филиппа Миронова, теперь возглавлявшего в Хоперском округе красные войска, был отпущен вместе с советом «не заниматься политикой». После этого пути Крюкова и Миронова окончательно разошлись. Миронов возглавил красных казаков, стал в Красной Армии командиром дивизии, корпуса, 2-й Конной армии. При этом он выступил против расказачивания, резко критиковал большевизм, обосновал собственную казачье-крестьянскую модель социализма и был убит в Бутырской тюрьме [12]. А Крюков занял прямо противоположные позиции и стал идеологом белого казачества и донской контрреволюции.

После установления сословного режима власти атамана Краснова Крюков стал по просьбе станичников директором Усть-Медведицкой окружной гимназии, сначала женской, потом мужской. В августе 1918 г. Крюков пишет знаменитое горестное стихотворение в прозе «Родимый край». Приведем отрывок. «Во дни безвременья, /в годину смутную развала и паденья духа, /я ненавижу и люблю, слезами горькими оплакивал тебя, / мой Край Родной... Но все же верил, /все же ждал; /за дедовский завет и за родной

свой угол, / за честь казачества / взметнет волну наш Дон Седой... /Вскипит, взволнуется и кликнет клич, /клич чести и свободы» [13]. Местные казаки слушали этот речитатив в здании реального училища под звуки рояля и буквально рыдали...

С августа 1918 г. Крюков являлся депутатом Большого Войскового круга и был избран его секретарем, т. е. вторым руководителем Круга после Председателя. Но он оставался писателем. В ноябре 1918 г. в ст. Усть-Медведицкой было отмечено 25-летие литературной деятельности Ф.Д. Крюкова. Выступавшие на вечере называли его «донским Глебом Успенским», учеником Короленко и литературным сыном «Русского богатства», воспитателем национального сознания казачества [9, с. 321]. Подчеркивалось: «В Крюкове гражданин заслонял писателя и заставлял его не раз откладывать в сторону перо и идти в бой за свои идеалы с другим оружием» [9, с. 323]. Казаки станицы даже вручили ему 100 рублей 22 копейки на образование «стипендии вашего имени в средних учебных заведениях станицы Усть-Медведицкой» [9, с. 324]. Присутствующие гости выражали пожелание, чтобы самый большой писатель донской земли не вел протоколы заседаний Большого войскового круга, не носил журнал отметок в гимназии, а занимался литературой.

Крюков стал редактором газеты «Донские ведомости», где опубликовал более 30 ярких призывных статей и апологетических очерков о белом движении, о родном до слез казачестве. Он писал в редакционной статье газеты «К изучению родного края», что «в воспитании любви к Отечеству заключается главная задача школы». В другой статье – что надо давать своим питомцам «традиционный боевой дух казачий, удаль, силу, беззаветную преданность к политой кровью дедов родимой землице». При этом писатель подчеркивал, что нельзя принижать роль Войскового круга, который «важен как знамя, вокруг которого сейчас группируется казачество, несущее сверхсильную ношу борьбы с расточителями несчастного Отечества». В газете были опубликованы и острые материалы, рассказывающие о красном террористическом расказачивании, как о «диком торжище красного угара» «холопов и смердов». В то же время писатель отмечал грабежи и спекуляции белогвардейцев, их корысть и трусость [1, с. 17].

Крюков, бесспорно, являлся в конце жизни одним из идеологов и даже руководителей белого казачьего движения на Дону. Он шутил – стал почти «как генерал на коне», но лично в боях не участвовал. В очерках этого периода («Войсковой

круг и Россия», «В гостях у товарища Миронова», «После красных гостей», «Усть-Медведицкий боевой участок») провозглашается мифическое историческое единство донского казачества, осуждаются антиофицерские настроения и нежелание казаков воевать за пределами родных станиц как «шкурничество». Газетная публицистика Крюкова демонстрирует жесткую ультрасословную позицию представителя именно вандейской части казачества без каких-либо внутренних колебаний, метаний, страданий, сомнений, шатаний и прочих рефлексий мелиховского типа. Читая бытописательные произведения Крюкова и его публицистику, освещающую факты его политической и педагогической биографии, трудно представить его автором романа «Тихий Дон», до предела наполненным художественным драматизмом, интригами и насилием, сложной и противоречивой казачьей жизнью, физиологическими страстями... Хотя, несомненно, творчество Крюкова было хорошо известно автору романа.

В 1920 г. Крюков вместе с приемным сыном и с остатками разбитой Донской армии двинулся на Юг, к Новороссийску. Он умер от сыпного тифа и был похоронен 4 марта 1920 г. окрестности станицы Новокорсуновской. Так трагически ушел из жизни замечательный казачий писатель, доблестный патриот старого сословного Дона, а с ним почти вся старая донская казачья интеллигенция, символом которой он был.

Крюков вошел в историю казачьего Дона и всей России не только как известный казачий литератор-бытописатель, но и как либеральный педагог-историк, лево-оппозиционный депутат I Государственной Думы и организатор народно-социалистической партии, наконец, как идеолог консервативной части казачества, один из руководителей белоказачьего Войскового Круга в Новочеркасске и контрреволюции на Дону. В своей политической эволюции «слева направо» Крюков прошел ряд противоречивых этапов, но в каждой своей ипостаси он достиг заметных позиций, которые в целом позволяют внести его имя в список самых ярких деятелей донской земли.

Литература

1. Бирюков Ф. Бытописатель народной жизни // Ф.Д. Крюков. Рассказы и публицистика. М.: Советская Россия, 1990. С. 3–27.
2. Заяц А.А. Биография писателя Федора Крюкова. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/4515614/post178284912/> (дата обращения: 22.10.2020).

3. Заяц А.А. Крюков Федор Дмитриевич // Русские писатели. 1800 – 1917: биографический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. Т. 3. С. 187–189.
4. Русское богатство. 1904. № 6. С. 120.
5. Федор Крюков. Эпоха Столыпина. Революция 1905 года в России и на Дону / послесл. и сост. А.Г. Макарова. М.: АИРО-XXI, 2012. 359 с.
6. Кислицына И.Г., Кислицын С.А. Донские учителя – депутаты государственной думы Российской империи (1906–1917) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8, № 5/2.
7. Сергеев В.Н., Шансугов Д.Ю. Парламентская деятельность российского казачества (1906–1917). Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2003. 511 с.
8. Донские епархиальные ведомости. 1906. № 21. С. 587–593.
9. Арефин С. Крюков как политик // Федор Крюков. Обвал. Смута 1917 года глазами русского писателя. М.: АИРО-XXI, 2009. 377 с.
10. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 14.
11. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 22.
12. Кислицын С.А. Донская персоналия советской эпохи. Ростов н/Д.: Донской изд. дом, 2020. 484 с.
13. Донская волна. 1918. № 12.

References

1. Biryukov F. (1990). The writer of folk life. *F.D. Kryukov. Stories and journalism*. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., pp. 3-27. (in Russian).

2. Zayats A.A. *Biography of the writer Fyodor Kryukov*. Available at: <https://www.liveinternet.ru/users/4515614/post178284912/> (accessed October 22, 2020). (in Russian).
3. Zayats A.A. (1994). Kryukov Fedor Dmitrievich. *Russian Writers. 1800-1917*. Biographical Dictionary. Moscow, Bolshaya Rossiiskaya Entsiklopediya Publ., vol. 3, pp. 187-189. (in Russian).
4. *Russkoe bogatstvo*. (1904), No. 6, p. 120. (in Russian).
5. *Fedor Kryukov The era of Stolypin. Revolution of 1905 in Russia and on the Don*. (2012). Comp. by A.G. Makarov. Moscow, AIRO-XXI, 359 p. (in Russian).
6. Kislitsyna I.G., Kislitsyn S.A. (2016). Don teachers - deputies of the State Duma of the Russian Empire (1906-1917). *Istoricheskaya i sotsio-obrazovatel'naya mysl'*, vol. 8, No. 5/2. (in Russian).
7. Sergeev V.N., Shapsugov D.Yu. (2003). *Parliamentary activity of the Russian Cossacks (1906-1917)*. Rostov-on-Don, RANEPa Press, 511 p. (in Russian).
8. *Donskie eparkhial'nye vedomosti*. (1906), No. 21, pp. 587-593. (in Russian).
9. Arefin S. (2009). Kryukov as a politician. *Fedor Kryukov. The Collapse. Troubles of 1917 through the eyes of a Russian writer*. Moscow, AIRO-XXI, 377 p. (in Russian).
10. Lenin V.I. *Full collection*, vol. 14. (in Russian).
11. Lenin V.I. *Full collection*, vol. 22. (in Russian).
12. Kislitsyn S.A. (2020). *Don personalities of the Soviet era*. Rostov-on-Don, Don Publishing House, 484 p. (in Russian).
13. *Donskaya volna*. (1918), No. 12. (in Russian).

УДК 94

doi 10.18522/2687-0770-2021-1-72-77

ПОДГОТОВКА ЗАКОНА О ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВЕ ШОТЛАНДСКОГО НАРОДА В 20–30-х ГОДАХ XIX ВЕКА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПОТРЕБНОСТЕЙ СРЕДНЕГО КЛАССА

© 2021 г. М.А. Максименко ^а

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

PREPARATION OF THE LAW ON THE REPRESENTATION OF THE SCOTTISH PEOPLE IN THE 20-30 YEARS OF THE 19th CENTURY AND ITS INFLUENCE ON THE FORMATION OF THE POLITICAL NEEDS OF THE MIDDLE CLASS

М.А. Maximenko ^а

^а Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Максименко Марина Андреевна –
ассистент,
Институт истории
и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Б. Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: mmaksimenko@sfedu.ru

Marina A. Maximenko -
Assistant,
Institute of History
and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: mmaksimenko@sfedu.ru

Рассматриваются проблемы, связанные с историей среднего класса. Не менее интересны процессы формирования этого класса: появление новых ценностей и ориентиров, становление идентичности, а также развитие собственных политических амбиций. Анализируется значение акта 1832 г. Многие историки связывают с ним предоставление политической свободы среднему классу. Благодаря закону о представительстве шотландского народа, электорат Шотландии был значительно увеличен; но помимо гражданских свобод в ходе борьбы за политические права представители среднего класса смогли осознать собственные политические потребности, оказавшие значительное влияние на формирование идентичности. Изучается ход подготовки самого законопроекта, процесс его обсуждения, а также то, какое влияние принятие этого закона оказало на представителей шотландского среднего класса. Даются различные историографические концепции на акт 1832 г., которые были систематизированы по проблемному принципу.

Ключевые слова: история Шотландии, социальная история, средний класс, история потребностей, акт о представительстве шотландского народа 1832 г.

Recently, issues related to the history of the middle class have become popular. On the other hand, the processes associated with the formation of this class are no less interesting: the emergence of new values and guidelines, the formation of identity, as well as the development of their own political ambitions. It is difficult to overestimate the significance of the 1832 act, since many historians associate it with the granting of political freedom to the middle class. Indeed, thanks to the Scottish Representation Act, Scotland's electorate has been greatly increased; but, in addition to civil liberties, in the struggle for political rights, the middle class was able to understand their own political needs, which had a significant impact on identity formation. The article examined the preparation of the bill itself, the process of its discussion, as well as the impact the adoption of this law had on representatives of the Scottish middle class. Moreover, the text gives various historiographic concepts for the act of 1832, which were systematized according to a problematic principle.

Keywords: history of Scotland, social history, middle class, history of needs, act of representation of the Scottish people of 1832.

Во многом благодаря индустриальной революции в Великобритании изменилась экономическая обстановка в стране. Крупные капиталисты, торговцы и люди интеллектуального труда

смогли сформировать свое состояние, получив привилегии на новом экономическом рынке. Вместе с тем появление нового класса сопровождалось зарождением различных потребностей в духовной, политической или материальной жизни. После 20-х гг. XIX в. возникает желание осмыслить собственный политический статус. Именно в это время многие интеллектуалы, а также деятели культуры публично заявляли о правах участвовать в голосовании и судьбе страны.

Одним из первых источников, где упоминалось о недовольстве существующим положением, был адрес, поданный королю. Авторы документа писали, что нынешнее представительство можно назвать «насмешкой» [1, р. 3]. До 1832 г. на территории Великобритании действовала старая система представительства, согласно которой у шотландского электората практически не было права голоса. В вышеупомянутом адресе говорилось, что за такое представительство выступает большая часть богатого населения, а также все те, кто занят в производстве [1, р. 3]. Последние составляли активную часть среднего класса. Их желание быть представленными на политической арене можно объяснить несколькими причинами. Одна из них была связана с формирующейся идентичностью среднего класса, с другой стороны, именно политические потребности были гарантом продвижения или сохранения социального статуса в обществе. Так, если бы на официальном уровне произошло законодательное подтверждение политических прав и привилегий представителей среднего класса, то это укрепило бы их позиции в сложившейся стратификационной модели.

Если для высшей знати участие в голосовании было давней традицией, подтверждающей их привилегии и титулы, то для представителей среднего слоя это стало бы способом выражения политических потребностей, усиливших формирование их идентичности.

В письме Роберту Дандасу Вальтер Скотт писал, что весь бюргерский класс Шотландии постепенно готовился к радикальной реформе; тут же автор уточнял, что имеет в виду средний и почтенный классы общества [2, р. 297]. С другой стороны, он отмечал, что зависимость от должностей, характерная для джентри, является пустой, и те, кто придерживается давних убеждений, стареют [2, р. 297]. Очевидно, что в это время происходит смена старых политических традиций на новые, где представители среднего

класса стали играть ведущую роль. Они не имели ни титулов, ни привилегий, но олицетворяли новый способ взаимодействия с властью. Стремление к политическому обновлению вызвало небывалую сплоченность среди интеллектуалов. Именно это обстоятельство (борьба за представительство в 1820–1830-х гг. XIX в.) считается отправной точкой возрастающей роли среднего класса в жизни страны по отношению к высшему.

В другом источнике под псевдонимом М. Мэлэгроутера В. Скотт подчеркивал, что теперь к национальным интересам Шотландии наблюдается все большее пренебрежение [3, р. 4]. Г. Коберн – один из активных участников-создателей закона о представительстве Шотландии писал, что во время подготовки законопроекта даже радикалы уменьшили свои притязания и «согласились приветствовать освобождение своей страны»; он также отмечал, что повсюду организовывали собрания, происходил всплеск народных чувств. Более того, шла речь об избежании революции [4, р. 5–6]. Так, благодаря мемуарам известных деятелей того периода, становится ясно, что получение политических прав и привилегий приравнивалось к «освобождению страны». Несомненно, это сравнение связано с заключением унии 1707 г., что оставило неизгладимый след в народной памяти. Теперь, как казалось шотландцам, эту «свободу» можно восстановить, получив определенные привилегии. Главными активистами, борцами за свободу и политические права стали представители формирующегося среднего класса.

Принимая во внимание события в Европе, в правительстве размышляли, как избежать подобных революционных потрясений. Стоит отметить, что с помощью мирных методов интеллектуалам удалось добиться рассмотрения вопроса о реформе. Используя достаточно смелые сравнения, обороты и другие лексико-стилистические конструкции, представители среднего класса смогли убедить правительство в необходимости назревших перемен. С другой стороны, общая тревога все еще сохранялась.

Г. Коберн вспоминал, что во время подготовки законопроекта шотландцы вели себя спокойно, за исключением фригольдеров, чья привилегия должна была быть уничтожена [4, р. 5]. Он упоминал о крупном собрании реформаторов 26 апреля 1832 г., когда-либо проводившимся в Эдинбурге, поводом для которого послужило проведение второго чтения палаты лордов

немногочисленным большинством. Торговцы собрались и шли процессией с баннерами и музыкой (некоторые посчитали, что присутствовало 20 000 (60 000), включая зрителей) [4, р. 27].

Так, постоянная тревога о ходе подготовки законопроекта и о расстановке политических сил способствовала не только внутриклассовой консолидации, но и формированию особенной идентичности, где политические права и потребности стали отличительным признаком, подтверждающим восходящее движение по социальной лестнице.

А. Гамильтон в 1823 г. обратился к палате общин с просьбой рассмотрения вопроса о представительстве шотландского народа [5, р. 612–613]. Он отмечал, что сложившаяся система представительства в Шотландии была прямо противоположна той, что существовала в Англии, где основывалась на населении и их собственности, в Шотландии же ни то, ни другое не являлось основой в предоставлении права голоса [5, р. 612–613]. В результате индустриальной революции произошли значительные изменения в экономике и системе товарно-денежных отношений. Если в Англии законодательство соответствовало этим изменениям, то в Шотландии действующая система представительства не соответствовала даже английскому образцу.

В палате общин уже обсуждался вопрос представительства шотландского народа, где были высказаны различные точки зрения. Речь сэра Дж. Макинтоша была весьма показательной, обличающей основные проблемы, назревшие в стране. Он отметил, что при обсуждении важной темы о представительстве шотландского народа на заседании палаты присутствует немного английских джентльменов и этому вопросу, по его мнению, уделялось меньшее внимание [5, р. 632]. В завершении своей речи он подчеркнул, что отказать в правах свободных граждан соседнему народу было не только несправедливо по отношению к Шотландии, но и опасно по отношению к империи в целом [5, р. 638]. Такое высказывание, скорее всего, было связано с нестабильной политической ситуацией в Европе, особенно во Франции. Он также уточнил, что большая часть народа не была представлена, в основном знать и старое дворянство [5, р. 636].

Невнимательное отношение к интересам северного соседа было еще одним важным фактором, активизирующим политические амбиции

представителей среднего слоя. В 1820–1830-х гг. интеллектуалы живо реагировали на проблемы, существующие в стране, а их решение казалось невозможным без их участия. Многие общественные деятели верно подмечали, что формирующийся и уже многочисленный средний слой не был представлен в парламенте, отчего политические настроения у последних только росли. Именно поэтому правительство пошло на уступки. Тем не менее обсуждение законопроекта длилось несколько лет.

Дж. Макара в своем письме к Ф. Джеффри сообщал, что, если установить аренду в 10 фунтов, тогда полностью исключаются ремесленники и квалифицированные рабочие: мало кто из них мог себе позволить платить 10 фунтов за аренду дома, но, по его словам, они не потерпят невозможности участия в голосовании [6, р. 3–4]. Это письмо интересно тем, что интеллектуалы того времени могли высказывать свои предложения по снижению имущественного ценза, вносить дополнения по этому вопросу. Однако, несмотря на петиции, добиться его снижения не удалось (он остался равен 10 фунтам). Даже несмотря на то, что предложение о снижении ценза до 5 фунтов не было удовлетворено, количество тех, кому было предоставлено право голоса, значительно возросло благодаря акту 1832 г.

Долгожданный закон был принят в 1832 г., в нем подчеркивалось, что любое лицо, юридически дееспособное, имеет право быть зарегистрированным и далее участвовать в голосовании на любых выборах в Шотландии. Такая заявка проверялась, а годовая стоимость владения собственностью или другим имуществом должна была составлять 10 фунтов [7, р. 386]. Главным результатом в борьбе за предоставление политических прав и привилегий было не только то, что некоторые представители среднего класса могли участвовать в голосовании, а также то, что самая главная потребность – самоактуализация на политическом, законодательном уровне была достигнута. Официальное признание нового класса, сформированного в результате индустриальной революции и урбанизации лишь укрепило идентичность представителей среднего слоя. Добиться этого удалось только лишь в 1832 г., когда был принят закон о шотландской реформе, изменивший соотношение электората в Великобритании.

Процесс самоидентификации шотландского среднего класса стал возможен, несомненно, благодаря экономическим условиям и индустриальной революции.

стриализации, но на ее развитие сильное влияние оказала борьба за политические права в 20–30-е гг. XIX в. Именно подготовка и принятие акта 1832 г. способствовали формированию идентичности среднего класса и осознанию собственных прав и привилегий в политической сфере. Заметное влияние оказали другие обстоятельства: стремление к свободе и освобождению народной памяти через получение политических прав и привилегий 1832 г.; невнимание со стороны английского правительства к проблемам северного соседа; межклассовые разногласия (у высшего и среднего классов) по вопросу представительства в парламенте; общая тревога интеллектуалов во время обсуждения, подготовки и принятия законопроекта 1832 г.; стремление к сохранению социального статуса (на официальном, законодательном уровне, через удовлетворение политических амбиций).

Историки по-разному оценивают значение акта 1832 г. Среди множества работ можно выделить несколько ключевых подходов в историографии вопроса.

Одни ученые рассматривают этот закон через призму сложившейся социальной структуры. Они практически единодушны в том, что данный акт усилил влияние среднего класса. В исследовании о британском обществе упоминалось, что акт 1832 г. скорее всего был законопроектом о реформе среднего класса, чем проектом, призванным восстановить власть аристократии [8]. Другие исследователи вообще считают, что современная жизнь шотландцев осталась такой, как было закреплено в законе о реформе Шотландии 1832 г. [8]. В отечественной историографии этому акту также придавалось огромное значение. В монографии М.П. Айзенштат и Т. Н. Гелла упоминалось, что благодаря реформе 1832 г. средняя буржуазия получила политические права [9, с. 15]. В. Ю. Апрыщенко в своем исследовании подчеркивал, что реформа 1832 г. расширила влияние среднего класса [10, с. 80].

Историки другого направления обращают внимание на трактовку закона, а также на последствия его принятия. Так, У. Фергюсон писал о различных нарушениях, неясностях, нестыковках, связанных с актом 1832 г. [11, р. 105–114]. У Г. Петланда в центре внимания оказалось влияние этого закона на отношения внутри королевства [12].

И, наконец, новый взгляд на реформу был связан с формированием новой идентичности отдельных городов, а также новых политиче-

ских традиций. Верно отмечал Д. Маккрон в своем исследовании, что Шотландия долгое время оставалась самоуправляемой с точки зрения своих гражданских институтов, а британское государство чрезмерно не вмешивалось, за исключением случаев поддержания военно-политического авторитета страны [13, р. 44]. Есть мнение и о том, что, когда в июле 1832 г. после многих неудач был принят Акт о реформе Шотландии, он стал символом всех стремлений к свободе и переменам, о которых говорили. В это время формировались новые политические традиции. Более того, авторы этого исследования считают, что Глазго после 1832 г. обрел свою собственную парламентскую идентичность [14, р. 186].

Таким образом, в историографии проблемы главное внимание уделяется социальным изменениям, связанным с принятием этого акта, изменившим политическую расстановку сил: если богатая часть населения могла жить на доходы от поместья и эта привилегия передавалась из поколения в поколение, то у представителей среднего класса это право было экономически обусловлено: их доход стал олицетворением признания на политическом уровне.

Несмотря на то, что официально средний слой и высшая знать в политических правах стали равны, состав парламента мало изменился: по-прежнему большая его часть была представлена аристократией.

Итак, главным результатом поисков, направленных на удовлетворение политических амбиций и потребности в выражении гражданской позиции, для среднего класса было формирование собственной идентичности. Ее возникновение стало возможным не только благодаря экономическим условиям, позволившим преодолеть имущественный ценз для голосования, но и тому, что многие представители среднего класса смогли мирным способом достичь политического признания на государственном уровне.

Литература

1. Report of the Proceedings at the General Meeting of the Inhabitants of Edinburgh, December 16, 1820, to consider the propriety of a petition to his Majesty to dismiss his present ministers. Edinb., L., 1820.
2. Lockhart J. G. Memoirs of the Life of Sir Walter Scott, Bart. Edinb., 1862.
3. A Letter to the Editor of the Edinburgh Weekly Journal, from Malachi Malagrowther, Esq. on the Pro-

posed Change of Currency, and Other Alterations, as They Affect, Or are Intended to Affect, the Kingdom of Scotland. Edinb., L., 1826.

4. Journal of Henry Cockburn: Being a Continuation of the Memorials of his time 1831-1854. 1874. Vol. I.

5. Scotch Country Representation // The Parliamentary Debates: forming a continuation of the work entitled «The parliamentary history of England, from the earliest period to the year 1803». New series; commencing with the accession of George IV. L., 1824. Vol. IX. (Comprising the period from the first day of May, to the nineteenth day of May, to the nineteenth day of July, 1823).

6. Macara J. Letter to the Right Hon. Francis Jeffrey, Lord Advocate of Scotland, on the Reform Bill. With Notes, including a Letter to Mr. Cobbet on the Corn Laws. Edinb., 1831.

7. An Act to amend the Representation of the People in Scotland 17th July 1832 // The Statutes of the United Kingdom of Great Britain and Ireland, 2&3 William IV. 1832. L., 1832.

8. Price R. British Society 1680-1880: Dynamism, Containment and Change. 1999. P. 267. Available at: <https://books.google.ru/books?id=oqY4cFsaK7AC&pg=PA267&dq=middle+class+reform+1832&hl=ru&sa=X&ved=2ahUKEwj03bSO9fnrAhWlmsKHb11B2EQ6AEwAXoECAMQAg#v=onepage&q=middle%20class%20reform%201832&f=false> (accessed September 21, 2020).

9. Айзенштат М.П., Гелла Т. Н. Английские партии и колониальная империя Великобритании в XIX в. (1815 – середина 1870-х гг.). М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 1999. 217 с.

10. Апрыщенко В. Ю. Национализм и институциональная идентичность: местное управление в Шотландии в XVIII – первой половине XIX века // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2008. № 5. С. 78–83.

11. Ferguson W. The Reform Act (Scotland) of 1832: Intention and Effect. // The Scottish Historical Review Vol. 45, No. 139, Part 1: William Croft Dickinson Memorial Number (Apr., 1966).

12. Pentland G. The Debate on Scottish Parliamentary Reform, 1830-1832 // The Scottish Historical Review. 2006. Vol. 85, No. 219. P. 100-130. Available at: https://www.research.ed.ac.uk/portal/files/11939298/The_Debate_on_Scottish_Parliamentary_Reform_1830_1832.pdf (accessed August 1, 2019).

13. McCrone D. Understanding Scotland: The Sociology of a Nation. L.; N. Y., 1992.

14. McCaffrey J. Political issues and developments // Glasgow. Vol. II: 1830 to 1912. In 3d vol. Vol. II. / Ed. W. H. Fraser, I. Maver. Manchester and N. Y., 1996.

References

1. Report of the Proceedings at the General Meeting of the Inhabitants of Edinburgh, December 16, 1820, to consider the propriety of a petition to his Majesty to dismiss his present ministers. (1820). Edinb., L.

2. Lockhart J. G. (1862). *Memoirs of the Life of Sir Walter Scott, Bart.* Edinb.

3. A Letter to the Editor of the Edinburgh Weekly Journal, from Malachi Malagrowther, Esq. on the Proposed Change of Currency, and Other Alterations, as They Affect, Or are Intended to Affect, the Kingdom of Scotland. (1826). Edinb., L.

4. Journal of Henry Cockburn: Being a Continuation of the Memorials of his time 1831-1854. (1874), vol. I.

5. Scotch Country Representation. (1824). *The Parliamentary Debates: forming a continuation of the work entitled “The parliamentary history of England, from the earliest period to the year 1803”*. New series; commencing with the accession of George IV. L., vol. IX. (Comprising the period from the first day of May, to the nineteenth day of May, to the nineteenth day of July, 1823).

6. Macara J. (1831). *Letter to the Right Hon. Francis Jeffrey, Lord Advocate of Scotland, on the Reform Bill. With Notes, including a Letter to Mr. Cobbet on the Corn Laws.* Edinb.

7. An Act to amend the Representation of the People in Scotland 17th July 1832. (1832). The Statutes of the United Kingdom of Great Britain and Ireland, 2&3 William IV. L.

8. Price R. (1999). *British Society 1680-1880: Dynamism, Containment and Change*, p. 267. Available at: <https://books.google.ru/books?id=oqY4cFsaK7AC&pg=PA267&dq=middle+class+reform+1832&hl=ru&sa=X&ved=2ahUKEwj03bSO9fnrAhWlmsKHb11B2EQ6AEwAXoECAMQAg#v=onepage&q=middle%20class%20reform%201832&f=false> (accessed September 21, 2020).

9. Aizenshtat M.P., Gella T.N. (1999). *English parties and the colonial empire of Great Britain in the 19th century. (1815 - mid-1870s)*. Moscow, Institute of Universal History Press, RAS, 217 p. (in Russian).

10. Апрыщенко В. Ю. (2008). Nationalism and Institutional Identity: Local Governance in Scotland in the 18th - First Half of the 19th Century. *Izv. vuzov. Severo-Kavk. region. Obshchestvennyye nauki. (Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science)*, No. 5, pp. 78-83. (in Russian).

11. Ferguson W. The Reform Act (Scotland) of 1832: Intention and Effect. *The Scottish Historical Review*, vol. 45, No. 139, part 1: William Croft Dickinson Memorial Number (Apr., 1966).

12. Pentland G. (2006). The Debate on Scottish Parliamentary Reform, 1830-1832. *The Scottish Historical Review*, vol. 85, No. 219, pp. 100-130. Available at: https://www.research.ed.ac.uk/portal/files/11939298/The_Debate_on_Scottish_Parliamentary_Reform_1830_1832.pdf (accessed August 1, 2019).

13. McCrone D. (1992). *Understanding Scotland: The Sociology of a Nation*. L.; N. Y.

14. McCaffrey J. (1996). *Political issues and developments. Glasgow. Vol. II: 1830 to 1912. In 3d vol. Vol. II*. W.H. Fraser, I. Maver (Eds.). Manchester; N. Y.

Поступила в редакцию / Received

14 декабря 2020 г. / December 14, 2020

УДК 94.929

doi 10.18522/2687-0770-2021-1-78-88

ЖЕНЩИНЫ-ИСТОРИКИ В НАУЧНОЙ ШКОЛЕ Ф.У. МЕЙТЛЕНДА: МЭРИ БЕЙТСОН

© 2021 г. Т.А. Сидорова ^а

^а Сочинский институт (филиал) Российского университета дружбы народов,
Сочи, Россия

THE WOMEN-HISTORIANS IN F.W. MAITLAND'S SCIENTIFIC SCHOOL: MARY BATESON

T.A. Sidorova ^а

^а Sochi Institute (affiliated branch) of Peoples' Friendship University of Russia,
Sochi, Russia

Сидорова Тамара Анатольевна –
доктор исторических наук, профессор,
заведующая кафедрой всеобщей истории,
Сочинский институт (филиал)
Российского университета дружбы народов,
ул. Куйбышева, 32, г. Сочи, 354340, Россия.
E-mail: tasidorova-05@mail.ru

Tamara A. Sidorova -
Doctor of History, Professor,
Head of the Department of World History,
Sochi Institute (affiliated branch) of Peoples'
Friendship University of Russia,
Kuibysheva Str., 32, Sochi, 354340, Russia.
E-mail: tasidorova-05@mail.ru

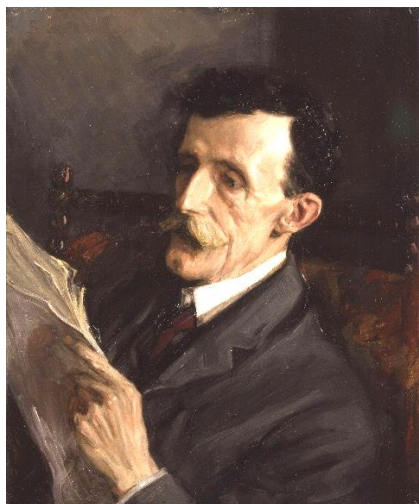
Предметом исследования статьи являются женщины-историки, составлявшие незначительную часть научной школы выдающегося британского историка и юриста Ф.У. Мейтленда (1850–1906). Приход женщин в историческую науку в Великобритании 1880–1890-х гг. стал следствием широкого суфражистского движения, частью программы требований которого было предоставление женщинам равных прав с мужчинами на получение высшего образования в национальных университетах. Становление «женской» медиэвистики происходило под влиянием научной деятельности Ф.У. Мейтленда, ученого, профессора Кембриджского университета – его методологических установок, отношения к архивным документам как основным источникам исторического исследования, плодотворной издательской деятельности. Три известные женщины-медиэвистки – Мэри Бейтсон (Mary Bateson, 1865–1906), Элен Мод Кэм (Helen Maud Cam, 1885–1968) и Берта Хейвен Патнэм (Bertha Haven Putnam, 1872–1960), специализировавшиеся в разных областях истории английского Средневековья, но в русле методологии Ф.У. Мейтленда, представляли его научную школу наиболее ярко. Исследуется научная деятельность М. Бейтсон – общепризнанной и непосредственной ученицы Ф.У. Мейтленда, ставшей одной из самых известных женщин-ученых в Англии в области изучения средневековой истории.

Ключевые слова: Ф.У. Мейтленд, научная школа, женщины-историки, история средневековой Англии, архивные источники, Кембриджский университет, женские колледжи, Мэри Бейтсон, Элен Кэм, Берта Патнэм, феминистское движение, суфражизм.

Women-historians make up a small part of the scientific school of the outstanding British historian and lawyer F.W. Maitland (1850-1906). The gender profile of F.W. Maitland's school was not the subject of special study. The women's coming in the historical science of Great Britain in 1880-1890s was the result of a broad suffragist movement, granting women equal rights with men in higher education in national universities. The formation of "female" medieval studies was influenced by F.W. Maitland as a scholar and a professor of Cambridge University - his methodological approach, relevance with archival records as the main base of the historical studies, his fruitful publishing activities. Three prominent women-medievalists - Mary Bateson (1865-1906), Helen Maud Cam (1885-1968) and Bertha Haven Putnam (1872-1960), specialized in different spheres of the English medieval history, but in line with the teacher's methodology, represented F.W. Maitland's scientific school the most clearly. The scientific activity of Mary Bateson, a recognized and direct student of F.W. Maitland, one of the most famous British scientists in the field of medieval studies, is being investigated.

Keywords: F.W. Maitland, scientific school, women-historians, history of Medieval England, archival records, Cambridge University, women's colleges, Mary Bateson, Helen Maud Cam, Bertha Haven Putnam, feminist movement, suffragism.

Феномен научной школы Фредерика Уильяма Мейтленда (F.W. Maitland, 1850–1906), выдающегося британского историка и юриста XIX–начала XX в., родоначальника и крупнейшего представителя критического направления в английской историографии, привлекает внимание российских и зарубежных исследователей в силу сложности и неоднозначности конфигурации этой научной школы и масштаба личности Ф.У. Мейтленда как ученого и ее лидера.



*Фредерик Уильям Мейтленд
Портрет работы Беатрис Локк, 1906,
Национальная портретная галерея, Лондон*

В отличие от схолярной проблематики в контексте интеллектуальной биографии британского историка [1, с. 133–290], гендерный аспект созданной им научной школы не являлся предметом специального исследования.

Женщины-медиевисты составляли значительную часть научной школы Ф.У. Мейтленда, но внесли весомый вклад в развитие исторической науки. Они продолжили и развили методологические установки своего учителя, воплотили в практику научных исследований разработанные им принципы и методы изучения истории средневековой Англии с опорой на источники права и архивные материалы.

Приход женщин в историческую науку Великобритании в 1880–1890-е гг. стал закономерным следствием широкого суфражистского движения, ставившего своей целью реализацию права женщин на получение высшего образования, в том числе исторического, как части более широких прав на обретение равных прав с мужчинами в общественной жизни страны.

Феминистское движение в Англии за улучшение женского образования прошло длинный путь: от весьма скромных притязаний на право женщин на сдачу местных экзаменов для старших и младших классов в университетах Оксфорда и Кембриджа, не означавшего еще предоставления права на обучение в 1860-е гг., до открытия первых женских университетских колледжей – Гиртон-колледжа (Girton College, 1869) и Ньюэм-колледжа (Newnham College, 1871) и начала смешанного обучения мужчин и женщин в 1890-е гг., затем – до права получения ученых степеней женщинами в 1948 г. в университетах Великобритании.

Стремление женщин к высшему образованию и возможности обучения в прославленных британских университетах получило деятельную поддержку в академических кругах викторианской Англии. Лидерство принадлежало Кембриджскому университету и его известным профессорам Г. Сиджуику (H. Sidgwick, 1838–1900) и Ф.У. Мейтленду.

Ф.У. Мейтленд разделял феминистские убеждения своего учителя Г. Сиджуика, известного интеллектуала и либерально мыслящего ученого, феминизм которого был сфокусирован именно на женском высшем образовании и основании женского Ньюэм-колледжа. Как член Совета Сената Кембриджского университета Ф.У. Мейтленд принимал активное участие в его «профессорской жизни» [2, р. 8], в продолжительных дискуссиях горячо отстаивал идею присуждения ученых степеней женщинам и предлагал создать отдельный Университет для женщин под названием «Bletchley Junction Academy» [3, р. 67–68; 2, р. 9].

Историческая наука в Великобритании XIX – начала XX в., как и другие науки, была доменом мужчин, которым они владели безраздельно и безусловно на протяжении столетий. Тем удивительнее стремительное «вторжение» женщин в его пределы в 1880–1890-е гг., составлявших, как правило, более половины студенческой аудитории [4, р. 141] на блестящих лекциях Ф.У. Мейтленда, посвященных сложным историко-правовым и юридическим аспектам истории Англии эпохи Средневековья. Хотя Ф.У. Мейтленд концентрировался на средневековом периоде английской истории, он читал лекции и преподавал всю историю английского права от англосаксонского периода до XIX в. Поэтому ему удалось сделать первый научно обоснованный и документально подтвержденный анализ паттернов

или духа английской культуры за тысячелетие, которое вело к индустриальной революции [5, р. 21]. Наиболее известные лекции Ф.У. Мейтленда были посвящены различным историко-правовым проблемам национальной истории – недвижимому имуществу (1886–1888 гг.); возникновению и развитию права в Англии (1886 г.); «Комментариям» Л. Стивена (1887 г.); конституционной истории Англии (1889 г.); английскому парламенту (1888 г.); движимому имуществу (1889 г.); конституционному праву и истории (1889, 1890 гг.); договору (1889, 1901 гг.); праву справедливости (1892–1906 гг.), введению в изучение английского права (1900–1902 гг.) и др. [1, с. 200].

Многие из этих лекционных курсов, производившие глубокое впечатление на студентов, послужили побудительным мотивом для занятия научно-исследовательской работой именно в области истории английского средневекового права.

История английского права – приоритетная область научных исследований Ф.У. Мейтленда, новая в пору его жизни, занимавшая пограничное положение между историей и правом, обусловила междисциплинарную направленность его научной школы, которую правомерно квалифицировать как: а) юридическую школу по критерию профессиональной подготовки ее лидера и источниковой базе; б) школу критической историко-правовой герменевтики по исследовательской стратегии и ведущему методу; в) историческую школу по предмету и результатам исследования, британские (М. Бейтсон, Р. Рейт, Л. Алстон, Дж. М. Тревельян, Г.А. Холлонд,

У. Холдсуорт, У. Бакленд, Э.М. Кэм) и американские (Дж. Шотвелл, Б.Х. Патнэм) историки – ученики Ф.У. Мейтленда, которой внесли огромный вклад в развитие английской и европейской исторической науки; г) школу, обладавшую дистанционным и пролонгирующим эффектом воздействия влияния Ф.У. Мейтленда как учителя, что признавалось многими выдающимися историками – А.Н. Савиным (1873–1923), Дж. Элтоном (G. Elton, 1921–1994), А. Макфарлейном (A.D.J. Macfarlane, 1941), не бывшими его студентами, но считавшими себя его учениками [6, с. 92–93; 2, р. 1, 101; 1, с. 250].

В силу специфики научной школы британского историка можно говорить о «прямых» и «классических» учениках Ф.У. Мейтленда, тех, кто непосредственно учился у него в Кембридже, и «отдаленных» и «неклассических» его учениках, которые испытали его влияние спустя многие годы, изучая его труды и используя в своих исследованиях введенный им в научный оборот гигантский массив юридических источников.

Среди учениц и последовательниц Ф.У. Мейтленда выделяются три известные женщины-медиевиста – Мэри Бейтсон (Mary Bateson, 1865–1906), Элен Мод Кэм (Helen Maud Cam, 1885–1968) и Берта Хейвен Патнэм (Bertha Haven Putnam, 1872–1960), которые специализировались в разных областях истории английского Средневековья, но в русле методологии Ф.У. Мейтленда. Академические биографии этих женщин-ученых являются примером беззаветного служения науке, профессиональной солидарности и тесного сотрудничества, косвенного или непосредственного.



Мэри Бейтсон



Элен Мод Кэм



Берта Хейвен Патнэм

М. Бейтсон была английским ученым – по рождению, тематике исследования и постоянно-му местожительству; за исключением непродол-

жительного периода обучения в Германии (Institut Friedlaender, Baden) в середине 1870-х гг. она не покидала Великобританию. Круг ее научных

интересов отличался широтой и постоянством: она исследовала историю городского права, занималась изданием архивных источников по истории средневековых английских городов и монастырей, ее интересовала религиозная история, история английских монастырей Средневековья, история средневековой Англии XI – XIV вв., другие аспекты [7].

Э. Кэм, также уроженка Англии, первоначально обучалась в Ройял-Холлоуэй-колледже (Royal Holloway College) Лондонского университета, затем продолжила образование в Пенсильванском частном женском гуманитарном Брин-Мор колледже (Bryn-Mawr College) США. С этой страной она ассоциировала базовые для нее ценности – развитие науки, свободу, либерализм [8, р. 261], которых так не доставало ей в Великобритании.

Вернувшись в 1909 г. в Англию, Э. Кэм в течение трех лет преподавала в женском колледже Челтенхема, и вскоре вместе с А.Э. Леветт (A.E. Levett, 1881–1932) и американской женщиной-историком Н. Нельсон (N. Neilson, 1873–1947) стала посещать знаменитые семинары П.Г. Виноградова, учителя Ф.У. Мейтленда, в колледже Всех Святых (All Souls College) Оксфордского университета. П.Г. Виноградов стал для нее идеалом профессора, ученого, «профессиональным героем», который обратил ее внимание на средневековую сотню как предмет научного исследования [8, р. 261–262].

На заре своей академической карьеры Э. Кэм – преподаватель английского Гиртон-колледжа. С 1948 по 1954 г. она занимала должность профессора Кембриджского и Гарвардского университетов, стала членом Британской Академии наук, членом Американской Академии искусств и наук, и первой женщиной профессором факультета искусств и наук в Гарварде, одной из 12 выдающихся женщин-ученых, получившей почетную степень частного женского гуманитарного Смит-колледжа (Smith College) Массачусетского университета в связи с его 75-летием [9].

Э. Кэм посвятила себя исследованию истории местного управления / самоуправления и судебной системе средневековой Англии, занималась историографическими исследованиями, изучением истории Англии доелизаветинского периода, а также – исследованием сохранения исторического наследия Средневековья в Англии XIX – середины XX в. [10].

Б.Х. Патнэм – американский медиевист, она не бывала в Англии, не училась в британских

университетах и сделала научную карьеру на родине, удостоившись звания профессора Массачусетского и Колумбийского университетов. В пору работы в женском Маунт-Холиоке колледже (Mount Holyoke College) Массачусетского университета она тесно общалась с Н. Нельсон, они были коллегами и преподавали историю Средних веков [11, р. 144–147].

Несмотря на географическую удаленность от Великобритании в творчестве Б.Х. Патнэм прослеживается устойчивая связь с англосаксонским научным миром, проявившаяся в широком использовании судебных протоколов, ассиз и других документов Лондонского Государственного архива, которые она вслед за английскими коллегами признавала единственной надежной базой для исследования, даже если они противоречивы [12, р. 159].

В годы Второй мировой войны Б.Х. Патнэм возглавляла Маунт-Холиоке – американское отделение организации оказания гуманитарной помощи Великобритании, за что в 1946 г. была награждена медалью Его Величества короля Георга VI за вклад в дело мира [13].

Областью научных исследований Б.Х. Патнэм являлась экономическая политика государства в связи с «Черной смертью», изучение которой опиралось на широкий круг судебных протоколов и ассиз, хранившихся в Лондонском Государственном архиве, история уголовного права, правовая и административная история средневековой Англии [14].

Б.Х. Патнэм и Н. Нельсон были выдающимися представителями женского крыла в американской историографии критического направления, основанного Ф.У. Мейтлендом.

Общепризнанной, классической и непосредственной ученицей Ф.У. Мейтленда являлась М. Бейтсон, которую А.Н. Савин называл лучшей его ученицей и самой известной женщиной-ученым в Англии в области средневековой истории [6, с. 91].

Жизненный путь и научная деятельность М. Бейтсон были связаны с Кембриджским университетом, женским Ньюнэм-колледжем, где она обучалась, преподавала и обрела известность как ученый и где занималась исследованиями английской средневековой истории. Ньюнэм-колледжу она завещала свою библиотеку и всё свое состояние, около двух с половиной тысяч фунтов стерлингов. Колледж учредил именную исследовательскую стипендию в ее честь [15].

Ф.У. Мейтленд называл свою ученицу, «подлинной дочерью Кембриджа» [16, р. 542], коллеги и студенты – просто «мисс Мэри Бейтсон», ценя в ней не только глубокую ученость, но и скромность, отсутствие академической чопорности, тонкое чувство юмора, умение общаться и дружить с очень разными людьми [17, р. 69, 71].

Занимая более скромные официальные позиции в академической сфере по сравнению с другими женщинами-ученицами Ф.У. Мейтленда (она была членом Совета колледжа, членом женской суфражистской Ассоциации Кембриджа и лектором английской конституционной истории Ньюэм-колледжа), М. Бейтсон снискала репутацию блестящего историка-медиевиста и горячего поборника высшего образования для женщин. Ей была свойственна активная жизненная позиция, которая нашла отражение в ее борьбе за полноправное членство женщин в Кембриджском университете [17, р. 72].

Решающую роль в становлении М. Бейтсон как ученого-исследователя английской средневековой истории сыграли профессора Кембриджского университета М. Крейтон (M. Creighton, 1843–1901) и Ф.У. Мейтленд. М. Крейтон, епископ Лондонский, в то время бывший профессором церковной истории в Кембридже, первым заметил склонность М. Бейтсон к научным исследованиям в области истории. По его предложению, еще будучи студенткой, она написала выпускную диссертационную работу «*Monastic Civilization in the Fens*», признанную лучшей на курсе и удостоенную в 1887 г. награды колледжа [18, р. 111]. Именно М. Крейтон повлиял на выбор первой темы научного исследования М. Бейтсон – истории монашества. Следуя добрым намерениям, он удерживал ее от растраты энергии на общественную деятельность по предоставлению избирательного права женщинам, которой она отдавала слишком много времени, и убеждал ее в том, что основным делом ее жизни было «написание подлинной истории» и следование карьере ученого [19, р. 108–109].

В 1891 г. М. Крейтон стал епископом Питерборо, и наставничество М. Бейтсон в ее исследованиях перешло к Ф.У. Мейтленду, профессору права Даунинг-колледжа (Downing College) Кембриджского университета, под руководством которого она стала заниматься преимущественно изучением средневековых городов и локальной историей Англии, сохранив при этом верность «монашеской» теме до конца своей жизни. В выборе «городской» тематики сказалось сильное

впечатление, которое произвела на нее знаменитая монография Ф.У. Мейтленда «*Domesday Book and Beyond*» [20], в которой истории английских средневековых городов уделялось большое внимание. В трактовке истории происхождения городов в Британии она вслед за Ф.У. Мейтлендом отдавала предпочтение гарнизонной теории, военному аспекту повсеместного возникновения городов как укрепленных пунктов – бургов. Принято считать, что своими исследованиями М. Бейтсон внесла существенный вклад в британскую урбанистику, «пролив свет на многие спорные вопросы» [21, р. 65].

Ф.У. Мейтленд сыграл определяющую роль в формировании М. Бейтсон как ученого. От него она восприняла любовь к правовым источникам, методику и технику работы с документами, веру в то, что «только юридические источники являются лучшими, часто единственными свидетельствами для социальной и экономической истории, истории нравственности, истории действующей религии» [22, р. 3], пристрастие к публикации архивных материалов и любовь к работе в архивах, понимание ценности и значимости введения их в научный оборот, внутреннюю потребность в изучении древних языков. Она стала преданной ученицей Ф.У. Мейтленда [18, р. 111].

Медиевистические исследования предполагали систематическую работу в архивах разных городов и библиотеках разных университетов Великобритании, поэтому М. Бейтсон часто покидала Кембридж и подолгу отсутствовала в своем колледже. Но и в Кембриджской библиотеке случались раритетные находки – здесь среди старинных манускриптов она обнаружила тексты неопубликованных до того времени поэм английского поэта XV в. Дж. Эшби, подготовила рукописи к изданию, и в 1899 г. издала их [23].

Вторым обязательным условием успешной исследовательской работы являлась квалифицированная языковая подготовка, которой М. Бейтсон уделяла серьезное внимание. Она много и упорно работала над совершенствованием латинского, средневекового английского и старофранцузского языков [24, р. 37], что позволило ей издавать архивные тексты на языках оригинала. В 1892 г. ею были опубликованы первые печатные издания рукописей англосаксонского аббата XI в. Элфрика Грамматика в приложении к работе Дж. Китчина, которые считались лучшим изданием текстов, раскрывающих суть бенедиктинской реформы английской церкви X в. вплоть до 1984 г. [25].

В научной деятельности М. Бейтсон четко прослеживаются два крупных направления деятельности – работа в британских архивах и публикация источников по истории английского Средневековья, в контексте общей тенденции той поры в британской историографии, связанной с «открытием» архивов с целью детализации исторического нарратива, и собственно исследовательское направление – издание монографий и научных статей. Изучение творческой биографии М. Бейтсон позволяет утверждать, что ни одно из них не являлось доминирующим – М. Бейтсон была плодотворна и успешна и как публикатор источников, и как исследователь, заявив о себе как о состоявшемся ученом-медиевисте, специалисте в изучении «монастырской», «религиозной» и «городской» проблематики.

Под влиянием суфражистских взглядов в истории средневековых английских монастырей М. Бейтсон отдавала предпочтение изучению женских и «двойных» монастырей со смешанным гендерным составом. Уже в своей первой публикации 1889 г. по этой тематике, выполненной для Норфолкского и Нориджского Археологического общества, М. Бейтсон проявила себя тонким и глубоким знатоком уникальных архивных материалов. Эта работа была посвящена публикации регистра XIII–XV вв. августинского женского монастыря в Норфолке, основанного в XII в., и является единственной вплоть до настоящего времени [26].

Тема средневековых монастырей получила развитие в многочисленных публикациях М. Бейтсон в научном журнале «The English Historical Review» (около 50 работ), одним из основателей которого был Ф.У. Мейтленд, а редактором в то время – М. Крейтон. Первой ее работой, в которой поднималась проблема женских монастырей, стала статья «Pilgrimage of Grace», посвященная широкому протестному движению 1530-х гг. в Англии против разрыва с католической церковью, осуществленного Генрихом VIII [27]. Истории возникновения и раннего развития английских «двойных» монастырей в XII в. М. Бейтсон посвятила специальное исследование «Origin and Early History of Double Monasteries» [28]. В рамках этой проблематики большой интерес представляет публикация каталога библиотеки Сионского монастыря, основанного в 1415 г. королем Генрихом V [29] и пострадавшего в период Реформации Генриха VIII, и собрания писем английских аббатов Тайному Совету Англии,

отражавших их видение церковной ситуации в стране 1560-х гг. [30].

«Городская» тематика в работах М. Бейтсон, тесно связанная с локальной историей, нашла отражение в публикациях архивных материалов и специальных исследованиях. В конце 1890-х гг. по поручению общины города Лестера, главного города диоцеза М. Крейтона, она подготовила и опубликовала под руководством Ф.У. Мейтленда три объемных тома «Records of the Borough of Leicester» [31], содержащих источники 1103–1327, 1327–1509, 1509–1603 гг. Изданию было предпослано научное предисловие, демонстрирующее глубокое понимание автором содержания этих текстов. Коллеги М. Бейтсон всегда отмечали ее талантливо и профессионально писанные предисловия, подчеркивая, что они представляли собой самостоятельные научные исследования и являлись образцом содержательности и четкости аргументации [21, р. 65]. Мастерство написания предисловий М. Бейтсон переняла от своего учителя Ф.У. Мейтленда, являвшегося автором многочисленных научных предисловий к широко известным публикациям правовых источников по истории средневековой Англии. Одно из них было написано Ф.У. Мейтлендом совместно с М. Бейтсон публикации «The Charters of the Borough of Cambridge» [32], в которой он выступил в качестве инициатора, научного руководителя и куратора издания грамот города Кембриджа, начиная с Генриха I, за что был удостоен 1 января 1901 г. Советом этого города высокого звания «Почетного фримена города Кембриджа» [32].

Спустя несколько лет М. Бейтсон издала совместно с У. Каннингемом (W. Cunningham, 1849–1919), известным британским историком-экономистом, источники XIII – XIV вв. по истории торговых гильдий города Кембриджа «The Cambridge Gild Records» [33], являющиеся ценными материалами по социально-экономической истории средневековой Англии. Для Кембриджского Археологического общества М. Бейтсон издала в 1903–1905 гг. 2 тома «Grace Book B» [34] в латинском оригинале, в которых содержались неизвестные ранее постановления администрации Кембриджского университета XV – XVI вв. (т.1 – 1488–1511 гг.; т. 2 – 1511–1544 гг.) о присвоении степеней преподавателям, назначении на должности, финансовые документы и резолюции научных дискуссий. Публикация этого труда имела огромное значение для изучения

Кембриджской университетской истории, сохраняющееся и поныне.

Последним и наиболее весомым вкладом М. Бейтсон в изучение городской истории стали 2 тома «Borough Customs», предваренные тщательно проработанными содержательными предисловиями, в традициях Ф.У. Мейтленда, и изданные «Сэлденским обществом» [35]. Метод систематизации фрагментов источников М. Бейтсон может быть оценен лишь теми, кто знал, каким колоссальным объемом материалов она оперировала: в двух томах, более 700 страниц, опубликованы тысячи текстов городских обычаев 85 городов и местечек средневековой Англии, отчасти Шотландии, Ирландии и Уэльса – записи обычаев, хартии, выдержки из документации городских и манориальных судов и др., собранных М. Бейтсон в течение нескольких лет по различным архивам и частным коллекциям источников. Эти оригинальные тексты были составлены на латинском, французском, английском языках и содержали обилие специальной юридической терминологии XI–XVI вв. Поистине историческое значение публикации «Borough Customs» состояло в том, что обычаи играли базовую роль в становлении и развитии общего, национально-государственного права Англии, развивавшегося на национальной почве как право феодальное, а также – важную роль в формировании обычного, прецедентного, статутного и канонического права на Британских островах. Кроме того, представленные в «Borough Customs» архивные материалы являлись превосходными источниками по истории повседневной жизни англичан эпохи Средневековья.

Ф.У. Мейтленд высоко оценил труд своей ученицы. Он предвидел, что «Borough Customs» М. Бейтсон займет достойное место «на полке с трудами Мэдокса и Сэлдена – «History of the Exchequer» и «History of Tithes». «Ни Томас Мэдокс, ни даже Джон Сэлден не смогут отказаться от соседства с работой Мэри Бейтсон» [16, p. 249].

Яркость и индивидуальность трудов М. Бейтсон способствовали широкой популяризации знаний по английской средневековой истории. Она проявила себя как медиевист и новист. К работам такого рода можно отнести талантливо написанные исследования: «Mediaeval England, 1066–1350», «Social Life, 1509–1558», «The French in America, 1608–1744» и др. [36].

М. Бейтсон внесла значительный вклад в британскую биографистику, опубликовав между

1885 и 1900 гг. 109 биографических статей для «Словаря национальной биографии», предметом изучения которых «...были мужчины: священники, монахи, дворяне. Некоторые статьи относились к англосаксонскому периоду или раннему новому времени; большая часть касалась англонормандского периода и высокого средневековья». Она не написала статей о женщинах для «Словаря». Статья о ней самой появилась в этом издании уже после ее смерти [17, p. 70].

Незадолго до смерти, в 1905 г., удостоившись престижного Уорбертон-лекторства (Warburton lectureship), М. Бейтсон прочитала две лекции о сохранении древних обычаев в английском городском праве [37] в Манчестерском университете в качестве приглашенного преподавателя.

Миловидная, независимая, доброжелательная в отношениях с людьми, М. Бейтсон не создала семьи, не была замужем, не имела детей и оберегала своё личное пространство от любого постороннего вторжения. Она любила уединение, необходимое для серьезной научной работы, но не была одинока. Когда она не была в отъезде, то жила в своем маленьком доме на Хантингтон Роуд в окружении своих любимых книг [38, p. 6].

М. Бейтсон умерла в возрасте 41 года, в расцвете сил и творческих замыслов, 30 ноября 1906 г. от кровоизлияния в мозг, в частной больнице Кембриджа. Погребальная служба состоялась в часовне Сент-Джонс колледжа. Она была похоронена на кладбище Кембриджа, Histon Road. На медной табличке скромного надгробного памятника начертаны слова: «Мэри Бейтсон. Родилась 12 сентября 1865 г. Умерла 30 ноября 1906 г.» [18, p. 111].

Известие о безвременной кончине М. Бейтсон потрясло академическое сообщество Англии, частью которого она была [17, p. 74]. Коллеги посвятили ей многочисленные некрологи, опубликованные в ведущих национальных политических и научных изданиях [39], в которых отмечали ее колоссальную работоспособность и научную продуктивность, высокие морально-нравственные и профессиональные качества, большой вклад в развитие медиевистики. И только в некрологе Э. Макартур (E.A. McArthur), коллеги М. Бейтсон по Гиртон-колледжу, опубликованном в женской газете «The Queen», упоминалась ее активная и многолетняя общественная деятельность на поприще суфражизма [40]. Британское академическое сообщество ценило М. Бейтсон за ее достижения в научной сфере, запомнило и почтило ее память как ученого. У

входа в библиотеку Ньюэм-колледжа установлен бюст, созданный сестрой М. Бейтсон – Эдит Бейтсон, изображающий ее за чтением книги [17, р. 74].

Мэри Бейтсон прожила короткую и яркую жизнь, насыщенную систематической научной и общественной работой, которую она любила и которой была предана. Благодаря ей, блестящей ученице Ф.У. Мейтленда, история английского Средневековья стала полнее, разностороннее и глубже.

Литература и примечания

1. Сидорова Т.А. Фредерик Уильям Мейтленд и английская историография критического направления. Конец XIX – первая половина XX вв. СПб.: Алетея, 2014. 696 с.

2. Elton G.R. Frederic William Maitland. London: Weidenfeld and Nicolson, 1985. 118 p.

3. Fisher H.A.L. Frederic William Maitland, Downing Professor of Laws of England. A Biographical Sketch. Cambridge: University Press, 1910. 179 p.

4. Bell H.E. F.W. Maitland. A Critical Examination and Assessment. London: Adam and Charles Black, 1965. 150 p.

5. Macfarlane A. The Making of the Modern World: Visions from the West and East. Palgrave, 2002. 336 p.

6. Савин А.Н. Памяти Мэйтленда // Русская мысль. М., 1907. Кн. 10. С. 80–106.

7. Bateson M. (ed.). Records of the Borough of Leicester: Being a Series of Extracts from the Archives of the Corporation of Leicester. 3 vols. London: University Press, 1899–1901. Vol. 3. 588 p.; Bateson M. (ed.). Borough Customs, 2 vols. Selden Society Publications, 1904–1906. Vol. 2. 358 p.; Maitland F.W., Bateson M. (ed.). The Charters of the Borough of Cambridge: edited for the Council of the borough of Cambridge and the Cambridge Antiquarian Society. Cambridge: University Press, 1901. 264 p.; Bateson M. The Origin and History of Doble Monasteries // Transactions of the Royal Historical Society. 1899. Vol. 13. P. 137–198; Bateson M. Medieval England, 1066–1350. London, 1903. 488 p.

8. Taylor E., Weaver G. Helen Cam (1885–1968): Charting the Evolution of Medieval Institutions // Women Medievalists and the Academy. J. Chance (ed.). The University of Wisconsin Press, 2005. Chapter 19.

9. Personal Papers of Helen Maud Cam. Available at: <http://janus.lib.cam.ac.uk/db/node.xsp?id=EAD%2FGBR%2F0271%2FGCPP%20Cam> (accessed December 6, 2020).

10. Cam H.M. Studies in the Hundred Rolls: Some Aspects of Thirteenth-century Administration. Oxford: Clarendon Press, 1921. 472 p.; Cam H.M. The Hundred

and the Hundred Rolls: an Outline of Local Government in Medieval England. London: Methuen, 1930. 344 p.; Cam H.M. Liberties and Communities in Medieval England: Collected Studies in Local Administration and Topography. Cambridge: University Press, 1944. 267 p.; Cam H.M. Law-Finders and Law-Makers in Medieval England: Collected Studies in Legal and Constitutional History. London: Merlin Press, 1962. 240 p.; Cam H.M. England before Elizabeth. London; New York: Hutchinson's University Library, 1950. 184 p.; Cam H.M. What of the Middle Ages is Alive in England Today. The John Coffin Memorial Lecture Delivered before the University of London on 8 December 1960. London: Athlone Press, 1960. 36 p.

11. Hastings M., Kimball E.G. Two Distinguished Medievalists – Nellie Neilson and Bertha Putnam // The Journal of British Studies. 1979. № 18 (2). P. 144–147.

12. Day D. The Justices' Chronicler: Bertha Putnam (1872–1960) // Women Medievalists and the Academy. J. Chance (ed.). The University of Wisconsin Press, 2005. Chapter 12.

13. Putnam, Bertha Haven (1872–1960) – Medieval History – School, Peace, College, and Published – JRank Articles. Available at: <http://encyclopedia.jrank.org/articles/pages/4761/Putnam-Bertha-Haven-1872-1960.html> (accessed December 6, 2020).

14. Putnam B.H. The Enforcement of the Statutes of Labourers During the First Decade After the Black Death, 1349–1359. New York: Columbia University, Longmans, Green & Co., 1908. 713 p.; Putnam B.H. Early Treatises on the Practice of the Justices of the Peace in the Fifteenth and Sixteenth Centuries. Oxford: Clarendon Press, 1924. 424 p.

15. Archives Hub: University of Manchester Special Collections (ELGAR), Papers of Mary Bateson. Available at: <https://archiveshub.jisc.ac.uk/manchesteruniversity/archives/1c65c406-da8c-3b69-b767-8ca169c3fea8> (accessed December 6, 2020).

16. Maitland F.W. Mary Bateson. The Collected Papers of Frederic William Maitland, by H.A.L. Fisher. Cambridge, 1911. Vol. III.

17. Dockray-Miller M. Mary Bateson (1865–1906): Scholar and Suffrage, Women Medievalists and the Academy. J. Chance (ed.). The University of Wisconsin Press, 2005. Chapter 5. P. 67–78.

18. Tout T.F. Mary Bateson // Dictionary of National Biography. 1912. Vol. 1. P. 110–112.

19. Creighton L. Life and Letters of Mandell Creighton, 1843–1901. In 2 vols. London; New York: Longmans, Green, 1905. Vol. 1. P. 108–109.

20. Maitland F.W. Domesday Book and Beyond: Three Essays in the Early History of England. Cambridge: University Press, 1897. 548 p.

21. *Poole R.L.* Mary Bateson // *The English Historical Review*. 1907. Vol. XXII, № LXXXV. P. 64–68.
22. *Maitland F.W.* The Materials for English Legal History // *The Collected Papers of F. W. Maitland* by H. A. L. Fisher. Cambridge, 1911. Vol. II. P. 1–60.
23. *Bateson M.* (ed). *George Ashby's Poems*. Edited from two 15th century MSS. at Cambridge by Mary Bateson. London, 1899. 600 p.
24. *Gardner A.* In Memoriam. Mary Bateson // *Newnham College Letter*. 1906. P. 34–39.
25. *Bateson M.* Ælfric's Letter to the Monks of Eynsham. *Compotus Rolls of the Obedientiaries of St. Swithun's Priory, Winchester*, from the Winchester Cathedral Archives. Transcribed and Edited, with an Introduction on the Organisation of a Convent, by G.W. Kitchin. London: Simpkin & Co., 1892. 540 p.
26. *Bateson M.* (ed.). *The Register of Crabhouse Nunnery // Norfolk Archaeology*. 1892. № 11. P. 1–71.
27. *Bateson M.* The Pilgrimage of Grace // *The English Historical Review*. 1890. Vol. V, № XVIII. P. 330–345.
28. *Mary Bateson.* Origin and Early History of Double Monasteries // *Transactions of the Royal Historical Society*. New Series. Cambridge University Press, 1899. Vol. 13. P. 137–198.
29. *Bateson M.* *Catalogue of the Library of Syon Monastery, Isleworth Syon Abbey*. London, Cambridge: Corpus Christy College, 1898. 311 p.
30. *Bateson M.* (ed.). *A Collection of Original Letters from the Bishops to the Privy Council, 1564*. Printed for the Camden Society. *Camden Miscellany*, 1893. Vol. IX. P. 6–84.
31. *Bateson M.* *Records of the Borough of Leicester; being a Series of Extracts from the Archives of the Corporation of Leicester*. London: Cambridge University Press, 1899–1905. 3 vols.
32. *Maitland F.W., Bateson M.* (ed.). *The Charters of the Borough of Cambridge*. Introduction by F.W. Maitland. Cambridge, 1901. P. VII–XXXVII.
33. *Bateson M.* (ed.). *The Cambridge Gild Records*. Cambridge: Cambridge Antiquarian Society, 1903. 226 p.
34. *Bateson M.* (ed). *Grace Book B, 1488–1511*. Luard Memorial Series. Cambridge: University Press, 1903–1905. Vol. II, part 1. 1903, 348 p.; vol. III, part 2, 324 p.
35. *Bateson M.* (ed). *Borough Customs // The Publications of Selden Society*. 1904. Vol. I. 356 p.; 1906. Vol. 2. 358 p. (В отечественной историографии исследованию «Borough Customs» посвящена единственная монография д.и.н. М.В. Винокуровой «Обычаи малых городов средневековой Англии», М., 2020, в печати).
36. *Bateson M.* *Mediaeval England, 1066–1350*. London; New York, 1905. 482 p.; *Bateson M.* *Social Life, 1509–1558 // Social England*. In 6 vols. London, 1895–1897. Vol. III; *Bateson M.* *The French in America, 1608–1744, ch. 3 // The Cambridge Modern History*. Cambridge, 1903. Vol. VII. P. 70–113.
37. *Bateson M.* *Survival of Ancient Customs in English Borough Law, 1905 // Archives Hub: University of Manchester Special Collections (ELGAR), Papers of Mary Bateson*. Available at: <https://archiveshub.jisc.ac.uk/manchesteruniversity/archives/1c65c406-da8c-3b69-b767-8ca169c3fea8> (accessed December 6, 2020). (Архив М. Бейтсон, созданный в середине 1890-х – 1929 гг., хранится в John Rylands Library Манчестерского университета и включает 26 наименований и 9 серий материалов на латинском и английском языках. Он содержит материалы научных исследований, рукописные заметки М. Бейтсон, относящиеся к ее публикациям и лекциям по средневековой истории Англии с середины 1890-х гг. вплоть до ее смерти в 1906 г.)
38. *Tout T.F.* Mary Bateson // *Manchester Guardian*. 1906. December 3. P. 6.
39. *The Times*. 1906. December 1; *Creighton L.* Death of Mary Bateson // *Newnham College Letter*. 1906. P. 32–33; *Gardner A.* In Memoriam – Mary Bateson // *The Newnham College Letter*. 1906. P. 34–39; *McArthur E.A.* In Memoriam. Mary Bateson, 1865–1906 // *The Queen: The Lady's Newspaper*. 1906. December 8. P. 1033; *Poole R.* Mary Bateson // *The English Historical Review*. 1907. № 22. P. 64–68; *Tout T.F.* Mary Bateson // *The Manchester Guardian*. 1906. December 3. P. 6; *Maitland F.W.* Mary Bateson // *The Athenaeum*. 1906. December 8. P. 736 (Некролог Ф.У. Мейтленда перепечатан в «The Collected Papers of Frederick William Maitland», ed. H.A.L. Fisher. Cambridge: University Press, 1911. Vol. III. P. 541–543).
40. *McArthur E.* In Memoriam. Mary Bateson, 1865–1906 // *The Queen: The Lady's Newspaper*. 1906. December 8. P. 1033.

References

1. Sidorova T.A. (2014). *Frederic William Maitland and British Historiography of the Critical Trend. The End of the 19th - the First Half of the 20th Century*. Saint Petersburg, Aleteiya, 696 p. (in Russian).
2. Elton G.R. (1985). *Frederic William Maitland*. London, Weidenfeld a. Nicolson, 118 p.
3. Fisher H.A.L. (1910). *Frederic William Maitland, Downing Professor of Laws of England*. A Biographical Sketch. Cambridge, University Press, 179 p.
4. Bell H.E. (1965). *F.W. Maitland. A Critical Examination and Assessment*. London, Adam and Charles Black, 150 p.
5. Macfarlane A. (2002). *The Making of the Modern World: Visions from the West and East*. Palgrave, 336 p.

6. Savin A.N. (1907). In Memory of Maitland. *The Russian thought*. Moscow, book 10, pp. 80-106. (in Russian).
7. Bateson M. (ed.). (1899-1901). *Records of the Borough of Leicester: Being a Series of Extracts from the Archives of the Corporation of Leicester*, 3 vols. London, University Press, vol. 3, 588 p.; Bateson M. (ed.). (1904-1906). *Borough Customs*, 2 vols. London, Selden Society Publications, vol. 2, 358 p.; Maitland F.W., Bateson M. (ed.). (1901). *The Charters of the Borough of Cambridge*: edited for the Council of the borough of Cambridge and the Cambridge Antiquarian Society. Cambridge, University Press, 264 p.; Bateson M. (1899). *The Origin and History of Doble Monasteries*. *Transactions of the Royal Historical Society*, vol. 13, December, pp. 137-198; Bateson M. (1903). *Medieval England, 1066-1350*. London, 488 p.
8. Taylor E., Weaver G. (2005). Helen Cam (1885-1968): Charting the Evolution of Medieval Institutions. *Women Medievalists and the Academy*. J. Chance (Ed.). The University of Wisconsin Press, ch. 19.
9. *Personal Papers of Helen Maud Cam*. Available at: <http://janus.lib.cam.ac.uk/db/node.xsp?id=EAD%2FGBR%2F0271%2FGCPP%20Cam> (accessed December 6, 2020).
10. Cam H.M. (1921). *Studies in the Hundred Rolls: some Aspects of Thirteenth-century Administration*. Oxford, Clarendon Press, 472 p.; Cam H.M. (1930). *The Hundred and the Hundred Rolls: an Outline of Local Government in Medieval England*. London, Methuen, 344 p.; Cam H.M. (1944). *Liberties and Communities in Medieval England: Collected Studies in Local Administration and Topography*. Cambridge, University Press, 267 p.; Cam H.M. (1962). *Law-Finders and Law-Makers in Medieval England: Collected Studies in Legal and Constitutional History*. London, Merlin Press, 240 p.; Cam H.M. (1950). *England before Elizabeth*. London, New York, Hutchinson's University Library, 184 p.; Cam H.M. (1960). *What of the Middle Ages is Alive in England Today, The John Coffin Memorial Lecture Delivered before the University of London on 8 December 1960*. London, Athlone Press, 36 p.
11. Hastings M., Kimball E.G. (1979). Two Distinguished Medievalists - Nellie Neilson and Bertha Putnam. *The Journal of British Studies*, No. 18 (2), pp. 144-147.
12. Day D. (2005). The Justices' Chronicler: Bertha Putnam (1872-1960). *Women Medievalists and the Academy*. J. Chance (Ed.). The University of Wisconsin Press, ch. 12.
13. Putnam, Bertha Haven (1872-1960) - Medieval History - School, Peace, College, and Published - JRank Articles. Available at: <http://encyclopedia.jrank.org/articles/pages/4761/Putnam-Bertha-Haven-1872-1960.html> (accessed December 6, 2020).
14. Putnam B.H. (1908). *The Enforcement of the Statutes of Labourers During the First Decade After the Black Death, 1349-1359*. New York, Columbia University, Longmans, Green & co., 713 p.; Putnam B.H. (1924). *Early Treatises on the Practice of the Justices of the Peace in the Fifteenth and Sixteenth Centuries*. Oxford, Clarendon Press, 424 p.
15. *Archives Hub: University of Manchester Special Collections (ELGAR), Papers of Mary Bateson*. Available at: <https://archiveshub.jisc.ac.uk/manchesteruniversity/archives/1c65c406-da8c-3b69-b767-8ca169c3fea8> (accessed December 6, 2020).
16. Maitland F.W. (1911). *Mary Bateson*. The Collected Papers of Frederic William Maitland, by H.A.L. Fisher. Cambridge, vol. III.
17. Dockray-Miller M. (2005). Mary Bateson (1865-1906): Scholar and Suffrage, Women Medievalists and the Academy. J. Chance (ed.). The University of Wisconsin Press, ch. 5, pp. 67-78.
18. Tout T.F. (1912). Mary Bateson. *Dictionary of National Biography*, vol. 1. pp. 110-112.
19. Creighton L. (1905). *Life and Letters of Mandell Creighton, 1843-1901*. 2 vols. London, New York, Longmans, Green, vol. 1, pp. 108-109.
20. Maitland F.W. (1897). *Domesday Book and Beyond: Three Essays in the Early History of England*. Cambridge, University Press, 548 p.
21. Poole R.L. (1907) Mary Bateson. *The English Historical Review*, vol. XXII, No. LXXXV, pp. 64-68.
22. Maitland F.W. (1911). The Materials for English Legal History. *The Collected Papers of F. W. Maitland by H. A. L. Fisher*. Cambridge, vol. II, pp. 1-60.
23. Bateson M. (ed.). (1899). *George Ashby's Poems. Edited from two 15th century MSS. at Cambridge by Mary Bateson*. London, 600 p.
24. Gardner A. (1906). In Memoriam. Mary Bateson. *Newnham College Letter*, pp. 34-39.
25. Bateson M. (1892). Aelfric's Letter to the Monks of Eynsham. *Comptus Rolls of the Obedientiaries of St. Swithun's Priory, Winchester, from the Winchester Cathedral Archives*. Transcribed and Edited, with an Introduction on the Organisation of a Convent, by G.W. Kitchin. London, Simpkin & Co., 540 p.
26. Bateson M. (ed.). (1892). The Register of Crabhouse Nunnery. *Norfolk Archaeology*, No. 11, pp. 1-71.
27. Bateson M. (1890). The Pilgrimage of Grace. *The English Historical Review*, vol. V, No. XVIII, pp. 330-345.
28. Mary Bateson. (1899). Origin and Early History of Double Monasteries. *Transactions of the Royal Historical Society. New Series*. Cambridge University Press, vol. 13, pp. 137-198.
29. Bateson M. (1898). *Catalogue of the Library of Syon Monastery, Isleworth Syon Abbey*. London, Cambridge, Corpus Christy College, 311 p.

30. Bateson M. (ed.). (1893). *A Collection of Original Letters from the Bishops to the Privy Council, 1564, printed for the Camden Society*. Camden Miscellany, vol. IX, pp. 6-84.
31. Bateson M. (1899-1905). *Records of the Borough of Leicester; being a Series of Extracts from the Archives of the Corporation of Leicester*. London, Cambridge University Press, 3 vols.
32. Maitland F.W., Bateson M. (ed.). (1901). *The Charters of the Borough of Cambridge*. Introduction by F.W. Maitland, pp. VII-XXXVII.
33. Bateson M. (ed.). (1903). *The Cambridge Gild Records*. Cambridge, Cambridge Antiquarian Society, 226 p.
34. Bateson M. (ed.). (1903-1905). *Grace Book B, 1488-1511, Luard Memorial Series*. Cambridge, University Press, vols. II and III, vol. II, part 1, 348 p.; vol. III, part 2, 324 p.
35. Bateson M. (ed.). (1904-1906). Borough Customs. *The Publications of Selden Society*, vol. I, 356 p.; vol. 2, 358 p. (In Russian historiography M. Bateson's "Borough Customs" is studied by Doctor of History M.V. Vinocurova in her monograph "The Customs of English Medieval Boroughs", Moscow, 2020, in print).
36. Bateson M. (1905). *Mediaeval England, 1066-1350*. London, New York, 482 p.; Bateson M. (1895-1897). *Social Life, 1509-1558. Social England*, 6 vols., London, vol. III; Bateson M. (1903). The French in America, 1608-1744, ch. 3. *The Cambridge Modern History*. Cambridge, vol. VII, pp. 70-113.
37. Bateson M. (1905). Survival of Ancient Customs in English Borough Law. *Archives Hub: University of Manchester Special Collections* (ELGAR), *Papers of Mary Bateson*. Available at: [https:// archiveshub.jisc.ac.uk/manchesteruniversity/archives/1c65c406-da8c-3b69-b767-8ca169c3fea8](https://archiveshub.jisc.ac.uk/manchesteruniversity/archives/1c65c406-da8c-3b69-b767-8ca169c3fea8) (accessed December 6, 2020). (M. Bateson's archive, founded in the 1890-1929s, is stored in John Rylands Library, the University of Manchester, and includes 26 items, 9 series in Latin and English. The archive chiefly comprises the research papers, notes and transcriptions of M. Bateson, relating to her publications and lectures on medieval history from the mid-1890s until her death in 1906).
38. Tout T.F. (1906). Mary Bateson. *Manchester Guardian*, December 3, p. 6.
39. *The Times*. (1906), December 1; Creighton L. (1906). Death of Mary Bateson. *Newnham College Letter*, pp. 32-33; Gardner A. (1906). In Memoriam – Mary Bateson. *The Newnham College Letter*, pp. 34-39; McArthur E.A. (1906). In Memoriam. Mary Bateson, 1865-1906. *The Queen: The Lady's Newspaper*, December 8, p. 1033; Poole R. (1907). Mary Bateson. *The English Historical Review*, No. 22, pp. 64-68; Tout T.F. (1906). Mary Bateson. *The Manchester Guardian*, December 3, p. 6; Maitland F.W. (1906). Mary Bateson. *The Athenaeum*, December 8, p. 736 (F.W. Maitland's obituary was reprinted in "The Collected Papers of Frederick William Maitland", ed. H.A.L. Fisher. Cambridge, University Press, 1911, vol. III, pp. 541-543).
40. McArthur E. (1906). In Memoriam. Mary Bateson, 1865-1906. *The Queen: The Lady's Newspaper*, December 8, p. 1033.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ ECONOMIC SCIENCES

УДК 378.1

doi 10.18522/2687-0770-2021-1-89-94

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В ВУЗОВСКОМ ОБУЧЕНИИ: ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ

© 2021 г. А.А. Паршина ^а, В.К. Королев ^а

^а Ростовский институт защиты предпринимателя, Ростов-на-Дону, Россия

FORMATION OF PROFESSIONAL CULTURE IN HIGHER EDUCATION: EXPERIENCE AND PROBLEMS

A.A. Parshina ^а, V.K. Korolev ^а

^а Rostov Institute of Businessman Protection, Rostov-on-Don, Russia

Паршина Анна Александровна –
кандидат юридических наук, доцент, ректор,
Ростовский институт защиты предпринимателя,
ул. Сержантова, 2/104, г. Ростов-на-Дону,
344029, Россия.
E-mail: rectorat@rizp.ru

Anna A. Parshina -
Candidate of Law, Associate Professor, Rector,
Rostov Institute of Businessman Protection,
Serzhantova Str., 2/104, Rostov-on-Don,
344029, Russia.
E-mail: rectorat@rizp.ru

Королев Владимир Константинович –
доктор философских наук, профессор,
Ростовский институт защиты предпринимателя,
ул. Сержантова, 2/104, г. Ростов-на-Дону,
344029, Россия.
E-mail: vkorolev@sfedu.ru

Vladimir K. Korolev -
Doctor of Philosophy, Professor,
Rostov Institute of Businessman Protection,
Serzhantova Str., 2/104, Rostov-on-Don,
344029, Russia.
E-mail: vkorolev@sfedu.ru

Изучается становление профессиональной культуры студентов; она рассматривается с целью совершенствования работы по ее формированию в учебном процессе в вузе (в частности в РИЗП на материале подготовки экономистов, юристов и таможенников). Профессиональная культура характеризуется как совокупность специальных знаний и практических умений человека как «работника», реализуемых в конкретном виде его социально значимой трудовой деятельности. Подчеркивается, что она базируется на общечеловеческих ценностях профессионала как «личности», поэтому формирование профессиональной культуры неотделимо от социогуманитарного развития студентов, осуществляемого в ходе изучения соответствующих дисциплин.

Любая профессиональная культура имеет свою организацию (в данном случае – вузовскую), которая строится по поводу той или иной профессиональной деятельности (в частности вузовского обучения), при этом она воплощает форму, которая подлежит «заливке» конкретным содержанием различных видов деятельности как социально институтированных профессий.

Обосновываются: введение спецкурса «Профессиональная культура», преодоление «ведомственной» дисциплинарности в изучении социогуманитарных и профессиональных дисциплин, повышение качества «формальной» подготовки студентов в условиях цифровизации и компьютеризации, развитие культуры вне коллективных форм профессиональной работы.

Ключевые слова: культура, общество, личность, профессия, экономика, право, таможенная деятельность, междисциплинарность.

The subject of the article is the formation of professional culture of students; it is considered in order to improve the work on its formation in the educational process at the University, in particular-in RIPB-on the material of train-

ing economists, lawyers and customs officers. The authors describe professional culture as a set of special knowledge and practical skills of a person as an "employee", implemented in a specific type of socially significant work, emphasize that it is based on the universal values of a professional as a «person». Therefore, the formation of professional culture is inseparable from the socio-humanitarian development of students, carried out in the course of studying the relevant disciplines.

According to the authors, any professional culture has its own organization (in our case - University), which is based on a particular professional activity (in particular, University training), while it embodies a Form that is subject to "filling" with the specific Content of various activities as socially institutionalized professions.

As conclusions, the following problems are substantiated: introduction of a special course "Professional culture"; overcoming "departmental" disciplinarity in the study of socio-humanitarian and professional disciplines; improving the quality of "formal" training of students in the conditions of digitalization and computerization; development of a culture of extracurricular forms of professional work.

Keywords: culture, society, personality, profession, economy, law, custom activity, interdisciplinarity.

Трудности преодоления кризисной «нормальности» страны все более акцентированно выводят и «теоретиков», и «практиков» на проблему качества профессиональной деятельности всех участников социально-экономической жизни. Подготовка к ней целенаправленно осуществляется в системе высшего профессионального образования, которое приобретает компетентностный, практически ориентированный характер [1]. Можно выделить два уровня компетенций: специальные – знания и умения в рамках конкретной профессии, и общие – целостное отношение человека к своей профессиональной деятельности.

Подготовка к ней является главной задачей любого вуза. При этом нужно иметь в виду как разнообразие видов этой деятельности, так и то, что даже в рамках одной профессии ее содержание может меняться под влиянием и объективных, и субъективных факторов даже за время обучения студентов в вузе.

Но эти две «переменные» имеют свою «константу» – современная социально-экономическая деятельность так или иначе выступает как *профессиональная*. Главной, атрибутивной характеристикой любой профессии как ее разновидности является выделенность, специализация в системе разделения труда и институализация в соответствующих документах (в современной России, прежде всего в «Перечне профессий рабочих, должностей служащих, по которым осуществляется профессиональное обучение», утвержденном приказом Министерства образования и науки РФ от 02.07.2013 г. № 513 (с изменениями на 25.04.2019 г.).

Кроме того, любая профессия выступает реализацией той или иной «границы» культуры как способа жизни человека в обществе, требующего своего обеспечения во всех видах его деятельности. Обилие подходов к осмыслению культуры «вообще», ее определений, трактовок

позволяет в данной статье ограничиться таким ее пониманием.

В свете сказанного и возникает проблема так называемой *профессиональной культуры*. Цель статьи – обоснование проблемы формирования этой культуры в процессе вузовского обучения, что ставит задачу конкретизации теории и практики ее воспитания, обобщения наработанного опыта. В частности, она решается в подготовке студентов к современной профессиональной деятельности в Ростовском институте защиты предпринимателя (РИЗП). Происходит формирование как специфических компетенций в избранных сферах, так и профессиональной культуры как отношения к любому социально значимому делу вообще.

В «западном» социогуманитарном знании, то, что мы называем такой культурой, имеет солидные традиции своего осмысления, главным образом в экономике, прежде всего в тематике менеджмента. В частности, в исследованиях И. Ансоффа, Т. Питерса, Р. Уотермана и других она анализируется в рамках организационно-управленческой деятельности, а также с точки зрения комплекса социальных ролей, выполняемых в системе общественного производства (Г. Минцберг, Д. Маккен, Ч. Марджарисон и др.) [2].

В этой традиции то, что мы называем профессиональной культурой имеет свои «ипостаси», с которыми она часто отождествляется. В частности, можно выделить проблематику *корпоративной культуры, этики делового общения, культуры фирмы* (П. Вейл, Э. Джонс, С. Дэвис, Д. Зоннефельд, Х. Шварц и др.), *инноватики* (С. Бадингер, Г. Тондл), *гендерную* (Л. Хао-минг), *образовательную* (И. Стефани), *экономики знаний* (Ф. Мечлуп, Л. Сароу), и др.

Наиболее значимой и популярной социальной-институциональной «ипостасью» профессиональной культуры (в отличие от «профессио-

нально-личностной») в западных исследованиях является так называемая *организационная* культура, которая воплощает реализацию различных моделей профессионального поведения в различных организациях с целью повышения эффективности их работы (О. Шейн, Г. Харрисон, М. Шумар и др.) В связи с этим формулируются некие совокупные требования к работе профессионально компетентного персонала. В нашей литературе в основном обобщаются западные наработки по проблематике этой культуры с целью их адаптации к российским реалиям (работы С. А. Андреева, О. Б. Бетина, О. В. Стекловой, Т. И. Сафарова, В. А. Спивак, О. В. Шагаева, С. В. Щербины, С. А. Шапиро и др.). Обобщая и уточняя имеющиеся представления, можно полагать, что организационная культура воплощает образ профессиональной деятельности, которая в обществе всегда имеет ту или иную организацию [3]. Прежде всего речь идет о деятельности экономической.

В отечественной литературе по тематике профессиональной культуры в целом значимы научные позиции А.А. Вербицкого, Г.М. Евелькина, И.А. Зимней, И.Ф. Исаева, В.С. Комбарова, А.И. Кравченко, И.М. Моделя, В.А. Сластинина, Н.Н. Старцева и других, которые рассматривают эту культуру главным образом с образовательных и гуманитарных позиций, как систему ценностей той или иной деятельности, имеющей профессиональное институирование.

Специальный анализ понятия «профессиональная культура» не входит в наши намерения, тем более что отмеченная («классическая») ситуация многоопределенности понятия «культура» вообще избавляет от поиска «единственно верного» определения ее видового понятия «культура профессиональная». Ограничимся ее авторским «рабочим» определением как социогуманитарного единства специальных знаний, убеждений и практических умений, реализуемых в конкретном виде трудовой жизнедеятельности человека, включенной в систему общественного разделения труда. В современной отечественной экономике характеристики этого единства формально фиксируются так называемым «квалификационным разрядом» [4]. В нашем видении проблемы акцентируется то важное, но почти не рассматриваемое экономистами обстоятельство, что профессиональная культура базируется на «общей» культуре человека не просто как работника, а как *личности*, сформированной социальной средой; поэтому

воспитание профессиональной культуры неотделимо от социогуманитарного развития человека, проявляемого в его отношении к любой своей работе как делу, в котором реализуются общественные ожидания и личностные интенции.

Итак, любая профессиональная культура имеет свою организацию (в нашем случае – вузовскую), которая строится по поводу той или иной профессиональной деятельности (в частности вузовского обучения). Кроме того, полагаем, что эта культура воплощает форму, которая подлежит «залитке» конкретным содержанием различных видов деятельности как социально институированных профессий.

Перейдем к проблематике формирования профессиональной культуры в учебном процессе в вузе. Поскольку в исследованиях этой культуры речь идет почти всецело об экономической сфере, возникают вопросы формирования у студентов культуры *экономической*. В ее трактовке мы опираемся на имеющиеся в литературе обобщенные представления [5] и на нашу «рабочую» трактовку экономической культуры как системы ценностей, определяющих образ и мотивы экономической жизнедеятельности человека в обществе.

В РИЗП она формируется в процессе изучения экономических дисциплин, при наличии спецкурса «Экономическая культура». Повторимся – традиционно собственно профессиональная культура выражает участие человека в экономической жизни с точки зрения ее конкретной профессионализации в деятельности ее различных институтов – корпораций, предприятий, фирм и не претендует на большее.

Понятия «профессиональная культура» и «культура экономическая» нельзя ни отождествлять, ни разделять, они: а) «взаимопересекаются» (как логические круги Эйлера-Венна) – экономическая культура всегда имеет свою профессиональную конкретизацию, а профессиональная, как правило, имеет аспект экономический (хотя бы воплощаемый оплатой труда); б) в целом (используя аналогию с «матрешкой») первое понятие шире второго, ибо профессиональный аспект присущ любой деятельности, не только экономической (например, военной, художественной, даже религиозной), хотя все они имеют свой экономический аспект. Поэтому изучение экономики в вузе проецируется не только на профессиональную деятельность будущих экономистов, но и на студентов всех специальностей.

Поскольку экономическая (как, в прочем, и любая общественная) деятельность осуществляется в той или иной социально-политической жизни, она так или иначе регулируется действующим законодательством. Это делает неизбежным формирование соответствующей «ипостаси» профессиональной культуры – культуры *правовой*. Эта культура в РИЗП формируется в процессе изучения будущими юристами-бакалаврами специальных дисциплин, спецкурсом «Правовая культура»; магистры изучают и «Философию права». Не входя в рассмотрение собственно понятия «правовая культура», имеющего большую литературу, здесь лишь отметим авторскую позицию: ее можно охарактеризовать как меру развития человека как субъекта правовой деятельности и объекта приложения права, воплощающую отношение к Закону как к культурной ценности [6]. Эта культура выступает как конкретизация способности человека соотносить свои интересы, свою деятельность с интересами и делами других людей, государства, общества в целом, представленными Законом, в любом виде деятельности.

Формирование правовой культуры в учебном процессе осуществляется не только для будущих юристов; право обеспечивает любую профессиональную деятельность (в частности, «Трудовой кодекс»), поэтому правовой аспект (как и экономический) так или иначе рассматривается в подготовке студентов всех специальностей.

Но особенно это проявляется в вузовской подготовке *таможенников*, в будущей профессиональной деятельности которых проблематика экономической и правовой культур содержательно «пересекается» (сталкивается) в их профессиональной культуре. Ей, в отличие от культур экономической и правовой, специального теоретического внимания уделяется меньше. Можно назвать лишь работы Н.М. Блинова, В.Б. Иванова, К.Э. Голомазова, Е.Д. Грязнова, В.Б. Кухаренко, В.А. Савенкова [7]. К ним можно добавить «Кодекс чести таможенника Российской Федерации», установки, содержащие некоторые модельные требования, предъявляемые к работникам таможни в их должностных инструкциях. Поэтому по данной профессиональной культуре целесообразны некоторые авторские дополнения. Поскольку таможенная деятельность официально является сферой *внешнеэкономической* деятельности, отметим, прежде всего, экономический аспект професси-

ональной культуры таможенников. Полагаем, для прояснения вопроса о специфике ее экономической составляющей представляется целесообразным опираться на имеющееся структурирование элементов экономической культуры, ее конкретизацию в деятельности таможенного сообщества [8].

Вместе с этим его представители практически работают на основе соответствующего законодательства, которое не предполагает понимания содержания контролируемых им экономических процессов; такое качество их профессиональной деятельности знаменует реализацию в ней специфической *правовой* культуры, которая выступает как грань их культуры профессиональной [9].

Это формирует главную, на наш взгляд, проблему профессиональной таможенной культуры – взаимодействие в ней культур экономической и правовой. Как уже отмечалось, таможенная деятельность «проходит» по экономическому ведомству. Примечательно, что в упомянутом «Кодексе чести таможенника» в первом пункте отмечается требование защиты *экономических* интересов страны (цель), а «*законоследовании*» (средство) есть требование пункта второго. Полагаем, эта ситуация нуждается в осмыслении и инструктивно-должностном регулировании, четко прописывающем, как должен вести себя таможенник в ситуации своего понимания экономической целесообразности и правовой состоятельности оформления тех или иных операций [10]. Это может формировать различные модели профессионального поведения таможенников. В свете сказанного специфику их профессиональной культуры можно понимать как интенцию содержательного осмысления сущности таможенной деятельности для «балансировки» в ней экономических и правовых аспектов, адекватной интерпретации соответствующих культур.

Высказанные соображения по поводу профессиональной культуры, ее экономической, юридической и таможенной «ипостасей» целесообразно осмысливать в методологии междисциплинарности [11]. Ее реализация в процессе вузовского обучения – дело новое и весьма сложное, оно не ограничивается уже хорошо отработанными межпредметными связями. Полагаем, что фундаментом той или иной профессиональной культуры, «заливка» которого осуществляется специальными знаниями той или иной сфер деятельности, является качество об-

щей культуры студентов. На этой основе возводятся первый «этаж» – развитие, провоцирование, поощрение добросовестного отношения студентов к своей учебе, являющейся их профессиональным делом во время учебы в вузе; его квалификационным «маркером» являются успеваемость, участие в общественной и научной жизни института. Второй «этаж» профессиональной культуры – приобщение к ценностям будущей конкретной профессиональной деятельности. Межпредметность в таком «строении» выступает своеобразным «лифтом», поднимающим студентов к искомому качеству их профессиональной культуры.

Сейчас трендом любой профессиональной деятельности является «цифровизация». Она все более пронизывает не только экономику, но все сферы жизни общества, что предъявляет новые, жесткие требования к «оформлению» любых видов профессиональной деятельности. Это повышает требования к качеству «делопроизводительной» подготовки студентов, в частности к оформлению их курсовых и дипломных работ, отчетов о практике, магистерских диссертаций и др. Здесь есть проблемы, ибо студенты в силу возраста не склонны к излишнему, на их взгляд, «формализму», поэтому его воспитание как «границы» современной профессиональной культуры требует специального внимания.

Коронавирусная пандемия обострила еще одну проблему формирования профессиональной культуры – осмысление изменения ее ценностей, сознания и поведения человека в связи с переходом на «дистанционную» работу. Это также влияет на качество данной культуры: она теряет свой коллективно-групповой характер, становится индивидуальной, что повышает требования к профессиональной ответственности в условиях отсутствия влияния рабочей среды, непосредственного «начальственного» контроля за работой.

Претендуя лишь на постановку проблемы формирования в процессе вузовского обучения профессиональной культуры будущих специалистов, сделаем краткие выводы:

1. Любая профессиональная культура имеет (в качестве имманентно присущих, хотя и не всегда рефлекслируемых) свои организационные, экономические и правовые составляющие, которые так или иначе базируются на «общей» культуре, формированием которой в вузе занимаются социально-гуманитарные дисциплины; их

изучение нужно целенаправленно ориентировать на будущую работу студента.

2. Поскольку специальное рассмотрение экономической и правовой культур в вузах не является обязательным, читаемые курсы и спецкурсы, обеспечивающие становление в процессе их изучения базисных для соответствующей профессиональной культуры знаний и умений, должны иметь содержательную корреляцию с необходимыми экономическими и правовыми знаниями.

3. Более того, целесообразно их обобщение в «параллельном» специальной подготовке курсе «Профессиональная культура», состоящем из трех разделов: а) экономическая культура; б) правовая культура; в) культура будущей специальности студента. Такой курс возможен на основе осмысления как характера любой профессиональной деятельности «вообще», так и специфики конкретных профессий. В процессе обучения следует на уровне учебных планов и рабочих программ ориентировать студентов на важность экономической и правовой составляющих их будущей работы по специальности.

4. Главными проблемами вузовского становления фундаментальной для любой профессии культуры являются: преодоление «ведомственной» дисциплинарной разобщенности изучения базисных курсов на основе социогуманитарной подготовки; усиление знакомства студентов с экономическими и правовыми аспектами будущей работы уже в ходе изучения профессиональных дисциплин; повышение качества «формальной» подготовки студентов для цифровизации, развития внеколлективных (дистантных) форм работы.

Литература

1. *Вербицкий А.А.* Инварианты профессионализма. Проблемы формирования. М. : Логос, 2016. 288 с.
2. *Кочергин В.Я.* Профессиональная культура и социальные технологии. Минск : БГУ, 2007. 178 с.
3. *Стеклова О. Е.* Организационная культура. Ульяновск : УлГТУ, 2007. 127 с.
4. *Комбаров В.С.* Профессиональная культура как способ реализации личности. М. : МГУ, 2007. 121 с.
5. *Евграфова О. В.* Экономическая культура: учеб. пособие. Ростов н/Д. : Российская таможенная академия, Ростовский филиал, 2010. 235 с.
6. *Паршин А.В., Королев В.К.* Правовая культура. Ростов н/Д. : Литфонд, 2005. 34 с.

7. Блинов Н.М., Иванов В.Б., Кухаренко В.Б. От культуры таможен – к таможенной культуре. М. : РТА, 2000. 128 с.

8. Евграфова О.В. Экономическая культура в образовательном контексте специалистов таможенной системы // Таможенная служба в социокультурном пространстве России: настоящее, прошлое, будущее. Ростов н/Д. : Российская таможенная академия, Ростовский филиал, 2010. С. 56–62.

9. Королев В.К. Правовая культура таможенника // Вестн. РТА. 2009. № 1. С. 28–35.

10. Евграфова О.В. Взаимодействие экономического и правового в профессиональной культуре должностных лиц таможенных органов // Материалы IX междунар. науч.-практ. конф. М.: МЦНО, 2017. № 6 (8). С. 104–110.

11. Клейнер Г.Б. Междисциплинарность в социально-гуманитарных исследованиях: новые парадигмы // Междисциплинарность в современном социально-гуманитарном знании : сб. науч. тр. Ч. 1 : Плennарные доклады. Ростов н/Д. : ЮФУ, 2016. С. 14–25.

References

1. Verbitsky A. A. (2016). *Invariants of professionalism. Problems of formation*. Moscow, Logos Publ., 288 p. (in Russian).

2. Kochergin V.Ya. (2007). *Professional culture and social technologies*. Minsk, BSU Press, 178 p. (in Russian).

3. Steklova O. E. (2007). *Organizational culture*. Ulyanovsk, UISTU Press, 127 p. (in Russian).

4. Kombarov B. S. (2007). *Professional culture as a way to realize the personality*. Moscow, MSU Press, 121 p. (in Russian).

5. Evgrafova O. V. (2010). *Economic culture: studies manual*. Rostov-on-Don, Russian customs Academy Press, Rostov branch, 235 p. (in Russian).

6. Parshin A.V., Korolev V.K. (2005). *Legal culture*. Rostov-on-Don, Litfond Publ., 34 p. (in Russian).

7. Blinov N. M., Ivanov V. B., Kukharensko V. B. (2000). *From the cult of customs - to customs culture*. Moscow, RTA Press, 128 p. (in Russian).

8. Evgrafova O. V. (2010). Economic culture in the educational context of specialists of the customs system. *Customs service in the socio-cultural space of Russia: present, past, future*. Rostov-on-Don, Russian customs Academy Press, Rostov branch, pp. 56-62. (in Russian).

9. Korolev V. K. (2009). Legal culture of the customs officer. *Vestnik RTA*, No. 1, pp. 28-35. (in Russian).

10. Evgrafova O. V. (2017). Interaction of economic and legal in the professional culture of customs officials. *Collection of the articles based on the Proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference*. Moscow, MCNO Press, No. 6 (8), pp. 104-110. (in Russian).

11. Kleiner G. B. (2016). Interdisciplinarity in social and humanitarian research: new paradigms. *Interdisciplinarity in modern social and humanitarian knowledge*. Collection of proceedings. Part 1. Plenary reports. Rostov-on-Don, SFU Press, pp. 14-25. (in Russian).

УДК 338.439.4

doi 10.18522/2687-0770-2021-1-95-100

FROM PRIORITY TO DIVERSITY: PROSPECT OF EDUCATIONAL COOPERATION FOR CHINESE AND RUSSIAN REGIONAL UNIVERSITIES

© 2021 Huang Zhidong ^a

^a Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

ОТ ПРИОРИТЕТА К РАЗНООБРАЗИЮ: ПЕРСПЕКТИВЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА КИТАЙСКИХ И РОССИЙСКИХ РЕГИОНАЛЬНЫХ УНИВЕРСИТЕТОВ

Хуан Чжидун ^a

^a Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Huang Zhidong -
Postgraduate,
Department of Innovation
and International Management,
Southern Federal University,
Gorkogo St., 88, Rostov-on-Don,
344002, Russia.
E-mail: chuan@sfnedu.ru

Хуан Чжидун –
аспирант,
кафедра инновационного
и международного менеджмента,
Южный федеральный университет,
ул. Горького, 88, г. Ростов-на-Дону,
344002, Россия.
E-mail: chuan@sfnedu.ru

Internationalization of higher education is a trend of future education. Chinese-Russian higher education cooperation has increased rapidly. The regional education cooperation between the China and Russia should be enhanced & promoted. The author's results of the questionnaire from the Chinese students of the Southern Federal University, in Rostov-on-Don, show that the satisfaction of education of Chinese students is very high, which will bring positive choice preference to regional institutes for bilateral education cooperation.

The survey shows, the international students' alternative for further education in Russia tends to diversify instead of priority. Based on the reality that the analysis reveals, regional universities of the Russian Federation should highlight its feasibility of international regional education cooperation, and create more positive and pragmatic strategies for realistic vulnerabilities. The goal is to improve the attractiveness of Russian education programs to foreign citizens, improve their conditions of stay while studying in Russia, and enhance the visibility and status of Russian education brands in the international education market.

Keywords: Chinese-Russian regional education cooperation, priority, diversity, regional universities, survey analysis, international education market, visibility and status of Russian education brands.

Интернационализация высшего образования является тенденцией образования будущего. Китайско-российское сотрудничество в сфере высшего образования быстро расширяется. Региональное сотрудничество в области образования между Китаем и Россией следует расширять и развивать. Результаты авторского анкетирования китайских студентов Южного федерального университета в Ростове-на-Дону показывают, что удовлетворенность китайских студентов обучением очень высока, что задает региональным институтам положительный вектор для двустороннего сотрудничества в области образования.

Опрос показывает, что альтернатива дальнейшему образованию со стороны иностранных студентов имеет тенденцию к диверсификации, а не приоритету. Исходя из реальности, которую демонстрирует анализ, региональные университеты Российской Федерации должны подтвердить целесообразность международного регионального сотрудничества в области образования, а также разработать более позитивные и прагматичные стратегии для ликвидации проблемных зон. Цель управления - повысить привлекательность российских образовательных программ для иностранных граждан, улучшить условия их пребывания во время обучения в России, а также повысить узнаваемость и статус российских образовательных брендов на международном рынке образовательных услуг.

Ключевые слова: китайско-российское региональное сотрудничество в области образования, приоритет, разнообразие, региональные университеты, анализ опроса, международный рынок образования, узнаваемость и статус российских образовательных брендов.

Introduction

In the last two decades, Russia Federation and People's Republic of China strengthen economic ties and enhance cultural exchanges which promotes regional education cooperation. Personal satisfaction by evaluating of academic quality and infrastructure will affect choice preference when international students choose destination abroad. In order to identify the satisfaction from international students, based on evaluation of academic quality and infrastructure, a survey is implemented in 2019. This paper is the second part of the survey¹.

In 2018 the bilateral trade between Russia and China amounts to \$107 billion. In terms of trade scale and structure, according to the statistics of the General Administration of Customs of China, the bilateral trade between China and Russia increased by 27.1% in 2018, ranking first among China's major trading partners. China continues to maintain its position as Russia's largest trading partner, and Russia is China's tenth largest trading partner [1].

Russia's unique culture has attracted more Chinese tourists. According to the information released during the fourth China Russia Mongolia Tourism Ministers' Meeting, in 2018, 2,414 million Russian citizens visited China, an increase of 3 % year on year. 2,037 million Chinese citizens visited Russia, up 21.3 % year on year [2].

Mutual economic interconnection and cultural attraction between China and Russia have created favorable conditions for expanding Sino-Russian educational cooperation. Regional education cooperation provides more opportunities to Chinese students to get better higher education in Russia. In 2019, there were 24,226 Chinese students studying at Russian universities, an increase of 23.6 % compared with 2018 [3].

Two decades ago, Chinese students took priority to study at universities located in Moscow or St. Petersburg, nowadays more than three hundred thousand Chinese students study in five hundred institutions located in eighty-five cities of Russia [4]. With the rapidly increase of the number of Chinese students, more and more Russian regional universities have taken part in regional education co-

operation. Consequently, regional education cooperation has been a trend from priority to diversity, which will make a great influence on the regional education cooperation between the Russian Federation and PRC.

For Russian regional universities, it is vital to get more international student market share from the trend of diversity to expand the scope of academic influence globally. In regard to regional universities, there is a need to research, what determine the possibility to attract more Chinese students and strengthen the regional education cooperation when they choose a regional university as their destination?

Methodology and Sample

Sociological research on this issue is implemented by questionnaires among one hundred and twenty Chinese students studying at Southern Federal University of Russia. The survey is comprised of twenty-three questionnaires; eleven of them are taken as samples for the sequel of another paper. The samples make it possible to trace the satisfaction of international students studying at a regional university in Russia Federation.

The aim of the second part of the survey is to identify the satisfaction of international students, based on personal evaluation of academic quality and infrastructure, after international students have studied at a regional university of the Russian Federation for three months. The analysis makes it possible to offer constructive advice to the Russian regional institutions for the policy-making of regional education cooperation.

Topics of the survey

Questionnaires are divided into several topics, such as satisfaction about courses and infrastructure, willingness to get further study at a regional university of Russia.

The research is based on these topics, focusing on personal satisfaction with educational quality, campus living and study which represent objective opinion about the regional education cooperation.

Participants

In order to compare the results of the survey, different participants have been chosen as far as

¹ Часть 2. Продолжение статьи: *Huang Zhidong*. Factors Influencing Chinese Student Preference Bias Towards Russian Regional Universities // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2020. № 1. С. 89–94.

possible: undergraduate, graduate, postgraduate. There are one hundred and twenty international students from China participating the survey, all of them are studying at Southern Federal University of Russia.

Response and representativeness

Considering the background of participants and dimensions of the questionnaires, we insist that the participation in the survey is anonymous and voluntary. The questions should be completed; one hundred and twenty completed responses have been taken back.

Analysis and discussion

According to the statistics, table 1 shows that eighty-two students, making up 68.3%, have inquired about the location and transportation of the university before they go to Russia which indicates that logistics has a powerful impact on regional education cooperation; and 41.7% of the students have contacted other students who have already studied in this university, which shows that impression from registered students will affect new comers' choice preference.

Table 1

Preparation students have made before they come to South Federal University / Подготовительные действия студентов, предпринятые перед поступлением в Южный федеральный университет

Preparation	Percentage
To check accommodation information	22.5
To inquire about the location and transportation of the university	68.3
To access to information about Russian culture	37.5
To make a budget for studying and living in Russia	43.3
To enquire Russian banking system	3.3
To contact students who have already studied in this university	41.7
To enquire the information on Russian life insurance	5.8
To inquire about telephone and Internet information of Russia	11.7
To learn Russian	58.3

For the academic quality, table 2 reveals that 80.8 % international students give positive response, only 19.2 % give negative response, which

shows that international students are very satisfied with the quality of Russian higher education.

Table 2

The academic quality students have received from the university / Академическая успеваемость студентов в университете

Quality	Percentage
Very good	31.7
Good	49.1
Very poor	19.2
Poor	0

For the satisfaction of accommodation, table 3 presents that 75 % of them are quite content, 25 % of respondents are disappointed. For the impression of the university life in Russia, table 4 shows that about 70 % international students give positive response.

Table 3

Suitability of the accommodation / Оценка пригодности жилья

Suitability	Percentage
Very suitable	30.0
Suitable	45.0
Not suitable	20.8
Not suitable at all	4.2

Table 4

Impression of the university life in Russia / Впечатление от университетской жизни в России

Impression	Percentage
Very good	26.7
Good	41.7
Poor	31.6
Very poor	0

Based on the satisfaction, table 5 tells us that more than 90 % international students will recommend Russia regional universities as study destination to other Chinese students.

Table 5

Willingness to recommend Russia regional university as a study destination to other students / Готовность рекомендовать российский региональный университет в качестве места обучения другим студентам

Willingness	Percentage
Definitely yes	19.2
Probably yes	71.7
Probably no	9.1
Definitely no	0

Although international students satisfied with academic quality and the accommodation, they have encountered various difficulties in life and study. It can be seen from table 6, a multiple-choice question that 28.3% international students have taken part in Russia fraternity, only 13.3% have taken part in university scientific projects and grants, 22.5% have taken part in university sport/culture projects, and 55.0 % have not taken part in any university activities.

Table 6

Participation in out-classes activity of the university / Участие во внеучебной деятельности вуза

Participation	Percentage
Taking part in Russia fraternity	28.3
Taking part in university scientific projects and grants	13.3
Taking part in university sport/culture projects	22.5
Other	55.0

Table 7, a multiple-choice question, presents the difficult things which have negative influence on study or living in Russia for international students from China. Living and cultural difference accounts for 50,8 %, language difficulty 58,3 %, and infrastructural conditions 37,5 % respectively.

Table 7

Difficult things which have negative influence on your study or living in Russia / Сложности, оказывающие негативное влияние на обучение или жизнь в России

Difficult things	Percentage
Living and cultural difference	50.8
Teaching standards and methodology	26.7
Language difficulty	58.3
Infrastructural conditions	37.5
Administrative rules	19.2
Other	9.2

Table 8 shows that 25.8% international students from China have willingness to continue education at a regional university of Russia, 21.7% will move to a capital university of Russia after graduation, and 31.7% will return to China.

Table 9 reveals the employment preference of international students, that 21.7 % international students want go to an academic institute, 49.1 % want to work as an employee in a company, and 21.7 % want to start up business by themselves.

Table 8

Willingness to continue education in Russia regional university / Готовность продолжить обучение в российском региональном вузе

Willingness	Percentage
To continue education at a regional university of Russia	25.8
To move to the capital university of Russia	21.7
To continue study in the other country	8.3
To return home and work/study	31.7
Other	12.5

Table 9

The way to apply what you have learned in Russia to practice after your graduation / Пути применения навыков на практике после окончания учебы в России

Ways	Percentage
To go to an academic institute	21.7
To work as an employee in a company	49.1
To work as a civil servant in China	1.7
To start up my business	21.7
Other	5.8

Table 10 includes the answers to a multiple-choice question. International students are required to choose some criteria they have taken into consideration for the selection of a regional university in Russia. It can be seen from the survey, 55 % choose world university rankings of the regional university, 27.5 % choose the quality of teachers/tutors of the regional university. For international students, to get better education is the most important factor to make the decision to study abroad in Russian regional institutions.

Table 10

Criteria students take into consideration for the selection of regional university in Russia / Критерии, которые принимаются во внимание студентами при выборе регионального вуза в России

Criteria	Percentage
World university rankings of the regional university	55.0
Quality of teachers/tutors	27.5
Friends' opinion	23.3
Parents or relatives' opinion	21.5
Other	27.5

Table 11 shows the result of another multiple-choice question about the factors which affect the

willingness of Chinese international students to choose a regional university in Russia. It can be seen from the survey, living and accommodation cost makes up 37.5 %, more opportunities for further education make up 35.8 %. Therefore, study cost and educational opportunities are the most important reasons for Chinese students to choose a regional university in Russia.

Table 11

Reasons for your decision to study in Russia regional university / Причины решения учиться в российском региональном университете

Reasons	Percentage
Living and accommodation cost	37.5
Suitable class quality for your field of study	25.0
Strong faculty of the university	23.3
More opportunities for further education	35.8
Other	27.1

Conclusion

In recent years, great changes have taken place in the world pattern, and the internationalization of higher education is the general trend. The internationalization of tertiary education has taken various forms. Countries compete to attract larger numbers of foreign students who are the source of valuable income and reputation for host universities and countries [5].

China and Russia are each other's largest neighbor, with increasingly close ties in the economic, political and social fields; the relationship between the two countries has risen to a comprehensive strategic cooperative partnership. It is urgent to enhance the cultural and educational cooperation, especially in the field of higher education cooperation for regional universities.

Firstly, it is valuable to enhance the attraction and promote the regional education cooperation. The survey reveals that the satisfaction from Chinese students is very high, which will bring positive choice preference to regional institutes for bilateral education cooperation. For Chinese students, on the one hand, studying in Russia has its own attraction in terms of satisfaction with accommodation and academic quality. On the other hand, Russia has its traditional advantageous majors, and the quality of teaching is guaranteed by the system. Therefore, integrating the core value of education cooperation will make it sustainable and stable.

Secondly, it is urgent to solve the problems related to regional education cooperation which will reduce the enthusiasm and willingness of choosing regional institutes. Chinese students studying in Russia generally will face problems such as low level of language, inconvenient logistics and transportation, great cultural differences and different teaching methods between the two countries, which have a certain impact on the study and life of students studying in Russia. On the premise of respecting the educational and cultural differences between China and Russia, we should find more effective solutions to the problems which affect the enthusiasm and willingness of learning in Russia.

Thirdly, both China and Russia have entered a new period of development which provides great opportunities for regional education cooperation. On the basis of existing cooperation, there is great potential for regional education cooperation. Therefore, it is needed to further expand the level of exchanges and improve the scale of educational cooperation. The prospect of regional education cooperation is very broad, Russian regional institutions should consider the factors fully when making policies to enhance regional education cooperation.

Internationalization of higher education is a trend of future education. With the advancement of global economic integration, the degree of regional economic integration has a profound impact on the regional education cooperation. Meanwhile, more and more Russian regional institutions have taken part in international education to seize the international student market which has been subdivided.

From the survey analysis, the alternative from international students tends to diversity instead of priority. Based on the reality that the analysis reveals, regional universities should highlight its feasibility of regional education cooperation, and create more positive and pragmatic strategies for realistic vulnerabilities. The goal is to improve the attractiveness of Russian education programs to foreign citizens, improve their conditions of stay while studying in Russia, and enhance the visibility and status of Russian education brands in the international education market [6].

References

1. General Administration of Customs P.R. China. Available at: <http://www.customs.gov.cn/> (accessed October 20, 2020).
2. Available at: http://sputniknews.cn/russia_china_relations/201906261028852762/ (accessed October 20, 2020).

3. Available at: [https:// baijiahao.baidu.com/s?id=1660850769102085337&wfr=spider&for=pc](https://baijiahao.baidu.com/s?id=1660850769102085337&wfr=spider&for=pc) (accessed October 20, 2020).

4. China Daily. 2019. Third June. Available at: <http://ru.people.com.cn/n1/2019/0604/c408039-31117973.html> (accessed October 20, 2020).

5. UNESCO: Global Education Monitoring Report 2019.

6. About the priority project “Export of education”. (in Russian).

Литература

1. General Administration of Customs P.R. China. URL: <http://www.customs.gov.cn/> (дата обращения: 20.10.2020).

2. URL: [http:// sputniknews.cn/ russia_china_ relations/ 201906261028852762/](http://sputniknews.cn/russia_china_relations/201906261028852762/) (дата обращения: 20.10.2020).

3. URL: [https:// baijiahao.baidu.com/ s?id=1660850769102085337&wfr=spider&for=pc](https://baijiahao.baidu.com/s?id=1660850769102085337&wfr=spider&for=pc) (дата обращения: 20.10.2020).

4. China Daily. 2019. Third June. URL: <http://ru.people.com.cn/n1/2019/0604/c408039-31117973.html> (дата обращения: 20.10.2020).

5. UNESCO: Global Education Monitoring Report 2019.

6. О приоритетном проекте «Экспорт образования».

Поступила в редакцию / Received

19 января 2021 г. / January 19, 2021

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ TOUCHES TO THE PORTRAIT

doi 10.23683/2687-0770-2021-1-101-104

Великой Победе посвящается

Фронтная закалка, стремление к знаниям и труд – залог жизненного успеха (к 100-летию со дня рождения Веры Сергеевны Панченко)

15 февраля 2021 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Панченко Веры Сергеевны (15.02.1921–13.04.2007) – известного ученого, педагога, ветерана Великой Отечественной войны. Ее судьба – это история страны, целеустремленного негибкого поколения.

Вера Сергеевна (в девичестве Михайлова) родилась в отдаленной глубинке Ленинградской области – маленькой деревушке Маруя, расположенной южнее Ладожского озера, через которую в старину проходил Архангельский тракт. Семья Веры Сергеевны жила бедно, в крохотной избенке. Ее мама батрачила в поместье, от которого ныне осталась лишь заросшая лесом старинная липовая аллея, а деревеньки давно уже нет (все мужчины погибли на войне).

Чтобы получить начальное 4-летнее образование, дети ходили в соседнюю деревню, а для получения 7-летнего образования надо было учиться в школе деревни Верола, находящейся в девяти километрах от дома. Никто из детей не решился продолжить учебу, и только Вера в дождь, лютой мороз, темноту, через лес, где обитали волки и снег был выше роста, пешком (летом шла босиком, неся перекинутые через плечо прорезинки, так как другой обуви не было) добиралась в школу – было огромное желание стать образованной и нужной обществу. Это упорство помогало ей в жизни добиваться научных и педагогических успехов. Все этапы своего образования она заканчивала на «отлично», обладала уникальной памятью.

После школы Вера Сергеевна год была заведующей сельским клубом в деревне Гавсарь. Затем в Ленинграде получила образование в Политпросветшколе. Накануне войны поступила в Педагогический институт им. Покровского (в дальнейшем – имени Герцена), но учеба была прервана полной блокадой Ленинграда в августе 1941 г. Студенты всем выпуском были направлены на строительство оборонительных сооружений города. Вскоре В.С. Панченко добровольцем ушла служить в эвакогоспиталь № 265 сандружинницей, затем работала в штабе госпиталя, где занималась медицинским отделом, а с 1942 по 1946 г. – начальником штаба госпиталя и начальником спецчасти (отвечала за секретную информацию и документацию). Проводила занятия с персоналом по общественно-политическим и историческим проблемам, делала доклады об исторических датах, обобщала сводки с фронтов для раненых.

Служба проходила рядом с известными ожесточенными боями «Невским пяточком», а также на «Дороге жизни» у Ладожского озера. В наше время на развилке дорог стоит знаменитый памятник – грузовая машина «полторка», поднятая со дна Ладожского озера, как символ мужества шоферов, доставлявших помощь блокадному Ленинграду и погибших на «Дороге жизни».

Вера Сергеевна вспоминала: «Госпиталь развернулся в лесу. Девушки строили землянки. Передовая линия фронта проходила в двух километрах. Были созданы медицинские пункты на



льду озера. К озеру вела узкоколейка. Это была единственная железнодорожная ветка, подвозившая продукты к озеру, персонал госпиталя и выздоравливающие постоянно восстанавливали ее после бомбежек. При 25–30-градусном морозе в Ленинград и обратно беспрерывно шли машины, которые днем и ночью немцы бомбили и обстреливали. Это был поистине героический подвиг шоферов. По ледовой трассе в осажденный город на машинах везли продовольствие, боеприпасы. На озере было много участков тонкого льда и полыней от бомбежек, шоферы стояли на подножках с открытой дверцей в надежде успеть выпрыгнуть из тонущей машины, но это мало кому удавалось. В основном они уходили под лед вместе с машиной с включенными фарами, давая на прощание последний длинный гудок. На дне озера иногда был виден свет фар. Это производило неизгладимое впечатление. Обрато из Ленинграда спасали детей, вывозили раненых, больных, обмороженных, истощенных. Летом выполнялась та же работа на баржах. Транспортельных раненых тут же грузили в «санлечучки» для отправки в тыл. Тяжелых раненых оперировали и лечили в землянках, потом тоже отправляли в тыл. Легкораненых и раненых средней тяжести лечили и возвращали на фронт.

Деревня Кобона являлась последним пунктом выхода ледовой трассы на берег, находившимся под постоянным наблюдением немцев и подвергавшимся ожесточенной бомбардировке. Когда завязывался воздушный бой наших летчиков, то тяжело нагруженные фашистские бомбардировщики, летавшие так низко, что, казалось, зацепятся за верхушки елей, сбрасывали бомбы куда попало, и часто они попадали в госпиталь».

У озера был медпункт, где находилась Вера Сергеевна. Там встречали прибывающих раненых с фронта. Это место – настоящее пекло и, уезжая туда на дежурство, врачи, медсестры, санитары, другие служащие прощались с коллективом, так как не все возвращались оттуда. С продовольствием было очень плохо, хлеб подвозился редко, поддерживались пшеничным супом два раза в сутки. Не было ни одного случая, чтобы персонал брал сухари, предназначенные раненым. Порой так ослабевали, что могли говорить только шепотом. И все же в тех невыносимых условиях не забывали поздними вечерами устраивать самодеятельные концерты для выздоравливающих и персонала: читали стихи, пели, танцевали, даже ставили небольшие пьесы. В.С. Панченко руководила хором госпиталя, а также художественной частью вечеров.

После прорыва блокады в январе 1943 г. эвакогоспиталь вошел в состав 2-го Украинского фронта. В Воронежской области, на станции Поворино, летом 1943 г. Вера Сергеевна в госпитале познакомилась с тяжелораненым Михаилом Ивановичем Панченко. Перед его отправкой на фронт они поженились.

В Будапеште госпиталь расквартировали в доме знаменитого композитора Имре Кальмана, который эмигрировал в США. Вокруг была беспокойная обстановка, так как они находились на территории страны, воевавшей против СССР.

Эвакогоспиталь прошел боевой путь по Украине, Молдавии, Румынии, Австрии и Венгрии, где на границе с Чехословакией даже после победы еще целый год В.С. Панченко продолжала долечивать раненых до мая 1946 г., а так хотелось быстрее вернуться на Родину.



Награждена орденом Отечественной войны II степени и двенадцатью медалями, в том числе «За оборону Ленинграда», «За взятие Будапешта», «За победу над Германией». Вручен почетный знак «Участник Дороги Жизни».

После войны В.С. Панченко с мужем, также фронтовиком, переехала в г. Ростов-на-Дону, где в 1950 г. она получила образование в Ростовском педагогическом институте на историческом факультете. Михаил Иванович окончил географический факультет этого же педагогического института. Всю оставшуюся жизнь бывший фронтовик, имевший боевые награды и три тяжелых ранения, посвятил

мирной профессии учителя. Работал завучем, выступал с докладами на съездах учителей, опубликовал свыше 20 научно-методических статей. В Ростове молодая семья жила в одной

комнатке с хозяйкой квартиры. Жизнь была трудной, как и у многих в послевоенные годы. Были счастливы получить комнату в общежитии пединститута, где и растили двух детей.

В 1954 г. Вера Сергеевна защитила кандидатскую диссертацию «Рабочее движение на Дону в годы первой мировой войны (1914–1917 гг.)». В 1971 г. защитила докторскую диссертацию: «Большевистская нелегальная печать (1910–1914 гг.)». Обе диссертации по специальности «Отечественная история». Профессорское звание присвоено в 1973 г. С 1955 г. и более 50 лет Вера Сергеевна преподавала в Ростовском государственном университете на историческом факультете, на кафедре Отечественной истории средних веков и нового времени. Много лет работала в Институте переподготовки и повышения квалификации РГУ, состояла в Специализированном совете факультета по защите диссертаций, была его ученым секретарем. Выступала на научных конференциях всех уровней. Принимала активное участие в разных сферах деятельности университета и исторического факультета.



В.С. Панченко является автором более 150 научных и учебно-методических работ, в том числе двух индивидуальных и более 20 коллективных монографий. Публиковалась в фундаментальных трудах: «История Дона», «История Донского края», «Люди земли донской», «Ростов-на-Дону: исторические очерки», «Наш край», «История России с древнейших времен до наших дней», «История Дона и Северного Кавказа» и др. Профессором Панченко исследовались социально-экономические и общественно-политические научные проблемы истории России, Дона и Северного Кавказа. Занималась изучением истории внутренней и внешней политики России в XIX в., промышленности, общественного и рабочего движения, казачества, культуры.

Некоторые из работ В.С. Панченко, показывающих разнообразие ее исследовательских интересов:

- Рабочий класс Дона в избирательной кампании в IV Государственную думу // История СССР. 1966. № 1;
- Буржуазные реформы 60–70 гг. XIX в. // История Дона. Эпоха капитализма. Гл. I. Разд. 2. Ростов н/Д., 1974;
- Страховая кампания и создание больничных касс на Дону в 1912–1917 гг. // Из истории революционного движения рабочих Дона и Северного Кавказа (1901–1917 гг.). Ростов н/Д., 1995;
- Преобразования в Донском казачьем войске (60–70 гг. XIX в.) // Россия, Дон и Северный Кавказ в XIX – нач. XX в. Ростов н/Д., 1997;
- Подготовка проведения земской реформы 1864 г. на Дону // Социальные проблемы и перспективы: история, теория, практика. Новочеркасск, 1998;
- Военно-учебная реформа Донского войска в 60–70 гг. XIX в. // Социальная политика России: история и современность. Новочеркасск, 1999;
- Внешняя политика Российской империи в I половине XIX в. // История России с древнейших времен до наших дней : учеб. пособие. Ростов н/Д., 1999;
- Введение судебных уставов 1864 г. в Донском крае // Проблемы Отечественной истории. Ростов н/Д., 2000;
- Промышленность и положение рабочих Дона в 1910–1912 гг. // Исторические этюды. Ростов н/Д., 2000. Вып. 4;
- Общественное движение на Дону и Северном Кавказе в 60–90 гг. XIX в. // История Дона и Сев. Кавказа. Ростов н/Д., 2001;
- Донское общество и надвигающаяся Первая мировая война // Ессе homo: (Памяти Э.Г. Алавердова). Ростов н/Д., 2002.

Вера Сергеевна воспитала многих педагогов, ставших кандидатами и докторами наук, руководителями различного уровня. Пользовалась уважением коллег и студентов, о чем свидетельствуют дарственные подписи на их исторических трудах, как, например: П.Г. Чернопицкий: «Вере Сергеевне – добрейшей душе, на добрую память»; М.П. Астапенко: «Вере Сергеевне Панченко – человеку-легенде, крупному ученому и учителю от ученика» и др.

Необыкновенная целеустремленность и организованность В.С. Панченко, позволили ей в жизни добиться многого: достичь успехов и признания на научном поприще, выполнять большой объем общественной работы, долгие годы трудиться на двух работах – в РГУ (ЮФУ) и ИПК, растить двух детей, давать им разностороннее образование. Дети занимались спортом, музыкой по классу фортепиано. Всю свою любовь к Родине, стремление к образованию, самообучению Вера Сергеевна и Михаил Иванович передали детям, двум внукам и двум правнучкам.

Сын Евгений стал доктором физико-математических наук, профессором. Им издана монография и более 120 научных работ, получено 46 авторских свидетельств и патентов на изобретения. Награжден знаком «За заслуги в защите информации» Гостехкомиссии РФ.

Дочь Елена – доктор исторических наук, профессор. Ею опубликованы три монографии и около 150 научных и методических работ. Награждена почетной грамотой Российской академии государственной службы при Президенте РФ «За многолетнюю творческую работу по подготовке кадров для государственной и муниципальной службы».

Внучка Полина является кандидатом юридических наук, доцентом, заведующей кафедрой. Издала монографию и 56 научных и методических работ.

Внук Антон – юрист.

Правнучка Вера (названа в честь Панченко Веры Сергеевны), окончив школу с медалью, как и ее мама Полина, учится на «отлично» в юридическом вузе.

За большие заслуги в науке и в подготовке высококвалифицированных специалистов Вера Сергеевна награждена орденом Трудового Красного Знамени, медалями «За доблестный труд» и «Ветеран Труда». Присвоены нагрудные знаки «Почетный работник высшего образования» и «Ветеран РГУ». В библиотеке ЮФУ к 90- и 95-летию В.С. Панченко были организованы выставки ее научных работ.

В апреле 1982 г. в Ростове на Театральной площади состоялся торжественный митинг, посвященный открытию монумента Женщине-Матери. Монумент воплощает в себе любовь и уважение народа к замечательным делам советских женщин. Среди женщин ростовской земли, отличившихся своими трудовыми достижениями, в торжественной речи была названа и профессор В.С. Панченко (газета «Молот» от 30.04.1982 г.). Отзывчивый, доброжелательный человек, она была патриотом Отечества, воспитывала гражданскую позицию у молодежи, прожила большую, трудную, насыщенную жизнь и оставила глубокий след в памяти поколений.

Подробнее о проф. В.С. Панченко можно узнать из следующих источников: *Чернобаев А.А.* Историки России XX века: библиографический словарь. Саратов : Сарат. полигр. комбинат, 2005. Т. 2. С. 164; *Козлов А.И.* Каменистыми тропами. Ростов н/Д. : Изд-во ЮФУ, 2008. С. 33, 241, 242; *Панченко В.С.* Нас ожидали мирные дела... // Этот день мы приближали, как могли: вспоминают ветераны / сост. В. В. Преподобная. Ростов н/Д. : Изд-во Ростовского ун-та, 1985. С. 56–63; *Панченко Вера Сергеевна* // Профессора-гуманитарии Ростовского государственного университета (био-библиографический справочник 1915–2000 гг.). 2-е изд., исправ. и доп. / отв. ред. Ю. Г. Волков. Ростов н/Д. : Изд-во Ростовского ун-та, 2000. С. 45; *Панченко В.С.* От Ленинграда до Будапешта // Они ковали Победу / отв. ред. А.В. Белоконов. Ростов н/Д. : Изд-во Ростовского ун-та, 2000. С. 106–107; *Панченко В.С.* Наша тревожная молодость // Сколько бы лет ни прошло... / отв. ред. А.В. Белоконов. Ростов н/Д. : Изд-во Ростовского ун-та, 2005. С. 74–77; *Лаптева Л.* Дорогая молодость прошла на линии фронта (о ветеране войны, докторе исторических наук, профессоре В.С. Панченко) // Ростовский университет. 2004. 27 дек. С. 5; *Быкадорова А.* Ученики должны идти дальше нас (к 85-летию Панченко В.С.) // Ростовский университет. 2006. 27 февр. С. 5; Красиво, сердечно, просто – 90 лет. Во славу Alma mater. Юбилейное // Ростовский университет. 2005. 21 окт. С. 2–3; Люди РГУ 1915–2005 : альманах. Ростов н/Д. : Изд-во Ростовского ун-та, 2005. С. 46, 48; Памяти товарища [некролог Панченко В.С.] // Южный университет. 2007. 26 апр. С. 5; *Трусова Е.М.* В.С. Панченко: трудовой и боевой путь известного ученого // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2020. № 6. С. 103–104; Донская энциклопедия. Т. 2 : Н-Я / сост. М.П. Астапенко. Таганрог : Айкэн, 2015; URL: <http://www.foto.pamyat-naroda.ru>. Галерея участников ВОВ «Дорога памяти», где размещена информация о Панченко Вере Сергеевне и Панченко Михаиле Ивановиче, и др.

Е.М. Трусова,
доктор исторических наук, профессор

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ BOOK REVIEWS

doi 10.23683/2687-0770-2021-1-105-107

Сень Д.В. Русско-крымско-османское пограничье: пространство, явления, люди (конец XVII – XVIII в.) : избранные труды / отв. ред. В.В. Трепавлов. Ростов н/Д. : Алтаир, 2020. 420 с.

Sen' D.V. Russian-Crimean-Ottoman borderland: areas, phenomena, people (ending of the 17th - 18th centuries). Selected works / Ed. by V.V. Trepavlov. Rostov-on-Don: Altair, 2020. 420 p.

Новая книга известного российского исследователя истории казачества России и Украины, массовых народных движений и казаков-некрасовцев, отношений русских властей и казачества с Крымом и Османской империей Д.В.Сеня представляет собой комплекс статей, написанных в разные годы и объединенных общей идеей. Определялась эта идея принципиально новым подходом автора к характеру отношений на обширной территории приграничья, на стыке России и Османской империи, Крымского ханства и казачьих войск на Дону и Днепре. Если в традиционной историографии предметом исследования становились боевые действия, развертывавшиеся между этими государствами, при самом активном участии в них казаков, то Д.В. Сень обратил внимание на другую сторону приграничных взаимоотношений. Исследование истории некрасовцев привело его к осознанию того, что военными действиями не исчерпывается характер отношений в обширной приграничной зоне Приазовья и Причерноморья, что эти отношения не укладываются исключительно в рамки внешнеполитической конфронтации и межконфессионального противостояния. На самом деле, как подчеркивал Д.В. Сень на основе тщательного анализа разнообразных фактических данных, относящихся к этим взаимоотношениям, они были значительно более сложными и противоречивыми, в них имели место явления и процессы противоположной направленности. Их выражением было междивизиационное и межкультурное взаимодействие, прежде всего между казаками и соседним миром мусульманских государств и сообществ.

Такая концепция, по существу новая для отечественной исторической мысли, для представлений о взаимоотношениях в обширной зоне столкновения российско-турецких интересов, предполагала новое теоретическое обоснование. Им стала популярная в наши дни теория фронта, которая сформировалась Ф.Тернером на материалах анализа отношений на «Диком Западе» Северной Америки, в настоящее время используется для исследования положения в других зонах междивизиационных и межкультурных контактов. В частности, на материалах российской истории для Сибири, а также для обширной южной полосы от верховьев Дона до Причерноморья и Северного Кавказа, с постоянным сдвигом к югу в зависимости от времени. К концу XVII – XVIII в. такая зона изменялась от Нижнего Дона в сторону Крыма и Кубани. Теория фронта при этом дает возможность обстоятельно объяснить сложность и противоречивость положения в этих зонах, наличия не только вооруженного противостояния, но и целого комплекса неконфронтационных отношений, торговых, межличностных, и даже при некоторых случаях переплетения общих политических целей и интересов. Отсюда опора Д.В.Сеня на данную теорию, в значительной мере для российской историографии новую, представляется обоснованной [1].

Книга открывается предисловием выдающегося российского историка Ногайской орды и отношений России с ханствами и ордами бывшей Золотой Орды В.В. Трепавлова, в которых была отмечена новизна подходов Д.В. Сеня к анализу ситуации на территории русско-крымско-османского приграничья и обращено внимание на научную значимость затронутых вопросов.

Книга разделена автором на три раздела. В первом исследуется период от взятия Азова русской армией при Петре I до утраты города по условиям Прутского мира 1711 г. Второй касается приграничных отношений на протяжении всего рассматриваемого периода. Третий раздел «Военное лидерство» в обширных пределах южного приграничья относит читателя к известным историческим личностям как регионального уровня, так и тех, кто по своей значимости выходил за ограниченные рамки региона. Такая структура, сформированная Д.В. Сенем, дает возможность представить ситуацию на всем пространстве российско-османского приграничья в ее временном, территориальном и человеческом измерении, уяснить, как события и явления, сложности и противоречия во внутрисоссийских и международных отношениях сказывались на судьбах людей. Вместе с тем она позволяет в комплексе охватить ситуацию в регионе на протяжении жизни нескольких поколений местных жителей.

Интересным является анализ необычных ситуаций, групп населения и личностей, которые обычно не выходили на передний план исторических исследований. Например, сюжет взятия Азова при Петре I. По существу русские перебежчики, ахреяне, которых было немало среди населения приграничья, почти не пользовались вниманием историков как дореволюционных, так и советских. Поэтому исследование Д.В. Сенем участия их в защите Азова от русских войск затрагивает одну из важных сторон их истории и позволяет глубже понять не только само это население, но и общую ситуацию того времени, когда на Дону развертывалось движение старообрядцев, а затем Булавинское восстание. Оба эти события имели прямое отношение к ахреянам. Д.В. Сень обратил внимание на образы их в массовом сознании российского населения и казачества. Подчеркивая преобладание в нем негативной коннотации, связи с традиционным для русской книжной культуры понятием «агаряне», автор в то же время отмечает распространенность случаев ухода казаков в турецкий Азов, высокий статус этого города в глазах казачества и даже возможность обратного их возвращения на Дон. В этом его несомненный вклад в имагологию как специальную дисциплину, направленную на исследование имиджей людей и отдельных сообществ и социальных групп, разработка которой велась еще в поздней советской историографии Е.В. Чистяковой и ее учениками [2].

Значительный интерес представляет исследование Д.В. Сенем жизни и судьбы предводителей и видных участников движения донских старообрядцев конца XVII в. Он при этом обращает внимание на упоминание исследователем Пугачевского восстания В.Я. Маулем того, что, по существу, мало известна жизнь и судьба целого ряда сподвижников Пугачева, а также казаков, участвовавших в старообрядческом движении. По существу Д.В. Сень наметил основные направления историко-биографических исследований этих казаков и указал на источники, анализ которых может дать сведения для их биографий и для выявления отношения к ним в казачьем сообществе, на методы их анализа. Но оценка статей выдающегося историка казачества В.Н. Королева и автора этих строк о Кирее Чурносове и Самойле Лаврентьеве как первых биографий предводителей казаков-старообрядцев все-таки не вполне точная, скорее всего, автором только намечены направления для последующего более полного глубокого изучения их биографий.

Вообще книга наглядно свидетельствует о тяготении ее автора к историко-биографической проблематике, что на нынешнем этапе развития отечественной историографии отражает потребность в антропологизации исторических исследований, в обращении их к проблеме человека в истории и исторических событий в свете судьбы отдельного человека. Поэтому у Д.В. Сеня проходит целый ряд ярких исторических образов людей пограничья, и с одной, и с другой стороны рубежа. Пожалуй, наиболее яркая и значительная из этих личностей – представитель династии Гиреев, кубанский султан Бахты-Гирей. По оценке автора, он относился к Гиреям «второго плана» по династическому счету. Но был при этом личностью «не только регионального масштаба». Он сумел выйти на уровень «крупного политического деятеля, оказавшего влияние на осmano-крымско-российские отношения первой трети XVIII в.». Д.В. Сень удалось реконструировать некоторые важнейшие стороны биографии кубанского султана, в том числе на основании сделанных им архивных находок. Он доказал факт получения Бахты-Гиреем титула крымского калги. Вместе с тем исследователь назвал некоторые вопросы, прямо относящиеся к биографии Бахты-Гирея, в частности касающихся его аталычества и, следовательно, связей его с черкесской и ногайской Кубанью. Д.В. Сень критически относится к точке зрения, что Бахты-Гирей действовал в интересах Оттоманской

Порты. По его мнению, материалы о связях его с властными элитами фронтирной полосы, калмыцкими и ногайскими, дают основание для вывода о самостоятельной политической роли и о наличии у него несомненных собственных амбиций и претензий на занятие крымского ханского престола. Поэтому, как указывает Д.В.Сень, против Бахты-Гирея действовали по существу совместно правящие круги Российской и Османской империй и Крымского ханства. Тем более, если со стороны России имело место стремление к его физическому устранению. Серия статей Д.В.Сеня о кубанском султанине свидетельствует о том, что без учета его деятельности невозможно в полной мере представить обстановку на обширной территории от Крымского до Калмыцкого ханства. И, по-видимому, мы, читатели, вправе ожидать от Д.В.Сеня в скором времени посвященной Бахты-Гирею монографии, которую этот видный исторический деятель своей эпохи вполне заслуживает.

Исключительно ярким примером самой тесной связи между Войском Донским, гетманской Украиной и Крымом является совместное исследование Д.В. Сеня и Н.И. Швайбы о влиянии известий о Бахты-Гирея и атамане Игнате Некрасове на политическую позицию части украинской казачьей старшины. Тонкий лингвистический анализ, проделанный авторами, позволил выявить смысл слов из доноса иеромонаха Серапиона на украинских старшин Лизогуба и Горленко 1725 г. по поводу отношения их к известию о возможном нападении Некрасова и Бахты-Гирея на подчиненных им казаков. Как подчеркивают авторы, в ходе следствия в Петербурге выяснили, что донос был ложным, украинские старшины не стремились присоединиться к мятежному атаману и к кубанскому султану и были освобождены из-под ареста. Тем не менее в словах старшин, известных из доноса иеромонаха, было заметно недовольство положением казаков во время похода на Кавказ, куда они следовали через Мигулинский монастырь на Верхнем Дону. И, более того, их слова, приведенные доносчиком, могут свидетельствовать о «сомнительной политической лояльности по отношению к самодержавию» украинской казачьей старшины. И если учитывать историю инкорпорации гетманской Украины в состав России, включающую переход гетмана И.С. Мазепы на сторону шведов, то данный вывод вписывается в общую ситуацию отношений значительной части казачьей украинской старшины к самодержавию и Российской империи.

Книга Д.В. Сеня интересна тем, что в ней не только подведены итоги исследований и сделаны определенные выводы, но и тем, что автор поставил целый ряд вопросов, ответы на которые могут дать последующие исследования. В частности, вопросы внутривосточной истории Крымского ханства середины XVIII в. незадолго до его ликвидации. Представляется, что новая книга известного историка будет востребована профессиональным историческим сообществом и более широким кругом читателей, интересующихся историей казачества, Крымского ханства и положения в обширном регионе российско-османского противостояния в конце XVII – XVIII в.

Литература

1. Басалаева И.П., Дубман Э.Л., Мильчев В.И., Мизис Ю.А., Сень Д.В., Урушадзе А.Т., Ходарковский М. Как сегодня изучать фронтиры? Дискуссия по статье Д.В. Сеня // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2020. № 1 (27). С. 81–105.
2. Мосейкина М.Н. Научная школа Е.В. Чистяковой в РУДН и проблемы изучения контактов и связей России с народами Азии, Африки и Латинской Америки // *Россия XVII века и мир. К 80-летию доктора исторических наук, профессора Е.В. Чистяковой*. М. : Изд-во РУДН, 2001. С. 54.

References

1. Basalaeva I.P., Dubman E.L., Milchev V.I., Mizis Yu.A., Sen' D.V., Urushadze A.T., Khodarkovsky M. (2020). How to study frontiers today? Discussion on the article by D.V. Sen'. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, No. 1 (27), pp. 81-105. (in Russian).
2. Moseikina M.N. (2001). The scientific school of E.V. Chistyakova at RUDN and the problems of studying contacts and ties between Russia and the peoples of Asia, Africa and Latin America. *Russia of the 17th century and the world*. To the 80th anniversary of Doctor of Historical Sciences, Professor E.V. Chistyakova. Moscow, RUDN Press, p. 54. (in Russian).

Н.А. Мининков,
доктор исторических наук, профессор,
Южный федеральный университет

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ SCIENTIFIC LIFE

doi 10.23683/2687-0770-2021-1-108-111

**Всероссийская (с международным участием) научная конференция
«Европейский способ мысли и русская философия: к 250-летию
со дня рождения Г.В.Ф. Гегеля и 150-летию со дня рождения Н.О. Лосского»
(г. Ростов-на-Дону, 13–14 ноября 2020 г.)**

**All-Russian (with International Participation) Scientific Conference
“The European Way of Thinking and Russian Philosophy:
on the 250th Anniversary of the Birth of G.V.F. Hegel
and the 150th Anniversary of the Birth of N.O. Lossky”
(Rostov-on-Don, November 13-14, 2020)**

Институт философии и социально-политических наук ЮФУ провёл в онлайн-формате научную конференцию, в которой приняли участие как известные крупные учёные из университетов Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Краснодара и других городов нашей страны и из Словакии, так и молодые учёные, студенты и магистранты. Значение учения Г. В. Ф. Гегеля для мысли прошлого и настоящего не может быть переоценено. Множество томов, посвященных личности и непосредственно философии гения из Штутгарта, интерпретации и разработке гегелевской мысли, а также использованию элементов его философско-теоретической аналитики, позволяет нам указывать на их глубокое проникновение в ту широчайшую область, которую можно назвать культурой.

Неисчерпаемость содержания, смыслов и идей заставляет нас вновь и вновь возвращаться к трудам Гегеля, вникать в их содержание, через Гегеля понимать самих себя и окружающую действительность. Такова, возможно, та сверхзадача, которую выполняют работы великого философа. И это возвращение, уважение и восхищение – не форма дани или преклонения, но форма определенной жажды, потребности, которую невозможно утолить иначе. Отчасти Гегель выполнил свою цель, о чем писал И. Г. Фоссю: «...скажу Вам о своем намерении заставить философию заговорить по-немецки» [1, с. 249]. Данная конференция, организованная Институтом философии и социально-политических наук ЮФУ, проводилась именно в целях удовлетворения такого рода потребности.

Конференция, проходившая в онлайн-режиме на базе системы Microsoft Teams, состояла из трех панелей. На первой были озвучены доклады, которые, с одной стороны, представляют собой введение в самого Гегеля и его философию, а с другой – некоторые указания на фундаментальные основания самой гегелевской системы. Первым стал доклад О. Ф. Ивашук «Гегель и философская потребность», где рассматривалась проблема самого формирования (возникновения) философии Г. В. Ф. Гегеля в качестве зова Бытия, побудившая его к разработке философии, в которой главной выступала проблематика субъект-объектных отношений.

Тема глубинной потребности философствования в ответ на зов Бытия у Гегеля фундирует само начало философии, которую он связывает, видимо, лишь с Древней Грецией. Этому был посвящён доклад Г.В. Драча «Г. В. Ф. Гегель о проблеме начала философии», где ставилась уже не проблема философии Гегеля в целом, но сама проблема истории философии у Гегеля, представляющая собой, с одной стороны, проблему начала философии как таковой, а с другой – систему самоизъявления абсолютного духа. И место, где дух начинает свой путь, место, которое именуется «родиной духа», – Древняя Греция. Тут впервые происходит

самоопределение и самосознание духа в соотношении со всеобщим. Именно в условиях полисной системы, где каждый свободен в рамках всеобщего закона, могла возникнуть потребность в самосознании. Потребность поместить окружающее в сферу своего «Я» порождает потребность в философии. Путь самопознания духа – путь становления истиной свободы, где индивидуальное не мыслимо без всеобщего и выражено в диалоге духа с самим собой – многообразии культур.

Нельзя обойти значимость наследия Гегеля и для науки. Несомненным фактом является то, что после немецкой классической философии наука переживает изменения в предмете и методе. Обсуждению этой темы был посвящен доклад А.А. Иваненко «Предмет и метод науки после Гегеля». Сопоставляя определённый характер взаимодействия науки и философии в период античной философии и немецкой классической, автор выводит константы, которые, по всей видимости, могут стать ориентиром при предсказании последующего развития научного знания. Заканчивается первая панель докладом И.С. Кирилловича «Гегельянское понимание догмата Воплощения в антипозитивистской историографии науки», развивающим проблему соотношения философии и науки, но затрагивающим не столько развитие науки, сколько само ее основание, которое неразрывно связано с христианством (о чем впервые в полной мере и системно заговорил Гегель) и религиозно-образным пониманием мира (в противовес научно-понятийному).

Доклады второй панели также представляли собой крайне разнообразную и пёструю картину аспектов философии Гегеля. Доклад А. А. Кротова «Наполеон в гегелевской философии» был посвящен раскрытию содержания образа Наполеона и его дел в текстологическом наследии Гегеля, рассмотрению Наполеона и его действий как выражения движения Абсолютного духа, а также трагедии Наполеона, выполнившего свою цель и оставшегося впоследствии ненужным в своей далекой ссылке. Доклад П. Е. Бойко «Всеобщая диалектика христианской идеи в философии религии Г.В.Ф. Гегеля» раскрывал особенность отношения между философией и религией как моментами финального движения духа к самому себе. Вывод данного доклада заключается в тезисе: философия – итог развития христианской идеи, а философская теология – исток самой христианской идеи.

Отдельного внимания заслуживает доклад А. В. Тихонова «Гегель об “истине” Платона», в котором обсуждаются: оценка Гегелем философии Платона и сопоставление самой философии Гегеля с философией Платона на базе сравнения момента «смещения» у античного мыслителя с моментом «разнокачественности» у немецкого мыслителя. Общий вывод доклада состоит в том, что гегелевская философия в аксиоматических установках своими корнями восходит к платоновской манере философствования. Кроме этого, можно прямо зафиксировать некоторые случаи обращения Гегеля к платоническим темам. В первую очередь надо назвать его работу «Отношение скептицизма к философии», в которой отражена увлеченность Гегеля философией античного скептицизма и попытка придать этой школе свое понятийно-теоретическое обоснование. Гегель считал противоположение скептической школы с догматизмом (т. е. платонизмом) внешним, различающимся лишь формой, которую имела философская мысль. «Даже если скептицизм и был направлен напрямую против реальности Идеи самой по себе, то и в этом случае он имел дело с познанием Разума через себя» [2, с. 328]. Эта идея имеет явное продолжение и развитие в его «Лекциях по истории философии».

В предисловии к «Феноменологии духа» Гегель различает математическое и философское познание. Это противопоставление философии и математики выглядит чисто платоническим. Утверждая для математического знания возможность фиксации лишь «внешности» истины, Гегель фактически воспроизводит ту идею платоновской программы воспитания, в которой роль математики подобным образом заключена в обращении к внешней по отношению к принципиальной и первичной гармонии – гармонии чисел. «Целое воспринимается действительно как таковое лишь при условии разработанности всех его частей», – говорит Гегель в своих размышлениях о преподавании философии, что свидетельствует о его платонической позиции [2, с. 421]. И необходимым условием преподавания философии является, продолжает Гегель, «ясность, соединенная с основательностью и целесообразной детальностью» [2, с. 419]. Мысль о конкретике занятия философии и ясности цели занятий философии была основополагающей у Платона. «Государство» Платона в гегелевских «Лекциях по истории философии» решает задачи «Философии Духа». Это означает, что

Гегелем связывается космо-онтологическая схема Платона с вопросами антропологии, что и позволяет ему сделать вывод о самом существенном в этом диалоге как о «нравственном», которое «носит вообще характер субстанциональности и, следовательно, фиксируется как божественное» [3, с. 194]. Платоновское онтологическое тождество человека и космоса фиксируется Гегелем, но оно, как он считает, не несет в себе необходимое Гегелю тождество мысли и бытия.

Третья панель началась с выступления М. А. Маслина «К вопросу о “гегельянстве” Ивана Ильина». Согласно М. А. Маслину, диссертация Ильина – кульминация русского истолкования Гегеля, где его философия предстает некоторой формой теодицеи, так как все божественно, а сам мир, жизнь – некоторая форма органической целостности, которая не вписывается в рамки логического процесса. Тема Гегеля в русской философии продолжается и в двух следующих сообщениях. В докладе «Проблемы современного российского гегелеведения в контексте шпетовского архивного перевода “Феноменологии Духа”» были убедительно и ярко продемонстрированы результаты аналитической деятельности Т. Г. Щедриной и Б.И. Пружинина по работе с архивным переводом Г.Г. Шпета «Феноменологии духа», позволяющие избежать множества изменений и ошибок, которые были внесены в итоговое собрание сочинений Г.В. Ф. Гегеля. В докладе А.Н. Ерыгина и А. В. Юхно выдвигалась идея о том, что гегелевская философия выступает некоторым камнем преткновения любой метафизики (немецкой, русской), ибо, как достаточно подробно было обосновано авторами, выстраивание любой системы метафизики невозможно без гегелевской философии.

В докладе А.А. Алферова «К характеристике гегелевской философии истории и ее современных импликаций» была подвергнута анализу философия истории мыслителя из Штутгарта, которая, по мнению докладчика, имеет трансцендентально-теологический характер, т.е. является единым, целенаправленным и смысловым процессом – движением абсолютного духа – и в такой форме повлияла на многие социологические и философско-исторические концепции понимания истории. Н. И. Стешенко в докладе «Гегелевская концепция противоречивости изменения», ориентируясь на польского логика Л. Раковского, проводит демонстрацию формализации гегелевского «противоречия» как самого важного понятия и самого сложного для формальной логики.

Последующий доклад был представлен М.А. Дидык – «Философская компаративистика в философии истории Гегеля». Докладчик на основе проведенной импликации гегелевской линии Восток – Античность – Рим – христианско-германский мир продемонстрировал модель (ось истории), которая повлияла на К. Ясперса, а также объяснил саму философию истории немецкого мыслителя как единство трех составляющих: в себе – становление эпох внутри гегелевские системы, для себя – влияния системы Гегеля на других исследователей и в себе, и для себя – в истории философии в целом, где философия Гегеля сама выступает историческим моментом.

Завершающим третьей панели и конференции был доклад Р.И. Французова «А. Кожев и К. Маркс о “конечности”, “бесконечности” и “негативности” в философии Г.В.Ф. Гегеля», в котором предпринята попытка сопоставления интерпретаций гегелевской философии К. Марксом и А. Кожевным на базе основных понятий философии немецкого мыслителя: «конечность», «бесконечность» и «негативность». Докладчик противопоставляет «антропологическую» интерпретацию гегелевской философии от А. Кожева марксистской интерпретации, которая выражается в «материалистическом прочтении Гегеля». Анализируя указанные подходы, автор делает несколько выводов: во-первых, философия Гегеля претерпела различные интерпретации и трансформации, связанные с задачами, которые она должна выполнять; во-вторых, диалектический метод, который Гегель вывел как универсальный, не выступает универсальным и, в зависимости от интерпретации философии Гегеля, находит свою область применения; и, в-третьих, понятия конечности и бесконечности являются одними из самых важных для раскрытия конфликта интерпретаций гегелевской философии вообще и во французском неогегельянстве и в советской философии в частности, что и было нами продемонстрировано. В итоге автор указывает на то, что марксистская интерпретация подходит к философии Гегеля более корректно, нежели интерпретация А. Кожева, и подтверждает это множеством примеров.

В целом проведённая конференция была не только данью памяти 250-летию со дня рождения Г.В.Ф. Гегеля и 150-летия со дня рождения Н.О. Лосского, но и плодотворным научным событием, продемонстрировавшим всю актуальность обращения к идейному наследию Гегеля, востребованному как для осмысления современных реалий, так и для изучения идейных связей отечественной философской мысли с западной философской традицией.

Литература

1. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет : в 2 т. М. : Мысль, 1971. Т. 2.
2. Гегель Г.В.Ф. О преподавании философии в университетах // Работы разных лет : в 2 т. М. : Мысль, 1972. Т. 1.
3. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. СПб. : Наука, 1994. Кн. 2.

References

1. Hegel G.V.F. (1971). *Works of different years*: in 2 vol. Moscow, Mysl' Publ., vol. 2. (in Russian).
2. Hegel G.V.F. (1972). On Teaching Philosophy at Universities. *Works of different years*: in 2 vol. Moscow, Mysl' Publ., vol. 1. (in Russian).
3. Hegel G.V.F. (1994). *Lectures on the History of Philosophy*. Saint Petersburg, Nauka Publ., book 2. (in Russian).

Г.В. Драч,

*доктор философских наук, профессор, научный руководитель
Института философии и социально-политических наук,
Южный федеральный университет*

А.В. Тихонов,

*кандидат философских наук, доцент,
Институт философии и социально-политических наук,
Южный федеральный университет*

Р.И. Французов,

*младший научный сотрудник (стажёр-исследователь), магистрант,
Институт философии и социально-политических наук,
Южный федеральный университет*

Рекомендации по оформлению транслитерации (References)

Монографии, книги целиком

Neymark M.A. (1969). Linear differential operators. Moscow, Nauka Publ., 526 p. (in Russian).

Flora of the Lower Don (1984). G.M. Zozulin, V.V. Fedyaeva (Eds.). Rostov-on-Don, Rostov University Press, ch. 1. (in Russian).

Статьи в журналах

Pechentsov A.S. (1984). Boundary value problems for differential equations containing a parameter with multiple roots of the characteristic equation. *Differentsial'nye uravneniya*, vol. 20, No. 2, pp. 263-273. (in Russian).

Диссертации, авторефераты

Saakian N.S. (1985). Boundary value problems for differential equations of the fourth order in the case of multiple roots of the characteristic equation. Dissertation Thesis. Baku, 135 p. (in Russian).

Авторские свидетельства, патенты

Grezin V.S., Novosyadly V.A. The software tool automatically determine the age of the participant social network Ageception. Version 1.1. Certificate, No. 2014614425, 24.04.2013. (in Russian).

Электронные источники, интернет-сайты

Available at: www.ecoternopil.gov.ua (accessed October 10, 2014).

Ivanov S.E. Marine industry and the global crisis - monitoring of codebroker. Available at: http://www.korabel.ru/news/comments/morskaya_industriya_i_globalniy_krizis_-_nablyudeniya_sudobrokera.html (accessed December 12, 2013). (in Russian).

Нормативные документы

On approval of the water quality standards fishery water bodies, including the maximum permissible concentrations of harmful substances in the waters of fishery water bodies: Order of the Rosrybolovstvo No. 20 at 18.01.2010. Moscow, 2010. (in Russian).

GOST 10444.9-88. Food products. Method for determination of *Clostridium perfringens*. Moscow, 2010. (in Russian).

Материалы конференций, семинаров, сборников

Nazarko O.V., Pavlov I.V., Chernov A.V. (2012). Deformation and deformed stochastic basis. *Mathematical methods in modern and classic models of economics and science*. Proceedings of the Regional Scientific and Practical Conference. Rostov-on-Don, Antei Publ., pp. 37-54. (in Russian).

Научный журнал
**«ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ.
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ»**

Рецензируемый журнал «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки», имеющий статус центрального издания, включенного в перечень ВАК, продолжает прием работ по следующим отраслям:

- | | |
|-------------------------|--|
| 1. Философские науки. | Кроме того, публикуются материалы в разделах:
– «Заметки о книгах»;
– «Научная жизнь»;
– «Штрихи к портрету». |
| 2. Исторические науки. | |
| 3. Экономические науки. | |

Журнал издается с периодичностью 4 номера в год. С электронной версией журнала можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=7571. Опубликованные статьи индексируются в российских и международных электронных библиотеках и наукометрических базах данных: РИНЦ, РУКОНТ, «Киберленинка», ЭБС «Университетская библиотека онлайн», Ulrich, EBSCO.

Авторы, сохраняя за собой авторские права на работу и передавая журналу «Известия вузов. Северо-Кавказский регион» право первой публикации, автоматически принимают на себя обязательство не печатать ее ни полностью, ни частично в каком-либо другом издании без указания ссылки на оригинальную публикацию в этом журнале.

Издательские услуги оплачиваются организацией или автором после утверждения статьи на редколлегии.

Оформление работ осуществляется согласно правилам:

1. Представляется электронный вариант статьи. В начале статьи указать индекс УДК.
2. Текст должен быть набран в редакторе MicroSoft Office 98 Word 2000, 2003, 2007 через 1,5 интервала, шрифтом Times New Roman размером 14 пт, страницы пронумерованы. Для записи формул применять только редактор формул Equation 3.0.
3. Сопроводительное или рекомендательное письмо, если статья представляется от организации.
4. Полное название организации и ее адрес **на русском и английском языках**.
5. Сведения об авторах с указанием адреса, по которому будет вестись переписка **на русском и английском языках**.
6. Название статьи и фамилии авторов **на русском и английском языках**.
7. Аннотация **на русском и английском языках** (1000–1500 знаков / 150–200 слов; четко указать предмет, цели, задачи и выводы исследования).
8. Ключевые слова **на русском и английском языках (8–10 слов)**.
9. Список литературы на английском языке.

Журнал распространяется по подписке через Объединенный каталог «Пресса России» в подписной период. Индекс издания – 70414 (подписка на полугодие).

В неподписной период отдельные номера журнала за нынешний и прошлые годы можно приобрести в редакции.

Адрес для переписки: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, ЮФУ.

Редакция журнала «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки».

Тел.: (863) 218-40-00, доб. 11-093, доб. 11-094.

E-mail: izvestiya@sfedu.ru.

Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfedu.ru.

ISSN 2687-0770. Doi 10.18522/2687-0770-2021-1.

Известия высших учебных заведений.
Северо-Кавказский регион. Общественные науки.
2021. № 1